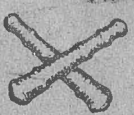
Ю
Г 22
Гаскуэн
Эволюция...
1921

10/
Г 22

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГАСКУЭН

ЭВОЛЮЦИЯ АРТИЛЛЕРИИ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1924

Р.С.Ф.С.Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

10
Г22

ГАСКУЭН

ЭВОЛЮЦИЯ АРТИЛЛЕРИИ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. БУРОВА

Г. В. Р. С.

МОСКВА

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 138993.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Профессор Военной Академии с 1912 по 1914 год, начальник артиллерии 3-ей, 9-ой и 17-ой дивизий в первую половину кампании, ген. Гаскуэн во вторую половину войны проделал в качестве начальника артиллерии 1-го армейского корпуса. Широкое военное образование, богатый опыт, оригинальность мысли и искренность—вот, что характеризует его, как автора.

* * *

Кризис военной мысли, переживаемый нами, имеет место и на Западе, только, быть может, не в таких острых формах.

Людендорф, Гинденбург, Бернгарди делают попытку переоценить самые основания подготовки страны к войне.

Экономика и политика выдвигаются ими на первое место.

Но никто так внимательно и так подробно, как Гаскуэн, не останавливается на зависимости тактики и методов подготовки командного состава от состояния промышленности и достижений техники.

Главная же особенность предлагаемой работы состоит в том, что автор ее наносит сильнейший удар „военному гегельянству", ставящему дух на первое место.

Пресловутый дух и наступательная доктрина, по словам Гаскуэна, останавливались часто там, где не хватало... нескольких километров провода и вообще материальных рессурсов....

* * *

Редактор приносит глубокую благодарность за разъяснения и указания—Ю. М. Шейдеману, Р. И. Башинскому и В. Р. Руппенейт.

* * *

Согласно задания перевод был сделан следующими лицами:

А. В. Хвощинским, В. А. Городисским, Ю. Н. Леонгард, А. С. Воробьтым, П. И. Бойно-Родзевич и А. А. Буровым.

Редактор отлично сознает недочеты работы, происшедшие вследствие срочности перевода и разнообразия языка глав, переведенных разными лицами.

Малый срок, данный для редактирования—менее двух недель, не дал возможности сохранить должное единство стиля.

А. Буров.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вряд ли можно будет написать историю Великой войны ранее, чем через 20—30 лет, даже ограничиваясь рамками военной истории, так как много материалов и документов не опубликовано и не обработаны дневники военных действий многих войсковых соединений и штабов.

Настоящая работа имеет главною целью ознакомить общество со сделанными наблюдениями, пережитыми событиями, некоторыми мыслями относительно артиллерии, и подвергнуть их обсуждению.

Здесь найдут ясно формулированную критику доктрины, принципов, организации, но только не личностей, да и вряд ли следует об этом говорить [1]).

Кто из нас может похвалиться, что непогрешимо вел войну, столь сложную и отличную от прошлых войн? кто может привести хотя бы верную цифру потерь от артиллерии?

Об этой критике просило несколько месяцев тому назад само наше высшее командование, и, что замечательнее всего, почти в то же самое время германский военный министр Рейнгардт предписал германским офицерам, участникам войны, изложить в рапорте весь свой фронтовой опыт.

* * *

Мы идем дальше и думаем, что само общество, насчитывающее ныне в своих рядах более миллиона старых артиллеристов и миллионы пехотинцев, должно принять участие в дебатах; по крайней мере в специальных вопросах относительно военного вооружения и действия снарядов.

Мы полагаем, что простой рядовой и канонир, который имел дело за несколько лет войны со столькими образцами ма-

---

[1]) Нас могли бы, конечно, критиковать вслед за ген. Ланглуа и многими другими за утверждение, что всякое усовершенствование вооружения облегчает наступление.

териальной части, способен лучше многих штабных офицеров оценить характер и, особенно, трудности и хорошие стороны службы.

Например, если спросить артиллерийскую прислугу относительно веса снарядов тяжелой артиллерии, вряд ли она будет считать удобными наши калибры различных образцов и, в частности, нашу 155-м.м. гаубицу, вес снаряда которой чрезвычайно велик—43 клгр.

Конечно, артиллеристы будут правы, так как ясно, что одно из первых условий на войне, где питание огнеприпасами приобрело столь исключительное значение,—выбрать образец снаряда, удобный для снабжения, т.-е. легко переносимый одним, даже утомленным человеком (как это и бывает почти всегда на войне), да еще по местности, изрытой бомбами.

В наше время, когда тэйлоризм заставил отказаться от бросания лопатой 20 клгр. земли (для землекопов) и не рекомендует переходить в броске — 10 клгр., думается, что наши артиллеристы, знакомые с трудностями подвоза снарядов днем и ночью[1]) при постоянной готовности открыть огонь в любую минуту,—несомненно, обратят внимание на это важное обстоятельство.

Им не безызвестно, конечно, что германцы и австрийцы удовлетворились для дивизионных гаубиц гранатой в 15 клгр. а наши союзники, англичане—аналогичным снарядом в 17 клгр., Они найдут не без основания что снаряд, который можно быстро заряжать и сосредоточивать в больших количествах даже на выдвинутых позициях, занимаемых дивизионной артиллерией, должен быть удобен в обращении, не достигать такого большого веса, как наш 155-м.м.—43 клгр., и не превосходить максимума 20—25 клгр.

* * *

Наконец, знакомя с необходимыми военными истинами широкие массы французов, хорошо знающих войну, рискуешь, по меньшей мере, впасть в некоторые заблуждения, подобно многим комиссиям, бюро, руководящим комитетам,—заблуждения, сознаваемые, впрочем, ими самими.

Нам нужно в будущем упростить военную науку, увеличить число военных школ и не допускать стратегию и тактику становиться своего рода оккультными науками, составляющими монополию нескольких замкнутых кружков, очень подверженных заблуждениям, как это и наблюдалось до сих пор.

---

[1]) Рассуждая таким образом, они, несомненно, осудят патронный лоток для 75-м.м. снарядов, весящий около 100 клгр., т. е. самый тяжелый во всех полевых артиллериях мира.

„Я"—всегда ненавистно, и мы извиняемся заранее, если придется его часто цитировать в этой работе. На самом деле, здесь мы будем часто ссылаться на документы, личные заметки и ежедневные наброски, сделанные во время войны, или мысли, опубликованные нами до войны, к которым мы иногда будем возвращать читателя [1]), или, наконец, на лекции, читанные в военной академии в 1912—1914 г. г. — о легкой и тяжелой германской артиллерии и о французской осадной артиллерии.

* * *

Если французская армия все-таки не получила более полного наставления по фортификации и по тяжелой артиллерии, если она не была снабжена новой материальной частью: минометами, ручными гранатами, полевыми и окопными щитами, пушками сопровождения, гаубицами крупного калибра и т. п.,— это вина только военной академии, не обнародовавшей сведений о полезности всего этого снаряжения и вооружения, освещенного опытом Порт-Артура в 1904 г., что не замедлят припомнить слушатели академии.

Слишком часто забывают, критикуя высшую военную школу (академию), не зная вообще условий преподавания; и если эта академия играла когда-то, 15—20 лет тому назад, и очень удачно, роль военного критика, то позже, с учреждением Высшего Военного Совета, она стала простым органом распространения официальной военной доктрины, под суровым контролем комитета генерального штаба.

Парламент, столь ревниво относившийся во время войны к своему праву контроля, никогда не касался вопросов преподавания в военной академии.

Он предоставил ее, как кажется, руководству и наставлению генерального штаба и министерских бюро.

Именно здесь роль парламента, удачная вообще, имеет крупный пробел, так как в преподавательских кругах и в совещаниях устанавливаются определенные идеи, мало соответствующие действительности; хорошо еще, что отдельные личности и группы приходят время от времени на помощь, выслушивая и помогая разобраться и проверить доктрину.

Поэтому приходится видеть вновь периоды духовной заразы [2]), видеть возвращение ложных ходячих идей, столь частых в во-

[1]) „Французская пехота и германская артиллерия", 1908. Lavozselle. „Сравнение полевой фортификации во Франции, Германии и России"—1908 г. Lavozelle.

[2]) Освещенные недавно, в течение этой войны, знатоком психологии д-ром Gustave le Bon.

енных школах вообще, откуда почти совершенно изгнаны оппозиция и возражение.

* * *

Одно из последствий войны, с точки зрения психологии, это—трудность, даже почти невозможность обсуждения военных вопросов с ее участниками[1]).

Каждый из нас, участников, может защищаться, так сказать, тем, что все видел, все знает и обладает, во всяком случае, законченными взглядами. Это, без сомнения,—результат живости, силы пережитых волнений и глубины произведенного впечатления. Каждый был свидетелем скольких событий, видел конкретные случаи, которые им глубоко прочувствованы, пережиты и оставили сильное впечатление.

Он их обобщает и считает неопровержимыми.

Это частное противоречие, рожденное войной, много вредит отысканию истины.

* * *

Что касается участников войны—артиллеристов,—их техника ненадежна, они держатся по каждому вопросу различных мнений и, в частности, о действии, производимом их снарядами.

Мы увидим далее из этой книги, что артиллеристы, не имевшие возможности, в большинстве случаев, наблюдать действие их снарядов, не могли согласовать их с неоспоримыми данными полигонных испытаний, так как в этом отношении ничего, или почти ничего не было сделано.

Можно сказать, скольких артиллеристов спрашивали по какому-либо вопросу, столько было и различных мнений; это, конечно, не могло способствовать поднятию доверия к техническим советникам и не способствовало, тем более, отысканию технической истины, казалось бы, самой доступной из всех истин.

* * *

Во всем, что касается точки зрения тактики, артиллеристы 75-м.м. орудия, сражавшиеся в составе дивизии, имеют претензию утверждать, что видели все; действительно, они видели много боевых действий, живя годы на одном боевом участке с пехотой, находясь с ней в постоянной связи. „Тяжелый“ артиллерист имеет не меньшие, но, очевидно, менее справедливые претензии. Любопытно отметить, что офицеры тяжелой артиллерии

[1]) Дело не всегда обстоит легче и с теми, которые никакого участия в войне не принимали.

имели, однако, большее значение и большее влияние в крупных штабах и особенно в генеральном штабе в течение всей войны Крупные штабы очень мало понимали в артиллерии, как и значительная часть нашего высшего командования перед войной и в начале ее. Курс артиллерии в военных училищах перед войной был очень обширен. Но он больше касался истории и тактики, чем техники; недооценка этой последней стоила нам очень дорого; настоящий труд это докажет. Крупные штабы не знали часто, что происходит на фронте; иногда им не писали и не докладывали об этом вследствие того, что сами части не отдавали себе отчета в происходящем.

Быть может, только офицеры низших штабов—дивизий и, самое большее, корпусов лучше других разбирались в вопросах тактики артиллерии.

* * *

Из всего этого и из претензий каждого, что он все видел и все знает, рождается исключительная трудность обсуждения вопросов войны.

Многочисленные комиссии, которым предстоит заседать в течение ближайших лет, будут свидетелями горячих споров, откуда истина будет исходить редко, где согласия невозможно добиться и откуда каждый будет уходить с теми же мыслями, с какими пришел, часто даже никого не выслушав. Лучше будет, мы полагаем, доверить свой опыт книге или большим журналам, которые сообщат нашим запасным кадрам все виденное, продуманное, все новые идеи и результаты размышлений о событиях.

Этим путем можно скорей привести к соглашению участников войны, изменив и расширив их идеи, заставив их выйти из чрезвычайно узких шаблонов, к которым они имеют тяготение.

Именно это и может быть средством, чтобы положить конец противоречивости мыслей относительно войны.

Из этого могут родиться законы точного опыта и основания для духовной подготовки народа к будущей войне.

На самом деле, мы обязаны перед павшими на полях сражений подготовить такую войну для оставшихся в живых и для будущих поколений, которая защитила бы наши границы против наступления не только центральных держав, но даже всего востока, если бы оно началось.

Мы хотим быть у себя безусловными хозяевами и использовать все, что дала эта война в смысле тактики и техники,—все, что материально возможно и относительно полезно. Цена, которую надо платить, чтобы завоевать гектар земли, сильно поднялась,—вот один из выводов войны.

Человеческая кровь не была пролита напрасно; отныне на основании приобротенного опыта можно сказать, что, обороняя пограничную полосу, промышленно-организованную и занятую наличным, даже ограниченным числом хорошо обученных войск, можно безусловно остановить вторжение завоевателей, как бы могучи они ни были.

Поставить завтрашнего завоевателя перед альтернативой, или быть отброшенным с ужасающими потерями, или вести бесконечную войну—вот, что должно стать нашей руководящей идеей.

* * *

Тактика должна быть выбрана сообразно нашей рождаемости; она должна быть экономной в людях и расточительной в первоклассных машинах.

Настоящая работа не претендует изложить тактику будущего, она имеет целью показать, насколько трудно исправить духовную подготовку, уклонившуюся от истинного пути, и как нельзя было вполне улучшить посредственную систему вооружения, даже в течение 4-х лет войны.

Висбаден, февраль 1919 г.

Автор.

Эволюция артиллерии во время войны.

ГЛАВА I.

Артиллерия перед началом кампании.

(Материальная часть, личный состав, обучение.)

1. Материальная часть артиллерии.

„Франция начала войну без тяжелой артиллерии" — вот тревожный крик, распространившийся в многочисленных печатных статьях, более чем несвоевременно, в июле 1914 г., во время горячих парламентских заседаний.

„Наша тяжелая артиллерия будет главным фактором наших будущих успехов",—заявляли, с другой стороны, некоторые немецкие генералы, при разборе маневров, в годы, предшествовавшие войне.

Действительно, война разразилась, бои и сражения начались в августе на севере, в Бельгии и в аннексированной Лотарингии, потом грандиозное сражение на Марне и в Лотарингрии, выигранное в сентебре французскими армиями[1]), где главным фактором морального и материального успеха была наша 75-м.м. артиллерия.

Этим фактом дано было поразительное опровержение как французским, так и немецким предположениям.

Цель этой и последующей главы—изложить преимущества и недостатки французской артиллерии к началу войны, по сравнению о германской артиллерией.

Довольно полное, это изложение имеет задачей наметить крупными штрихами главные причины наших успехов и неудач, тесно связанных с вопросами материальной части артиллерии после общего ослабления нашей пехоты, которому она подверглась в течение нескольких недель.

Французская тяжелая артиллерия.

Вот в кратких словах состояние нашей тяжелой артиллерии: фактически ни в наших дивизиях, ни в армейских корпусах не было ни одной тяжелой батареи.

[1]) Поддержанных малочисленной английской армией в августе 1914 г.

На армию полагалось, в качестве тяжелой армейской артиллерии, несколько групп (3, 4, 5, сообразно задаче, возлагавшейся на армию), которые и составляли всю нашу тяжелую артиллерию.

Эти группы, недавно сформированные, были вооружены следующей материальной частью:

105-м.м. длинная пушка обр. 1913 г.—новейшее орудие с отлогой траекторией и дальностью в 11 тыс. метров; изготовлена в очень малом количестве.

120-м.м. короткая, обр. 1890 г., Баке, орудие типа легкой гаубицы, но недостаточно совершенное и с малой дальностью—5000 метров (должна была постепенно заменяться 105-м.м. оруд.).

120-м.м. длинная, обр. 1878 г., Банж, с дальностью 9000 метров.

155-м.м. гаубица Рималью, обр. 1904 г. с дальностью в 6000 метров.

Германская тяжелая артиллерия.

В дивизии: 18 легких 105-м.м. гаубиц с новейшей материальной частью, хорошо применимой ко всяким условиям, но с дальностью не более 6000 метров.

В корпусе: 16 тяжелых 150-м.м. гаубиц, с современной материальной частью, могущественной и подвижной, с дальностью 8000 метров.

В армии: различное число групп, вооруженных—одни 210-м.м. мортирами, другие—длинными пушками в 10, 13, 15 сантим.[1]); в общем, все орудия—современные, с дальностью, соответственно в 9000, 10.000, 13.000 и 14.000 метров.

Всю эту артиллерию можно исчислить приблизительно в

1500 легких 105-м.м. гаубиц.
1000 тяжелых 150-м.м. „
1000 мортир и длинных пушек, пригодных для полевой войны.

Сверх того, значительное число осадных пушек, гаубиц и мортир, большей частью устарелых.

Из этого видны преимущества, которые могли дать эти орудия, с современной материальной частью, могущественной и относительно подвижной.

В частности, легкая 105-м.м. гаубица, скорострельная, с крутой траекторией была одинаково полезна как в позиционной, так и в маневренной войне; к этим ее свойствам мы будем еще возвращаться.

[1]) Очень длинными по сравнению с нашими, в чем и кроется отчасти причина их большой досягаемости.

Это гаубица приносила нам вред в течение всей войны и играла, против ожидания, главную роль в германской артиллерии. Это и есть полутяжелая артиллерия [1]) скорее тяжелая, и опыт войны показал кроме того, что она была и полевой артиллерией в полном смысле слова, удобной и постоянно полезной, какой бы ни был род войны.

Полевая артиллерия 75 м.м. и 77 м.м.

2. Материальная часть полевой артиллерии.

Именно полевая артиллерия двух армий как по ее числу, так и богатству снабжения снарядами, по ее подвижности, способности личного состава поддерживать пехоту, играла, в общем, главную роль в сражении на Марне и в Лотарингии и во весь период маневренной войны.

Полевые орудия соответственно: 75 м.м. франц. обр. 1897 г.
77 м.м. герман. обр. 1896 г.

Преимущества нашей 75 м.м. пушки следующие:

Дальность дистанционной стрельбы 75 м.м. — 6700 метр.
„ „ „ 77 м.м. — 5300 „
„ ударной стрельбы 75 м.м. — 8500 „
(максимальная дальность получена при подкопанном сошнике).

Дальность ударной стрельбы (при тех же условиях)
77 м.м. — 8000 метр.

Стрельба 75-м.м. пушки более точна и по дальности и по направлению; обслуживание проще и не дает случаев задержки стрельбы; 75-м.м. орудие менее заметно и меньше подпрыгивает при стрельбе, чем 77-м.м., так как боевая ось 75-м.м. орудия ниже 75-м.м. орудие производит, особенно сначала, большое моральное впечатление, вследствие значительно большей начальной скорости, сообщаемой снаряду (более, чем на 100 метров, в круглых цифрах, по сравнению с 77 м.м.).

Недостатки 75-м.м. орудия, это—меньшая подвижность по тяжелому грунту, так как 77-м.м. имеет более высокие колеса; траектория слишком отлога, что затрудняет часто стрельбу через головы своих войск.

---

[1]) Наша 105-м.м. артиллерия была хороша; она была тоже полутяжелой артиллерией, но имела отлогую траекторию вместо того, чтобы иметь крутую, и не имела ни подвижности, ни удобства, ни большой полезной производительности (puissance de débit) германской 105-м.м. гаубицы.

Под полезной производительностью (puissance de débit) орудия надо разуметь свойство этого орудия, позволяющее при наименьшем напряжении транспорта, металлургической и химической промышленности страны, нанести наибольший вред противнику. В дальнейшем изложении автор подчеркивает неоднократно зависимость puissance de débit от экономики страны, но, к сожалению, нигде не дает определения.

Прим. ред.

77-м.м. орудие, с менее отлогой траекторей, имеет в этом отношении некоторые преимущества.

Итак, преимущества 75-м.м. орудия для чисто маневренной кампании несомненны. Мы говорим здесь только о приемуществах орудия в собственном смысле этого слова. Далее мы обратимся к рассмотрению вопроса о снарядах и о действительности стрельбы.

Численное соотношение полевой артиллерии.

Во французском армейском корпусе двухдивизионного состава было 120—75-м.м. орудий; по 9 батарей (4-хорудийных) на каждую дивизию и 48 орудий—12 батарей 4-х-орудийного состава—корпусной артиллерии.

В германском армейском корпусе—108 орудий 77 м.м. в двух дивизиях (по 9 шестиорудийных батарей).

Итак, превосходство в числе легких полевых орудий—на стороне французов. Это превосходство станет еще более разительным, если вместо того, чтобы сравнивать число орудий,—сравнить число батарей, так как французская батарея—4-хорудийная, а германская—6-тиорудийная; т.-е. в действительности французский армейский корпус имеет 30 батарей 75-м.м. орудий против 18 батарей 77-м.м. германского армейского корпуса, находящихся в его постоянном составе.

А наша 4-хорудийная батарея 75-м.м. орудий почти равноценна германской 6-тиорудийной батарее 77-м.м. орудий.

Нужно сказать, что германский армейский корпус имеет очень сильную поддержку в своей тяжелой артиллерии с ее шестью батареями—36 легких 105-м.м. гаубиц, а также в тяжелой артиллерии корпуса с ее 4-мя батареями—16 тяжелых 150-м.м. гаубиц; но в начале войны нельзя было рассчитывать на это усиление в целом, так как часто не было времени, чтобы подтянуть тяжелые орудия к линии боя, или, если даже они и принимали участие в бою, их не успевали снабжать снарядами.

Можно сказать, что в начале войны мы имели действительно численное превосходство в полевой артиллерии, превосходство как в числе орудий, так и, главным образом, в числе батарей, приходившихся на армейский корпус.

Эти цифры, в общем, не известные обществу, забытые или обойденные молчанием, надо знать.

30 батарей 75-м.м. ор. франц. армейского корпуса против 18-ти батарей 77 м.м. германского армейского корпуса; эти данные надо запомнить, так как ими одними объясняются неудачи гер-

манцев в громадных артиллерийских снаряжениях во время маневренной войны с 20 августа по 12 сентября 1914 г.

В сущности, если верно, что мы недостаточно развивали тяжелую артиллерию, то не менее верно, что германцы слишком пренебрегали их легкой артиллерией.

* * *

Выгодное положение для нашей полевой артиллерии создалось благодаря тому, скажем громко, что французский парламент принял в начале 1909 г. закон о чрезвычайном усилении полевой артиллерии, увеличении на 50% числа полков, и это, вопреки мнению многих офицеров генерального штаба и строевых офицеров всех родов оружия, недостаточно понимавших исключительное значение, которое суждено было приобрести артиллерии, технике и машинизму в последней войне [1]).

* * *

Итак, общее состояние артиллерии двух армий—французской и германской—накануне войны было таково:

1. В крупных войсковых соединениях: дивизиях, корпусах и армиях.

Поразительное превосходство германской тяжелой артиллерии; у нас ее не было ни в дивизии, ни в корпусе, в армии же—только в зачаточном состоянии.

Огромное превосходство французской легкой артиллерии в армейском корпусе.

2. В общем во всех армиях.

Значительное численное превосходство германской артиллерии (соответственно бо́льшему числу армейских корпусов); превосходство, выражаемое приблизительно следующими цифрами

Французские армии.

300 тяжелых запряженных орудий.
4000 пушек 75-миллиметровых.

---

[1]) Без сомнения, воспоминания о борьбе с оппозицией, способствовавшей уменьшению военных бюджетов в пользу так называемых „рабочих законов", откладывали в предвоенные годы мероприятия по усилению тяжелой артиллерии. Нельзя было сразу усилить армию и легкой и тяжелой артиллерией, чтобы, не принести вреда этим самым другим родам оружия, так, по крайней мере тогда думали.

Германские армии.

2000 тяжелых гаубиц [1]) (мортир и длинных пушек).
1500 легких гаубиц.
5000 пушек 77-миллиметровых.

Наша сравнительная слабость как в числе орудий, так и в калибре, очевидна.

Она не могла быть достаточно компенсирована ни баллистическим превосходством нашей 75-м.м. пушки над 77-м.м. германской, ни превосходством нашим в числе батарей в составе армейского корпуса; но изложенное выше сравнительное состояние материальной части двух артиллерий было бы неполным, если бы мы не приняли во внимание нашу многочисленную осадную артиллерию и, особенно, качество наших снарядов.

Значение нашей осадной и крепостной артиллерии в августе 1914 года.

Очень большое число орудий и снарядов перед объявлением войны находилось частью в наших арсеналах, чтобы выдвинуть в случае нужды для осады крепостей или для атаки укрепленных позиций, частью была установлена в наших фортах и крепостях для обороны их самих.

Эта артиллерия состояла из нескольких тысяч пушек Банжа [2]) хорошо известных теперь всему народу, так как их обслуживали 500.000 французов.

Можно сказать, что французская осадная артиллерия и пушки Банжа—одно и то же.

Орудия из превосходной стали, заряжающиеся с казны, изготовленные между 1877 и 1882 г. г.—они хорошо сохранились и большей частью были почти новыми к 1914 г.

В общем, эта полная однородная система состояла из длинных пушек [3]), которые были в действительности скорее длинными гаубицами, из коротких тяжелых пушек (вернее, тяжелых гаубиц) и мортир.

---

[1]) В расчет не вошли несколько тяжелых гаубиц или мортир очень крупного калибра, большею частью австрийских, действовавших против наших фортов-застав; вроде Манон-Вилье или крепостей Мобеж. В сражениях они роли не играли.

[2]) Мы называем для простоты все орудия—пушками Банжа, хотя некоторые из них изобретены другими лицами (в частности-95-м.м., но в действительности они мало отличаются одно от другой.

[3]) В общем, условились называть пушками—орудия, длина которых превосходит 20 калибров; гаубицами, длина которых в калибрах заключается между 10—20; мортирами—длина которых не более 10 калибров.

В помещенной ниже таблице приводятся, в круглых цифрах, основные[1]) данные орудий Банжа, перед началом войны:

Число наличных ор.	НАЗВАНИЕ.	Длина в калибр.	Уг. возв. до пуск. лаф.	Дальность.
500	80-м.м. полевые пушки. .	26	26°	7500 м.
3000	90-м.м. „ „ . .	23	25°	6000 м.
1000	95-м.м. пушек	24	25°	8500 м.
1500	120-м.м. дл. пуш.	20	30°	9000 м.
1000	155-м.м. дл. пуш.	20 [2])	28°	10000 м.
300	155-м.м. кор. пуш.	12	60°	6000 м.
200	220-м.м. мортир	6	62°	6000 м.
30	270-м.м. мортир	7	70°	7000 м.

Эта артиллерия исчислялась по крайней мере в 7500 орудий.

Выход столь многочисленной артиллерии на фронт, очевидно, нельзя было осуществить вследствие недостатка всего необходимого для их обслуживания: перевозочных средств и т. п.

Вопросы о выходе в поле мортир, вследствие их тяжести и малой дальнобойности, а полевых орудий вследствие наличия 75-м.м. пушек-не поднимались, по крайней мере, в начале кампании; занимались только вопросами о выходе 95-м.м., 120-м.м. и 155-м.м. орудий.

Несколько групп в запряжках, а потом с тракторами, были сформированы из 120-м.м. длинных пушек, но, кажется, значительная роль, которую могли сыграть эти многочисленные 120-м.м. орудия, а также 155-м.м. длинные и 95-м.м., ускользнула от внимания нашего высшего командования.

Желательные улучшения в самой материальной части, особенно в лафетах, не были произведены [3]).

[1]) Эти цифры только приблизительны вследствие трудности собирания согласованных сведений по разным источникам.

[2]) По нашим данным, длина 155-м.м. пушки равна 28 калибр. *Прим. ред.*

[3]) Лафеты, виденные нами за время всей войны, были осадного и крепостного типа, громоздкие и высокие, предназначенные для стрельбы через закрытие из туров, высотою в 2 метра. Эти лафеты, как указано в приложенной ниже таблице, имели кроме того большой недостаток у 155-м.м., 120-м.м. и 95 м.м. дл. пушек, так как не позволяли вести стрельбу под большими углами возвышения, т.-е. навесную стрельбу

Возможность применения орудий Банжа в качестве гаубиц.

На всех военных играх и практических занятиях генерального штаба в годы, предшествовавшие войне, приходили к выводу о необходимости иметь более дальнобойные и более могущественные орудия, чем наши 75-м.м.

Знали, что у германцев они есть. Это и было причиной того, что в 1913—1914 годах была спроектирована и изготовлена наша длинная 105-м.м. новейшая пушка, очень близкая к 106-м.м. русской, удовлетворившей наших союзников.

Быть может, именно введение нашего 105-м.м. орудия помешало улучшению пушек Банжа 95—120 и 155-м.м. и их приспособлению для маневренной войны.

Факт, несомненно, прискорбный, так как снаряды этих последних орудий были более сильного действия, чем снаряд 105-м.м. орудия.

Опыт показал, что мы слишком переоценили наши 105-м.м. пушки, и что вообще нельзя рассчитывать на непосредственное хорошее применение нового орудия, пока оно не изготовлено в значительном числе, как это было в данном случае.

В вопросах артиллерии всегда скорее надежнее и много дешевле—улучшить старую систему, чем ввести новую, тем более, когда улучшить можно тысячи существующих орудий.

Нужно было ждать несколько лет, до начала 1918 г., чтобы изготовить 1500—2000 орудий 105-м.м.—цифру значительно менявшую наличное в 1914 году число 95 и 120-м.м. орудий Банжа.

Можно было бы, думается, через несколько месяцев, т.-е. в 1915 году, иметь 1000—1200 полевых 120-м.м. дл. пушек, применив очень подвижной и остроумный лафет, сконструированный майором Мурсе за несколько лет до войны и испытанный в Бурже в 1914 году.

Этот лафет, если бы он был изготовлен, превратил бы наши 120-м.м. и 95-м.м. орудия в легкие гаубицы, несколько длинные, но более дальнобойные, и бросающие лучшие снаряды, чем соответственные германские гаубицы.

Генеральный штаб не учел все значение этого лафета Мурсе ни до 1914 года, ни даже во время войны, хотя испытательная комиссия в Бурже проявила к нему интерес.

Изобилие вопросов материальной части стало таким, что наш генеральный штаб к концу 1914 года оказался перегруженным.

Это одно показывает, сколько вреда было сделано в течение войны некоторыми отделами генерального штаба и бюро изучения артиллерии при главной квартире. Мы к этому еще вернемся.

* * *

Можно было бы подойти с описанным выше методом оценки и к длинной 155-м.м. пушке Банжа на лафете полк. Жуандо, дав тем самым нашей старой 155-м.м. пушке свойства новейшей длинной гаубицы; но, сообразно большему калибру 155-м.м. пушки и значительно большему весу ее снаряда, это орудие никогда не могло иметь столь широкого применения, как 120-м.м. ор., поставленное на гаубичный лафет, и на него не могли возлагаться те же задачи.

* * *

Эти улучшения, примененные только к 1000—1200 длинным пушкам 120-м.м. [1]) на лафете Мурсе, давали нам сразу превосходство над германскими гаубицами как по дальности, так и по действительности огня, так как 120-м.м. бомба значительно тяжелее 105-м.м. гранаты германской легкой гаубицы.

Это увеличение могущества нашей артиллерии преобразованием наших пушек Банжа, если бы оно было произведено в 1913 или в 1914 году, могло замедлить, если не вовсе помешать, объявлению войны в 1914 году, так как германцы придавали исключительное значение своей тяжелой артиллерии.

* * *

Несомненно, скажут, что после легко критиковать решения, принятые относительно тяжелой артиллерии в годы, предшествовавшие войне и в первые годы войны.

Мы не спорим и знаем, что в данном случае вопрос о необходимости оживить пушки Банжа, называвшиеся, с таким презрением, устарелыми,—неоднократно поднимался в прессе.

Мы знаем также, с каким множеством сложных вопросов столкнулись в первые месяцы войны наше командование и наш генеральный штаб, и что это помешало им разобраться в вопросах материальной части, да и вообще в вопросах техники. Орган генерального штаба не соответствовал более своим функциям.

С другой стороны, мы вовсе не думаем подвергнуть сомнению волю какого-нибудь отдельного лица, но хотим, из уваже-

[1]) Новейшие короткие пушки (гаубицы) того же калибра изготовлялись на заводе Крезо до войны, но нам не удалось выяснить, почему изготовление их в большом числе, которое могло нам дать значительные преимущества, не пошло во время войны далее нескольких батарей.

ния к истине, и, чтобы безусловно избежать тех же ошибок в будущем, выяснить причины и сказать: история войны показала, что много раз; располагая желательной материальной частью, мы даже не подозревали об этом [1]).

Незнание и ложные идеи обычны как в военном, так и в гражданском мире; поэтому все наиболее важные решения должны быть тщательно проверены.

В технических отделах генерального штаба знали о существовании лафета Мурсе, но не придавали ему значения; в армии и в штабах не знали даже о его существовании; наконец, никто даже не замечал,—таково действительное могущество слов,—что знаменитые длинные пушки Банжа были, на самом деле, настоящими длинными гаубицами (20 калибров), а не длинными пушками в собственном смысле этого слова (30—50 калибров), и что достаточно было им дать подходящий лафет, т.-е. дать им возможность стрелять под большими углами возвышения (системы Мурсе, Жуандо или др.), чтобы превратить их в настоящие гаубицы, со всей гаммой калибров—95, 120, 155, превосходящих германские как по дальности, так, наконец, и по могуществу, благодаря их превосходным снарядам.

Французские и германские снаряды перед войной.

Мы вышли на войну, приблизительно, с 6 миллионами 75-м.м. снарядов—наполовину гранат, наполовину шрапнелей [2]). У нас было почти такое же количество снарядов Банжа разных калибров: 80, 90, 120 и 155-м.м.—частью гранат, частью шрапнелей [3]); нужно было бы их использовать тотчас же после марнской битвы вследствие истощения запасов 75-м.м. снарядов, особенно чувствительного 12 сентября.

---

[1]) Мы лично испытали в августе 1914 года серьезное затруднение во время первых сражений, когда нужно было развернуть впервые наши 155 и 120-м.м. длинные пушки Банжа, стрелявшие из соседних крепостей. Там имелись под руками значительные артиллерийские средства. Главнокомандующий разрешил их брать, но не знали, какое огромное значение могло иметь и какую пользу могло принести быстрое введение их в бой. Естественно, что потом эти батареи Банжа росли, как по волшебству; в одном, правда, с ними было не легко—это на походе.

[2]) Было около 1500 снарядов на каждое 75-м.м. орудие, считая в том числе и неснаряженные перед мобилизацией мелинитовые гранаты—около 800 тыс. штук, которые должны были быть и которые действительно были снаряжены в первый же месяц. Затем производство поднялось до 20 тыс. снарядов в день и оставалось далее на том же уровне.

[3]) Довольно значительное количество старых бомб обыкновенного чугуна, не очень высокого качества, были израсходованы в течение 1915 г., за недостатком других снарядов

Мы обратились тогда к снарядам Банжа, хотя их нужно было бы использовать с начала кампании, как и 75 м.м.

* * *

Мы не знаем точно, сколько снарядов приходилось в среднем на 77-м.м. германскую пушку перед войной, и превосходило ли это количество наш запас к 75-м.м. орудиям. Возможно; но странно, что германцы в то же самое время, как и мы, ощущали недостаток снарядов к концу сражения на Марне; это и было одной из главных причин, заставивших германцев отступить в сентябре 1914 года.

Расход снарядов у германцев превзошел все ожидания так же, как и у нас [1]).

Сравнительные качества снарядов.

Сравнительная ценность артиллерии двух систем на полях сражений всегда зависит от качества их снарядов.

Сравнительная ценность двух стальных снарядов близкого калибра измеряется содержанием в них взрывчатого вещества, если полагать, как это было в данном случае, что употребляемое для обоих взрывчатое вещество одинакового качества [2]).

Отношение веса взрывчатого вещества к весу всего снаряда называется коэффициентом полезного груза или полезным грузом снаряда.

Предлагаемая ниже таблица дает представление о полезных грузах главнейших французских и германских снарядов (см. стр. 20)

Эта таблица ясно показывает:

1. Большое превосходство коэффициента полезного груза всех старых французских снарядов системы Банжа над соответственными германскими снарядами, несмотря на то, что эти последние новее первых на 25—30 лет.

2. Относительно незначительный коэффициент полезного груза нашей новой 105-м/м. пушки.

3. Большое превосходство снаряда 75-м.м. полевой пушки над 77-м.м. германским снарядом—фактор очень большого значения в первых столкновениях в чистом поле, где полевые пушки играли главную роль.

* * *

Чтобы сделать наше сравнение полным, надо к этим гранатам и бомбам прибавить еще шрапнели, так как мы знаем, что

[1]) Особенно, для крупных калибров, часто не стрелявших, вследствие огромных трудностей снабжения.

[2]) В начале кампании наше взрывчатое вещество—мелинит—по качеству было несколько выше германских взрывчатых веществ.

Французские снаряды.				Германские снаряды.			
Орудия.	Вес снаряда.	Вес разрывного заряда.	Коэф. полезного груза.	Орудия.	Вес снаряда.	Вес разрывного заряда.	Коэф. полезного груза.
75-м.м. пушка . .	5 к. 200	650 гр.	13%	77-м.м. пушка . .	6 к. 300	160	2½%
90-м.м. „ . .	6	890	15%				
90-м.м. „ . .	9	1 к. 100	12%				
95-м.м. „ . .	12 к. 200	2 к. 260	18%				
105-м.м. новейшая пушка	16 к.	1 к. 860	11%	105-м.м. лег. гауб.	15 к. 670	1 к. 400 / 2 к. 060	8% / 12,80%
120-м.м. пушка . .	20 к.	4 к. 200	21%	105-м.м. тяж. гауб.			
155-м.м. „ . .	43 к.	10 к. 400	24%	150-м.м. гаубица .	41 к.	6 к.	14,50%
155-м.м. коротков.	42 к. 500	10 к. 400	24%				
220-м.м. мортира .	98 к. 400	28 к. 500	29%	21-см. мортира .	120 к.	18 к.	15%

эти снаряды составляли половину общего количества снарядов [1], приходившихся на 2 главнейших орудия — 75-м.м. и 77-м.м.

С нас будет достаточно, не входя в детальное рассмотрение формы разлета снопа пуль, густоты их распределения в нем, окончательной живой силы удара или убойности пуль. Мы ограничимся перечислением преимуществ и недостатков наших 75-м.м. шрапнелей в сравнении с 77-м.м. шрапнелями: бо́льшая окончательная скорость 75-м.м. шрапнели и ее пуль, дающая бо́льшую убойность этих пуль на всех дистанциях (так как фран-

[1]) Пропорция только в одну треть мелинитовых гранат была за 2—3 года до войны увеличена в 1913—1914 годах и доведена до 50%.

цузская шрапнельная пуля весит 12 грамм. и потому сохраняет скорость лучше германской, весящей 10 грамм), большая глубина снопа разлета пуль, большее поражаемое пространство вследствие меньшего угла падения и значительно большей настильности траектории, большая полезная шрапнельная дальность (6700 метр. для 75-м.м., вместо 5200 метр. для 77-м.м.,—несколько меньшее число пуль) 260 вместо 300, но зато более убойных; меньшая возможность обстреливать крутые склоны (превосходящие 30° на средние дистанции).

* * *

Те же перечисленные выше качества найдут в несколько меньшей степени во всех шрапнелях Банжа, появившихся на фронте в боях на Марне и в Лотарингии.

Итак, наши гранаты, наши бомбы и шрапнели были лучше выбраны и удачнее сконструированы, чем германские снаряды Последние были невыгодного образца и улучшались германцами во время войны как в смысле выбора лучшего металла, так и в смысле лучшего изготовления; сказанное выше касается снарядов кампании 1914 года.

* * *

Огромное превосходство французских снарядов на войне доказывает замечательную ценность работы Франции с 1877 по 1914 год.

Нужно здесь установить и отдать справедливость нашим военным и частным фабрикантам за суровые условия производства и приема снарядов. Сознание долга и честность нашей военной администрации, столь часто подвергавшейся критике, выдержали испытание и были вознаграждены на первых полях сражений этой войны, где победа, повторим мы здесь, в значительной степени зависела от превосходных снарядов, изготовленных на наших государственных заводах [1]).

[1]) Государственные заводы и французская национальная промышленность, призванные снабжать разнообразный и значительный арсенал орудий, должны были пустить в дело все средства, чтобы достичь наилучшего качества производства, и пришли к необходимости соединить их усилия наиболее выгодным образом для общественной пользы.

Такова была, в принципе, система, принятая во Франции. Выгоды этой взаимной поддержки были оценены представителями народа, практический разум и творческий гений которого признан всем миром; обстоятельства, при которых произведена эта оценка, совершенно не позволяют сомневаться в ее искренности:

Лет 15 тому назад, когда Соединенные Штаты без шума работали над организацией военных сил, правительство их командировало в Европу техниче-

Личный состав французской артиллерии в 1914 году.

Сила артиллерийского огня зависит не только от качеств снарядов, но и от подготовки личного состава артиллерии.

Легкая полевая 75-м.м. артиллерия в 1914 году, благодаря закону 1909 года, имела многочисленные и хорошие кадры, обслуживалась превосходными наводчиками и управлялась офицерами, опытными в разрешении задач по стрельбе.

Сначала курсы в Пуатье, потом и, главным образом, в Мальи быстро и основательно готовили кадры офицеров действительной службы и запаса, так что хорошие снаряды находились в хороших руках.

Шрапнель долгое время была почти единственным снарядом, которым можно было стрелять без опасения взрыва орудия, и с полной начальной скоростью, допускаемой материальной частью; можно было стрелять скачками, могучими ураганами, покрывая внезапно смертоносными пулями огромное пространство земли: около 5—6 гектаров одной батареей менее, чем в минуту [1]).

Было известно еще до войны испытанное на полигонах грозное действие этой шрапнели по открытым целям.

Как мы увидим далее [2]), эта огромная сила обнаруживалась много раз во время удачных стрельб по германцам в первые недели войны.

Однако, было бы желательно (но это было бы исключением в военной истории), чтобы эта профессиональная подготовка точно совпадала на полях сражений с требованиями тактики, в общем новой и неожиданной.

Подготовка артиллерии, произведенная в мирное время, обнаружила довольно много пробелов, на что мы должны здесь указать, чтобы объяснить эволюцию, которую нам нужно было проделать потом.

скую миссию с задачей изучить в различных государствах Европы организацию и производство орудий и снарядов. Сравнив различные системы, эта комиссия заканчивает свой очень обширный и обоснованный доклад следующим заключением: „Лучшая система, это—применяемая во Франции. Кажется, французы счастливо и гармонично согласовали усилия частной и государственной промышленности для одной цели: п о л ь з ы р о д и н ы“.

[1]) Гектар—около десятины—2200 кв. сажень. *Прим. редакции.*

[2]) В этом отношении была огромная разница между двумя главными родами оружия: наша героическая пехота была, быть может, лучше обучена маневрированию, чем наша артиллерия; но ее обучение стрельбе было очень несовершенно: за весьма немногими счастливыми исключениями, действия ее стрельбы в первые месяцы и, наконец, в первые два года войны были относительно слабыми.

Низший командный состав артиллерии в 1914 году.

Весь низший командный состав артиллерии был обучен на основании устава 1910 года, определенного, ясного и полного (4 тома).

Артиллеристам не пришлось во время войны учиться чему-либо новому в смысле действий при орудиях или в батерейном ученье.

Этот устав начинается со сведений по баллистике, геометрии и топографии и кончается заботами об уходе за лошадьми и материальной частью: здесь ничто не изменится, какова ни была бы тактика.

Наши фейерверкеры были образцом в смысле сознания долга, самоотверженности и знаний.

Основательные теоретические и практические занятия, продолжительные занятия наводкой, обучение производству стрельбы натренировали их и подготовили точное и быстрое исполнение команд по наводке и стрельбе.

Наша прислуга состояла большей частью, особенно наводчики, до весны 1915 года из заводских рабочих (и впоследствии из крестьян), была предана делу и хорошо практически подготовлена.

Их обязанности сделались опасными, когда настал период взрывов орудий с начала 1915 года. Сколько раз приходилось наблюдать наводчика, раненого при взрыве его орудия, которому приходилось приказывать, чтобы он шел на перевязку, когда он просил разрешения остаться и исполнять обязанности до последнего издыхания...

Двойной комплект наводчиков из запасных, установленный в 75-м.м. батареях, позволил нам без затруднений перенести 1915 год, когда были взяты с фронта все заводские рабочие.

Только в 1916 году стали писать в газетах о заслугах ящичных вожатых, оставшихся дотоле в тени. Они несли, конечно, меньшие потери, чем наши доблестные пехотинцы, но у них было больше тягостей и меньше славы в их долгой, однообразной, ночной работе питания батарей; они набирались большей частью из крестьян и не менее других обнаружили высокие качества расы.

Все эти солдаты слепо повиновались своим офицерам, как повинуются высшему знанию инженера, тем более, что сначала, бо́льшая часть артиллерийских офицеров запаса были инженерами; они никогда, даже в самые тяжелые минуты, не были беспокойными, как это имело место в других родах оружия, и были примерными как в смысле дисциплины, так и в смысле преданности их начальникам.

Итак, масса практических знаний, непрестанная деятельность, которой не было в пехотных окопах, огромный запас мужества, твердость, безропотность, с которой они переносили длительное пребывание на боевых участках [1]),—вот характеристика наших артиллеристов. Они доказали более, чем когда-либо, что надежность артиллерийского огня, поставленная во главу угла наших уставов, была и осталась первым качеством артиллерии.

Артиллерийская доктрина в 1914 году перед вступлением в войну.

Военная доктрина.

Официальные уставы.

Основная военная доктрина и вытекающая из нее артиллерийская доктрина были изложены в наших официальных уставах и применялись во французской армии, хотя насчет их много злословили. Их применяли в мирное время, с ними сообразовались во время войны, и в изучении уставов и официальных наставлений надо искать эволюции тактики во время войны.

Значение совещаний и комиссий, вырабатывавших эти уставы, в общем очень велико. Многочисленные коллективные заблуждения легко образуются в этих больших „толпах“, во все времена и во всех странах как в Германии, так и во Франции. Мы их укажем в Германии и во Франции в 1914 году. Эти заблуждения, очевидно, никогда не имели столь дорогих последствий, как в Великой войне.

Полевой устав 1913 года.

В этом уставе относительно основной военной доктрины мы находим исключительно наступательные тенденции, отказывающиеся от обороны под влиянием желания „сломить волю противника“. Это утверждение представляется нам жестокой насмешкой теперь, когда мы знаем, сколько раз воля наступающего бывала сломлена только огнем закопавшегося врага. Наступательный принцип фигурирует почти в тех же выражениях и в германском полевом уставе перед войной [2]). Как в XVIII веке линейная тактика, так теперь ложная доктрина распространилась по всему континенту.

---

[1]) Участки в 3 или 4 раза более длинные, чем у собрата по оружию—пехоты.

[2]) Германский полевой устав 1908 г. отдает исключительное преимущество быстрому наступлению с решительной целью.

Подчиненность обороны наступлению подтверждается каждой страницей устава. На самом деле все соображения устава во всем, что касается относительной ценности наступления обороны, неверны в принципе, так как устав нигде не определяет, в чем собственно заключается наступление и в чем оборона, и что когда говорится о наступлении, не знаешь, идет ли речь о стратегическом или о тактическом наступлении.

То же самое неизвестно, когда критикуют оборону, касается ли это оборонительного боя в чистом виде или выжидательного боя с решительной целью (défensive-offensive).

В общем коренная ошибка заключается в том, что официальная доктрина, выраженная в официальном уставе, не считается в достаточной мере с огнем и с прогрессом огнестрельного оружия, давшим обороне больше преимуществ, чем наступление, вопреки учению ген. Ланглуа.

Устав не учитывает также, в частности, могущество новейшей артиллерии [1]), многочисленной, снабженной прекрасной материальной частью и богатой снарядами высокого качества.

* * *

В названном уставе 1913 года, где только и речи что об атаках, теперь кажется странным,—нет ни одного слова об артиллерийской подготовке атаки, которая стала, особенно в 1916—1917 годах, чудовищной, занимает столько места и времени в этой войне и которой посвящена, можно сказать, с уверенностью, бо́льшая часть промышленных рессурсов Франции.

„Теперь надо считать установленным, что главная роль артиллерии это—поддержка атаки... артиллерия не подготавливает ныне атаку, она ее поддерживает“ (стр. 15 полевого уст. 1913 г.).

Какой материал для размышлений психологов, встретившихся с таким утверждением: „теперь надо считать установленным...“. Сколько раз приходилось наблюдать подобные заблуждения на протяжении военной истории. Не прошло и месяца с начала открытия военных действий, как пехота по всему фронту стала требовать, да и как основательно, решительной подготовки атаки, подготовки длительной, истощающей, могущественной вплоть до прорезывания проходов в проволочных заграждениях.

[1]) Процент потерь, причиняемых артиллерийским огнем, ускользнул от внимания большинства наших военных представителей во время Балканской войны. Однако, цифры раненых в госпиталях Белграда (ген. Эрр) и в Константинополе (Стефан Лозанн) показывают значительное действие артиллерийского огня, сравнительно с огнем пехоты.

Так, через несколько недель было блестяще опровергнуто утверждение устава: „Артиллерия поддерживает, а не подготавливает атаку".

Преподавание в военной академии.

Военная академия, как мы уже сказали, превратилась за несколько лет до войны в своего рода центр распространения официальных тактических воззрений (уставных), под суровым контролем комитета генерального штаба и Высшего Военного Совета.

Она не была более школой военной критики, какой она была не без блеска некоторое время спустя после ее основания; она не была фактором тактического прогресса, очагом новых идей.

Было проведено единство военной доктрины [1]), так что каждого говорившего об обороне считали почти за малодушного. Если беспристрастная история познакомится когда-нибудь с официальным преподаванием в военной академии перед войной, она, быть может, подчеркнет, что обошли молчанием прочитанные лекции о применении обороны в бою в то время, когда все наперерыв восхищались преимуществами наступательного образа действий.

Однобокое обучение может повести ко многим неожиданностям, так как военные и исторические события часто готовят сюрпризы.

Нужно быть очень безрассудным или совершенно забыть многочисленные ошибки прошлого, чтобы направлять все силы ума, духа и техники целого народа к одному единственному способу действий,—вот чем опасна единая военная доктрина.

Если вредно приучать солдат к возражению, к оспариванию различных способов действия, применяемых в бою, то тем более опасно не сообщать офицерам и, особенно, офицерам генерального штаба, общий смысл и цельность исторических поучений.

Безусловно, надо излагать основательно и полно в уставах и военных школах многочисленные преимущества морального и материального порядка, представляемые наступательным образом действий, но необходимо также разъяснять, что если пассивная оборона никогда не ведет к решительному успеху, то блестящие победы, начатые оборонительно-выжидательным боем, оконченные

[1]) На протяжении нескольких исторических эпох не было ничего более опасного, как единство военной доктрины. Никогда, например, она не была лучше проведена в жизнь, чем во времена линейной тактики, „этого старого фехтовального искусства", осмеянного в свое время в курсе тактики маршалом Фош.

контр-наступлением и даже преследованием, подтверждаются военной историей двух последних столетий.

Аустерлиц, Торрес Ведрас, Ватерлоо—вот примеры оборонительно-выжидательного боя, кончившегося решительным наступлением, заслуживающие изучения, хотя они и отделяются от нас целым столетием; успешные оборонительные действия Фроссара у „Пуэн Дю-Жур“ 18 августа 1870 года и Вердера на Лизенне в январе 1871 года также очень поучительны.

Факт, что такие люди, как Фридрих II и Мольтке, действовавшие с довольно примитивным вооружением, стали в конце их карьеры ценить могущество огня и выгоды обороны; другой факт, что человек, столь смело наступательный, как Веллингтон (во время его первых индийских кампаний) в Испании и во Франции пришел к тактике позиционной войны, использовал окопы, местность и огонь—эти факты заслуживают внимательного изучения.

Во Франции мы не знаем ни одного писателя с именем, осмелившегося хвалить неоспоримые преимущества, которые может дать тактике и стратегии оборонительный образ действий, использование местности и огня; однако, никто не восхвалял так применение укрепленных линий в большом масштабе, как германское „Наставление по полевому инженерному делу“, изд. 1906 года.

* * *

Принципы, с которыми мы вышли на войну, выражались короткими фразами в следующих афоризмах.

„Самые лучшие средства—это самые простые“.
(Пехотный устав.)

„Артиллерия не подготовливает атаку: она ее поддерживает“.
(Полевой устав 1918 года.)

„В наступлении лихость—лучшее обеспечение“.
(Доклад, прочитанный в главном управлении генерального штаба в 1913 году.)

Все эти принципы, должны были, очевидно, вести к огромным потерям в личном составе, при современном могуществе огня.

Нужно заметить, что самые горячие защитники этих принципов пали смертью храбрых, желая их применить.

Следует отметить, что значительная часть германских офицеров из руководящих сфер исповедовали те же идеи, и этим объясняются значительные потери германцев в августе и сентябре 1914 года, где эти идеи были применены.

В заключение можно сказать, что в 1914 году обе армии не дооценили и не учли действительности огня.

Пылкое военное воспитание, интенсивная культура духовных сил, как мы видели в этой войне, могут повести в будущем к повторению той же ошибки, и к недооценке могущества различных машин и орудий истребления, которые будут созданы изобретателями.

Артиллерийская доктрина во время войны.

Подчиненная официальной доктрине (содержащейся в цитированных выше уставах и развитой в школах) артиллерийская доктрина была также определенно наступательной и совершенно пропитанной идеями маневренной войны. Этому, бесспорно, придавалось огромное значение во время всех практических занятий на карте, на местности, на маневрах, при разведке, при постановке батарей на позиции, при раздаче участков наблюдения, при переменах целей; огромное внимание уделялось в первую голову занятию и перемене позиций, быстрому развертыванию.

Быстрая последовательность задач артиллерии на войне, казалось, должна была стать правилом. Это обучение, этот метод были, если хотите, „динамическими“, в то время как война превратила их в „статические“.

Когда думаешь об артиллеристах, оставшихся во время войны по году и более на одних и тех же позициях, не можешь удержаться от улыбки, вспоминая об этих военных приготовлениях к чрезвычайной подвижности.

Между тем следует напомнить, что, благодаря этой волевой и профессиональной активности, благодаря этой маневренной гибкости и, особенно, гибкости стрельбы, считавшейся необходимой для ожидавшихся бесконечно разнообразных и изменчивых тактических положений, благодаря навыку в обращении с траекториями [1]), с пристрелкой мы обязаны в значительной степени нашим успехам в первых больших сражениях в начале войны, как это мы и увидим далее.

Случалось много раз, в 1914 году, что перед нашими батареями появлялась значительная цель несколько минут спустя после их выезда на позицию, и если она была быстро пристре-

[1]) Весной 1914 г. на курсах стрельбы в Мальи пришли к заключению, что возможно командовать батареями на расстоянии, с наблюдательного пункта, связанного с ними телефонами, распределять огонь по всем целям, появившимся в определенном направлении. Нельзя было без удивления наблюдать учебную стрельбу старшего руководителя, подполковника Висс, управлявшего стрельбой 3-х групп дивизионной артиллерии, совершенно укрытых, удаленных от него и связанных с ним телефоном, по целям во всех направлениях и при всех наименьших прицелах.

лена и скошена огнем наших 75-м.м. орудий, это, очевидно, благодаря описанному выше направлению обучения, в смысле быстроты открытия огня с момента введения артиллерии в бой и благодаря разнообразию и надежности нашего порядка командования и стрельбы.

* * *

Артиллерию все время готовили к двойной роли—контр-батарей и батарей поддержки пехоты.

Что касается характера задач, которые предполагалось возлагать на артиллерию, можно сказать, что пришли в предвоенные годы к мысли, что роль и средства для выполнения задачи должны быть более простыми и схематичными.

В общем, если полевой устав, предназначенный для всех родов оружия, как мы уже видели, направил артиллерию единственно для поддержания пехоты во время атаки, то, вероятно, никто не думал во французской армии, что пехота окажется бессильной наступать, если артиллерия ее не поддержит.

Сильно недооценивали значительную роль, которую суждено было сыграть артиллерии на полях сражений, но все-таки стрельбой по неприятельской артиллерии не пренебрегали.

В годы, предшествовавшие войне, в школах и на курсах стрельбы проповедывали, согласно устава 1910 г., что нужно **уничтожать** германскую артиллерию или, по крайней мере, **нейтрализовать** ее в то время, когда непосредственно поддерживаешь пехоту, обстреливая противостоящие ей цели.

Такою представлялась роль артиллерии в бою, т.-е. контр-батарей и батарей поддержки пехоты. На практических занятиях мирного времени обычно разделяли артиллерию на две части—на контр-батареи и батареи пехоты.

Оба способа действия характеризуются следующими данными.

А. **Контр-батареи** действуют в составе дивизии, другими словами, они стреляют по неприятельским батареям, находящимся в полосе наступления дивизии; глубина их действия ограничивается пределами досягаемости. Они подчиняются начальнику артиллерии дивизии, который может возложить на них другие задачи.

Контр-батареи не составляли особой организации и, в частности, не имели необходимых органов артиллерийской разведки для топографического определения мест расположения батарей противника: они должны были стрелять по открыто стоящей артиллерии.

Контр-батареи состояли исключительно из 75-м.м. пушек, что было невыгодно в тех случаях, когда приходилось стрелять на большие дистанции—больше 4—5 тысяч метров [1]).

Итак, перед войной у нас имелись контр-батареи без средств разведки и без тяжелой артиллерии, что кажется нам теперь ребячеством, так как организация контр-батарей рисуется теперь в нашем уме очень сложной и значительной.

Однако, в то время это было естественно, ибо исходили из предположения, что в будущей маневренной войне германская артиллерия будет стрелять на короткие дистанции,... следовательно, для борьбы с нею не надо обладать большой дальностью огня.

Наконец, сами редакторы „Наставления для действия артиллерии в бою", изд. 1910 г., не переоценивают возможные результаты этой артиллерийской борьбы, столь грубой, импровизированной и, во всяком случае, кратковременной, так как они называют ее „редко решительной и беспрестанно возобновляющейся".

Авиация, действительно, могла изменить эту ненадежность и относительную беспомощность работы контр-батарей, если бы с самого начала кампании артиллерия имела свою собственную авиацию, чего на самом деле не было [2]).

---

[1]) Мы вернемся еще в гл. II к ложному представлению, относительно малой досягаемости 75-м.м. орудий. Нужно сказать здесь об успехах, достигнутых на курсах практической стрельбы в Мальи в вопросах дальней стрельбы, разработанной совместно с русскими артиллеристами, с которыми мы обменивались идеями и задачами.

Русская артиллерия развивалась, в смысле техники стрельбы, по формуле Драгомирова: „Мы считаем нашу артиллерию нашей хранительницей,—говорил этот генерал,—стыдно располагать ее дальше 2.500 мтр. Отныне всякий батарейный командир, ставший на маневрах на большую дистанцию, должен быть отрешен от командования".

Потом война в Манчжурии заставила русских, наоборот, располагать артиллерию на большие дистанции и использовать глубокое фланкирование. Быстрое развитие тактических воззрений в определенном отношении диктовалось войной.

Малые, в среднем, дистанции, на которых велись практические стрельбы на курсах в Мальи, вызвали удивление русской миссии; это заставило искать способы увеличения дальности стрельбы без уменьшения ее действительности; поиски увенчались успехом: изобрели бризантную гранату, весьма действительную даже на расстоянии 6.000 мтр.

Эти мысли не успели, однако, распространиться в артиллерийских частях, когда началась война; даже во время войны необходимые снаряды не были изготовлены или были изготовлены только в очень незначительном количестве.

Таким образом мы оказались лишенными бризантных гранат, необходимых, как лучшее средство для увеличения действительности огня 75-м. орудий на больших дистанциях.

[2]) На курсах практической стрельбы в Мальи были произведены опытным совместных действий авиации с артиллерией в 1913—1914 г.г. В течение всего

Как бы то ни было, надо считать, что мы вышли на войну без специально организованных контр-батарей в составе артиллерии дивизии, с мыслью, что начальник артиллерии дивизии может соединять и выполнять все задачи со своей дивизионной артиллерией; не были организованы контр-батареи в армейском корпусе, и, как мы уже видели и увидим далее, все действия артиллерии, за весьма малыми исключениями, происходили в составе дивизии [1]).

Б. Что касается батарей поддержки пехоты, они должны быть естественно и безусловно в составе дивизий, должны при исполнении своих задач спускаться до полка и даже до батальона, при чем начальник артиллерии поддержки должен быть подчинен, в смысле выполнения задачи, пехотному начальнику.

Далее мы еще вернемся к вопросу о подчинении артиллерии пехотным начальникам.

Эта поддержка артиллерийским огнем, направленным по цели атаки, должна быть обращена более всего на живую силу, на защитников, будут ли они укрыты или нет, по старой формуле ген. Ланглуа, которая в свое время исходила, главным образом, из шрапнельной артиллерии малого калибра.

Действие артиллерии по самому укреплению, по закрытиям (разрушение окопов, бруствера, блиндажей), не входило в ее задачи.

Эта мысль выработалась уже во время войны, а до того никогда не считали нужным разрушать закрытия; полагали достаточным для поддержки пехотной атаки засыпать шрапнельными пулями и гранатами окоп или вообще рубеж, подлежащий захвату, пока наша линия атаки не подойдет на несколько сот метров к своей цели.

Полагали, далее, что наш огонь должен загнать защитников в убежища в период сближения пехоты и дать возможность относительно безопасно продвигаться нашей пехоте, пока противник не стреляет. Мысль, что обороняющийся может стрелять, оставаясь укрытым, даже не приходила никому в голову.

курса было выполнено много пристрелок с помощью аэроплана. Очевидно, трудно было удовлетворить желание артиллеристов иметь авиацию в своем непосредственном распоряжении при тех слабых средствах в 1914 г., которыми мы располагали; на самом деле у нас никогда не было авиации, присоединенной к артиллерии, как это требовалось опытами в Мальи.

[2]) Эта мысль связана с идеей, изложенной ниже, относительно роли начальника артиллерии армейского корпуса в начале войны, роли скорее администратора, чем начальника, руководящего боем.

Считали еще менее возможным, что неприятельская пехота может укрываясь во время всей бомбардировки 75-м.м. орудиями, появиться только, когда наша пехота подойдет на 40—50 мтр., и все-таки отбить атаку огнем, даже без помощи искусственных препятствий.

Что касается действия 75-м.м. артиллерии по искусственным препятствиям, считали его, на основании различных полигонных стрельб, очень трудным и почти не достигающим цели.

Это было почти аксиомой настолько, что действия артиллерии по искусственным препятствиям считали безусловно ненужным и полагали, что пехота будет резать их ножницами так же, как японцы в русско-японскую войну. Совершенно не думали встретить их везде, ...так как думали о маневренной войне.

* * *

Итак, что касается контр-батарей и батарей поддержки пехоты, то в двух этих главных способах действия артиллерии чувствовалась ложная идея, положенная в основу тактической и, следовательно, технической подготовки нашей армии: мы предполагали атаковать врага, который сам ведет маневренную войну. Мы приближались и наша артиллерия стреляла ближе. Действие нашего артиллерийского огня делилось между германскими батареями и германской пехотой; артиллерийский огонь, поддерживающий атаку пехоты, должен был дать успех при наличии хорошей связи между пехотой и батареями; поэтому-то контр-батареи и батареи поддержки пехоты должны были быть в составе дивизии для того, чтобы связь была, так сказать, автоматической.

Нам твердили: связь, это—все.

Идея связи в 1914 году.

Никогда, вероятно, не говорилось столько о связи родов оружия между собой, как в годы, предшествовавшие войне.

Имелась связь сверху, т.-е. организуемая высшим командованием, и связь снизу, как дополнительная предосторожность, составляемая из различных способов сигнализации между пехотными линиями и артиллерией, или с помощью агентов связи—артиллеристов, приданных той пехоте, которую эта артиллерия поддерживает.

В мирное время, на маневрах, все это прекрасно действовало, так как не было ужасного действия огня, и потому, как мы уже видели, что батареи были очень близко расположены от пехоты, так как они должны были стрелять с короткой дистанции

Все это было подготовлено и изучено во время военных игр и практических занятий перед войной, во время совместных работ многочисленных кадров офицеров всех родов оружия.

В первых столкновениях эта связь функционировала довольно хорошо, так как был прекрасный телефонный материал, и особенно потому, что перед войной количество телефонного кабеля в батарее было сильно увеличено[1]).

Пустая болтовня о том, что связь и сердечное единение артиллеристов с пехотинцами стоит больше, чем несколько километров кабеля, принесла много вреда.

Есть такие материальные средства, которых нельзя заменить моральными данными. Это стало очевидным несколько позже, в 1914 г., когда недостаток в технических средствах для установления необходимой связи между двумя главными родами оружия в бою нельзя было возместить за счет единой доктрины и моральных сил.

Эти последние иногда исчезали очень быстро после того, как бой подчеркивал недостаток материальных рессурсов.

Организация управления.

Уставом 1910 года управление артиллерией в дивизии и армейском корпусе было организовано настолько удачно, что не требовало в первые годы войны, как это дальше будет видно, никаких серьезных изменений.

Зато потребовалось создание особого, состоящего из орудий разных калибров и типов, органа армейской артиллерии, которого раньше не было в наших армиях.

* * *

Многое можно было бы сказать о том, как в начале войны наши штабы и старшие начальники смотрели на употребление артиллерии в бою, но мы ограничимся лишь указанием на то, что самая система управления в начале войны, равно как и организация, тактика и связь, понимавшиеся, как подчинение артиллерии пехоте, дали, в общем, в первых сражениях хорошие результаты.

И только впоследствии между двумя главными родами оружия стали возникать и быстро расти различные недоразумения, о которых мы будем говорить дальше.

---

[1]) С 500 мтр. на батарею было увеличено до 2.000 мтр. в 1914 г по просьбе практических курсов стрельбы в Мальи.

ГЛАВА II.

Артиллерия в период первых операций.

До сражения на Марне включительно.

С первых же дней войны наш генеральный штаб был поражен теми силами, которые выставила против нас германская армия.

В период последних лет перед войной во Франции преобладало мнение, что германская армия, весьма сильная по своему составу мирного времени с хорошо обученным и молодым составом, быстро закончит мобилизацию и начнет военные действия, грозная и могучая, с числом боевых единиц мирного времени, усиленных только несколькими призывами резервистов молодых годов и не перегруженных большим числом резервистов старших возрастов.

Грандиозные размеры операций и число корпусов германской армии поразили наше высшее командование, несмотря на то, что все это еще задолго до войны пророчески предсказывалось ген. Фошем в его докладах.

Наша пехота, обученная маневрированию лучше, нежели стрельбе, стреляла плохо и закреплялась на позициях примитивными способами, хотя и применяла (может быть, потому-то именно, что применяла) официальное наставление по полевому инженерному делу [1]). Для пехоты наступление является почти необходимостью; у нее не было выбора, так как она не была подготовлена к оборонительным действиям с применением полевой фортификации и земляных работ. В этом она резко отличалась от немецкой пехоты, которая, будучи также хорошо обучена

[1]) Это объемистое наставление, изданное позже немецкого в 1906 году, является памятником полного невежества его составителей. В нем как бы нарочно обходится молчанием действительность огня современной артиллерии; с другой стороны, переоценивается роль небольших опорных пунктов—домов, перелесков, словом, местных предметов, привлекающих артиллерийский огонь; на таковые рекомендует использование позиций с широким ружейным обстрелом. Короче говоря, оно как бы игнорирует существование немецкой артиллерии.

наступательным действиям, имела в то же время в своем распоряжении наставление, дающее ей методы и познания, необходимые для перехода, в нужных случаях, к оборонительным действиям.

* * *

Наша артиллерия, как уже было сказано, обильно снабженая материальной частью и превосходными боевыми припасами, имела очень способный и верящий в свое оружие личный состав. В техническом отношении она была прекрасно обучена действиям при орудиях и стрельбе, но ей недоставало практики в стрельбе на дистанции, превосходящие 5000 метров, хотя ее пушки давали ей полную возможность вести огонь на дистанции, достигающие 7 или 8 тысяч метров, и дальностью своего огня подавить германскую артиллерию. И только потому, что немецкая артиллерия будучи так же, как и наша, недостаточно подготовленной к стрельбе на предельные дистанции, часто в первые недели кампании становилась сравнительно близко, наша артиллерия свободно могла ее обстреливать.

Напомним, что у нас не было полевых гаубиц и тяжелой артиллерии. Артиллерия наша, как было уже сказано, имела много осадных пушек (системы Банжа), знакомых большинству артиллерийских офицеров и снабженных отличными снарядами, но эти пушки не были сведены в батареи, и их боевая ценность была в начале войны неизвестна нашему командованию,—оно считало эту материальную часть малоподвижной, а потому и недостаточно полезной в боевом отношении.

* * *

27 авг. впервые появляются на фронте, в сражении при Рамбервилье или при Мортань, снятые с фортов осадные пушки сист. Банжа (длиные, 155-м.м. и 120-м.м.) [1]).

Роль таких батарей и их число быстро возрастают. Эти первые пушки, сведенные в батареи и поставленные почти на линии полевых батарей, производят огромное моральное впечатление на противника [2]), что подтверждается записками и дневниками пленных. Кроме того им должна быть приписана

[1]) Этими двумя первыми батареями командовали лейтенант Делаби и капитан Пуарье 8-го пешего Епинальского полка.

[2]) Что касается их смертоносного действия в этих боях, можно отметить лишь 30 немецких трупов, найденных около воронки 155-м.м. снаряда 12 сент. на правом берегу Мортань, близь Муазна. Но по тому моральному впечатлению, которое с самого начала они производят, стреляя с ближайших дистанций превосходными бомбами, эти пушки могут быть сравниваемы с немецкими длинными 21-см. кал.

значительная часть [1]) наших успехов и первенствующая роль в боях при Мортань, в Лотарингии, когда они были поставлены для фланкирования атакующих частей армии кронпринца баварского против Шармского леса.

Своим огнем они предотвратили возможность прорыва со стороны баварцев. Они пока еще не играют никакой роли на других участках фронта, т.-е. в сражении на Марне и Орку, где действовала одна или почти одна 75-м.м. артиллерия, усиленная лишь несколькими батареями тяжелой армейской артиллерии, о которой говорилось в начале.

Впечатление, произведенное первыми стрельбами артиллерии.

Первые серьезные встречи 19/VIII, бои под Саарбургом и Моранжем, происшедшие после некоторого объединения действий, были скорее отдельными боями, чем цельной операцией, где не было общего управления, не были связаны фланги дерущихся частей, особенно с нашей стороны: в одном месте наступали, в другом—оборонялись.

Наша 75-м.м. артиллерия показала в них могущество и смертоносное действие своего огня. Немецкая тяжелая артиллерия, в окончательном результате наносившая менее потерь, нежели наша [2]) 75-м.м., производит, однако, более сильное моральное впечатление.

Бомбы тяжелой немецкой артиллерии, бросаемые иногда с больших расстояний длинными пушками, тяжелыми же гаубицами, во всяком случае с дистанций около 7 или 8 километров, часто при содействии аэроплана, спокойно и низко реявшего над нашими позициями, производят потрясающее впечатление могуществом своего разрушительного действия, массой земли, взрываемой ими при разрыве, и оглушительным треском разрыва (кряканьем). Нельзя не отметить, что кроме того они производят впечатление выдающейся правильностью стрельбы: 4 снаряда одной очереди часто рвались, „как по нитке“.

---

[1]) При содействии наблюдательного аэростата Саконея, первого из всех поднявшегося в конце августа над Шармским лесом, а также при содействии летчиков-артиллеристов кап. Жульяра и лейт. Матье и Ларенти-Толозана.

[2]) Она производит меньшее впечатление на образованных французских офицеров: они считали, на основании последних сведений 1913—1914 г., что бомбы тяж. немецк. артиллерии, разрываясь за поверхности земли, несут свои осколки с большим разлетом в горизонтальном направлении, и вот теперь, при первых же выстрелах, они видят разрывающиеся немецкие бомбы с вертикальным снопом осколков (в виде фонтана), что, несомненно, производит менее смертоносное действие, чем при большом разлете осколков в горизонтальном направлении. В общем, это была одна из ошибок и заблуждений немецкой артиллерии, которой мы не замедлили воспользоваться.

В этом-то и сказывается блестящее превосходство навесной стрельбы, как уменьшающей рассеивание по дальности.

Кроме того чувствуется новый метод, новое могущество.

Для наших войск этот метод стрельбы при содействии аэропланов составлял поистине печальное и неприятное открытие.

* * *

Но в то же время там, где немец попадал под обстрел нашей артиллерии, он проклинал [1]) французскую пушку, которая опустошает его ряды и косит его своими могучими и короткими ураганами; он шлет проклятие и своей собственной артиллерии за то, что она не может заставить молчать „дьявольскую" пушку противника.

Записки, найденные у пленных и убитых, подтверждают это большое и важное открытие.

Не будем, однако, забывать основное положение тактики: противнику тоже не легче... Это близко касается дней обоюдных заблуждений и ошибок—августовских дней 1914 г.

Итак, в обеих армиях пехота заявляет, что она бессильна что-либо сделать, пока ее не освободят от артиллерии противника, какова бы она ни была, тяжелая ли (со стороны немцев) или легкая (со стороны французов). Начальство чувствует возрождение нового могущества [2]) артиллерии, которое не выдвигалось еще ни в одной из предшествовавших войн. Средства для ведения войны, количество пушек и боевых припасов, которыми были снабжены в 1914 г. французская и немецкая армии, далеко превзошли военные средства других армий в предшествовавших Балканской и Манчжурской кампаниях.

Действия 75-м.м. артиллерии в первый период войны.

Это было время, когда пехота имела иногда возможность наблюдать результаты стрельбы своих батарей и когда артиллерия сама имела случаи документально убедиться в блестящих результатах стрельбы. Только в конце 1918 г. большинство артиллерийских офицеров убеждается в действительности огня своей артиллерии.

---

[1]) Он проклинает также и наши аэропланы за то, что с самого начала войны, вслед за появлением аэроплана над их позициями, немедленно при его содействии открывается огонь наших батарей по его войскам, или же аэроплан, рея над позициями и замечая места, где наиболее густо расположены войска противника, осыпает их градом стрел.

[2]) Это особенно ясно чувствовалось нами сражении при Саарбурге, где германская артиллерия в продолжение целого дня боя царствовала на поле битвы, и не только остановила, но принудила к отступлению нашу пехоту 8 и 13 корпусов.

Эти документы, касающиеся исключительного действия 75-м.м. артиллерии и, главным образом, ее действий на малых и средних дистанциях, долго оставались совершенно неизвестными в войсках, что, несомненно, должно было вредно отразиться на всех дальнейших операциях. В дальнейшем изложении мы часто будем к этому возвращаться.

Случаи непосредственного наблюдения огромных потерь, наносимых противнику с первых же недель войны нашей артиллерией, заставили нашу пехоту проникнуться чувством полной веры в могущество артиллерии, что, конечно, в свою очередь, заставляло артиллерию стремиться к еще большему укреплению этой веры, давая пехоте все новые и новые примеры своей выдающейся боевой работы.

Блестящие результаты стрельбы 75-м.м. артиллерии и производимое ими на войска моральное впечатление в некоторых случаях объявлялись в приказах по армиям нашим высшим командованием [1]). Однако, для $^{9}/_{10}$ бойцов они оставались еще неизвестными.

Действия артиллерии в период прикрытия сосредоточения армий.

(В начале августа 1914 г.)

Чтобы познакомить с техникой стрельбы 75-м.м. артиллерии в начале войны, приводим целиком следующий пример.

„В расстоянии 5.000 м. от моей батареи [2]) к северу от Варпремонского леса, я замечаю какое-то широкое желтоватое пятно; более подробно рассмотреть цель не могу.

„Пользуясь предыдущей стрельбой по немецким разведчикам (направление, дальность, веер), я подготовляю по карте $^{1}/_{80.000}$ данные для переноса огня, решившись без пристрелки немедленно открыть стрельбу на поражение. Командую: „П р а в о е, шрапнелью, корректор 18, 4 поворотами, коси 5.100“.

„Наблюдение: верно: низкий разрыв, никакого движения.

„Шрапнелью, корректор 18, 4-мя поворотами, коси 5.200“.

---

[1]) Нельзя не отметить, впрочем, что подвиги, совершенные полками и батальонами нашей пехоты, о которых также следовало бы объявлять во всеобщее сведение, иногда оставались неизвестными артиллерии того же самого армейского корпуса. В общем, надо признаться, что было слишком мало сделано в смысле укрепления в этих двух главных родах оружия взаимного восхищения и доверия.

[2]) Рапорт кап. Ломбаль, к-ра 6 бат. 42 полка (прикрывавшего Верден с с.-в. стороны) о стрельбе, произведенной им 7/VIII—1914 г. Этот пример стрельбы с дистанции более, чем в 5.000 м., представлял собою счастливое исключение для описываемого периода войны и прославил командира батареи.

„Наблюдение: видно очень ясно, что-то движется.

„Шрапнелью, корректор 18, 4-мя поворотами, коси 5.300".

„Наблюдение: несколько всадников двигаются.

„Шрапнелью, корректор 18, 4-мя поворотами, коси 5.400".

„Наблюдение: несколько всадников рассеиваются.

„Дым разрыва мешает наблюдать. Уже 6 ч. 30 м. в.

Наступает ночь, я отвожу своих людей на отдых в резерв.

На следующий день 8/VIII ген. Кордонье (начальник дивизии) вызывает меня в штаб. Он дает мне прочесть отчет врачей, которым был поручен уход за ранеными, подобранными на поле боя.

По первому отчету от 6 ч. вечера число убитых и раненых немцев определяется в 600 челов.

По второму отчету, часом позже, их насчитывают уже 700 человек. Полк (21 драгунский) был почти целиком уничтожен [1]). Материальная часть, амуниция и оружие были доставлены к штабу 2 арм. корпуса, в Сиври на Маасе".

Примечание. Эта стрельба характеризует смертоносное действие нашей 75-м.м. шрапнели: 16 таких шрапнелей вырывают из строя 600—700 человек.

Мы не знаем примера подобного этому, потому что, если потери считать в 25% или, что то же,—150 убитых на 160 клгр. выброшенного металла, то придем к удивительному выводу: в круглых числах, на каждое кило выбрасываемого металла приходится 1 убитый; обычно же для достижения подобных результатов требовалось выбросить несколько тонн.

Действия артиллерии в период первых боев маневренной войны.

13/VIII—1914 г. в Верхнем Эльзасе, против позиций нашей 57 дивизии, выходит из опушки леса, направляясь к источнику св. Николая, полк вюртембергцев.

75-м.м. дивизион 47 полка с малой дистанции ок. 2000 мтр. открывает по ним огонь гранатой.

Полк двигается малыми колоннами. Ясно видно, как некоторые коллоны положительно скашиваются огнем наших гранат, рвущихся с рикошетов на небольшой высоте, как разбегаются, все оставшиеся в живых и скрываются в углубленной дороге идущей в расстоянии ок. 150 мтр. параллельно лесной опушке.

[1]) Единственный, оставшийся в живых офицер этого полка, был ветеринарный врач, лечившийся в подвижном госпитале. Главный врач госпиталя Фроман доносит со слов этого ветеринарного врача: „Французская артиллерия ужасна... Три пушечных выстрела и полное уничтожение, сплошная бойня"...

Огонь 75-м.м. артиллерии тотчас же обрушивается на эту дорогу.

Никто оттуда не выходит, никто не двигается.

На следующий день на месте нашего обстрела находят сотни убитых с разорванными в клочья телами, группы стрелков, оставшихся с ружьями на изготовку, но со снесенными, как бы ударом топора, головами.

В результате наступление Вюртембергского полка, а, следовательно, и всей дивизии было остановлено исключительно только одной артиллерией.

Большое моральное впечатление, производимое разрывами гранат с рикошета, сопровождалось в этой стрельбе нанесением противнику огромных потерь.

Что касается потерь, то они были особенно велики именно по отношению к стрельбе гранатой, вообще значительно уступавшей в действительности наносимого ею поражения стрельбе шрапнелью, о чем только что говорилось.

Действия артиллерии на правом фланге 3 армии во время операции на Марне.

Стрельба была произведена 25 августа дивизионом 32 полка [1]) (артиллерия 56-й дивизии), занимавшим позицию в расстоянии 1500 мтр. к востоку от Сен-Жан де-Бюзи (St. Jean de-Buzy). Дивизион уже $^1/_4$ часа находился в наблюдательном положении, когда наблюдатели указали ему части немецкой пехоты, двигавшиеся с расстояния 2800 м. в атаку на нашу пехоту, занимавшую позицию севернее Сен-Жан де Бюзи.

Дивизион тотчас же открывает огонь шрапнелью, очередями—по 3 выстрела на орудие.

Немцы устилают землю трупами; оставшиеся в живых обращаются в бегство по направлению к лесу, на который немедленно обрушиваются своим огнем наши батареи, и забрасывают его сотнями гранат.

Вторая, затем третья очередь (на этот раз скачками вперед—tirs progressifs) останавливают с равным успехом атаки второго и третьего немецких полков.

Это была 33 резервная германская дивизия, прибывшая из крепости Мец, с целью помешать развертыванию нашей 3 армии.

Действия артиллерии останавливают ее, а вместе с тем парализуют и самое выполнение плана, задуманного германским командованием.

---

[1]) Дивизионом командовал полковник Мюллер.

Наша пехота, наблюдавшая эту замечательную по своим результатам стрельбу, переходит сама, после 3-х последовательно отбитых немецких атак, в наступление, продвигается без выстрела на 5 или 6 километров вперед, опять занимает наши селения, оставленные немцами, и поле битвы, усеянное грудой убитых и раненных, которых насчитывают более тысячи.

Дивизионом было израсходовано в этом бою около 1000 снарядов, большею частью шрапнелей.

Это—пример комбинированной (шрапнелью и гранатой) стрельбы, в результате которой одна наша артиллерия не только в буквальном смысле завоевала местность, но кроме того почти совершенно „вылущила“ [1]) немцев из занимаемых ими позиций; всего только 4 или 5 сотен пленных осталось на поле битвы все остальное бежало (некоторые же части—в полной панике) по направлению к Ронкуру и Сен-Прива; 33 резервная дивизия с этого вечера прекратила свое существование.

Действия артиллерии по батареям противника в эльзасской операции 19 августа.

19 августа двумя дивизионами 5 арт. полка, занимавшими позицию восточнее Мюльгаузена, был произведен обстрел линии немецких батарей с дистанции 3.200 мтр.

В каждом дивизионе две батареи стреляли гранатами, третья—шрапнелью. Этому обстрелу предшествовала первая стрельба на дистанции в 5.000, которая, казалось, была мало действительной. Обстрел продолжался около часа и производился с перерывами.

21 августа, когда явилась возможность побывать на позиции бывшего под нашим обстрелом немецкого дивизиона, то там были найдены 18 полевых 77 м.м. пушек (отправленных потом в Бельфор), большая часть орудийной прислуги и офицеров, пригвожденных к своим постам, много разорванных на куски и обезглавленных тел, груды конских трупов и всего лишь 63 живых лошади из общего числа 400 лошадей в дивизионе. Дивизион был полного состава; пушки, передки, приборы для стрельбы и наблюдения—все осталось на месте.

Стрелки устроили большую овацию командиру 5 артилл. полка, полковнику (впоследствии генералу-от-артиллерии) Нивелль, когда он появился среди них на месте, которое благодаря меткому огню его артиллерийского полка было сплошь усеяно трупами.

[1]) Как у нас, так и у немцев войска к этому времени были еще недостаточно обстрелены, и этим можно было объяснить аналогичные случаи, наблюдавшиеся 20/VIII в нашей пехоте вследствие обстрела ее немецкой артиллерией.

В этот первый период войны были и другие славные дела артиллерии, подобные тем, о которых только что было сказано. Одно только присутствие артиллерии и ее маневрирование, как мы сейчас это увидим, создавали сильное моральное впечатление.

Пример маневрирования артиллерии.

7 сентября в 6 час. 45 м. вечера 5 артиллерийский полк был вызван из Урка к Брежи для поддержки 63 пех. дивизии. Подготовлялся короткий удар на позиции, занятые на высотах, восточнее Брежи; командир 5 артилл. полка находился на высоте у д. Пюизьель.

Оба дивизиона [1]) были приведены в походное положение и получили приказание: „не переходить через хребет". Наступала ночь. Трагическая картина развернулась перед глазами: справа пылала д. Пюизьель, зажженная 150-м.м. снарядами; слева, также объятая пламенем, ферма Ножан виднелась среди блесков ружейных выстрелов; крики, беспорядочное движение нескольких смешавшихся в кучу полков 63 пех. дивизии, отступавших под обстрелом 150-м.м. немецких снарядов.

Офицеры 5 артиллерийского полка, включая командиров дивизионов с их адъютантами, бросаются к отступающим и приводят их в порядок. Пехотинцы думают, что их обстреливает сзади своя 75-м.м. артиллерия: „Мы не желаем ничего лучшего, как движения вперед,—говорят они,—но мы остались без офицеров". Момент был чрезвычайно важный: артиллерия не имела точных приказаний, но была свободна в своих действиях. В распоряжении командира артиллерийского полка были только два его дивизиона в походном порядке. „За мной рысью", командует он.

Батареи дивизионов, двигаясь за своим командиром переходят рысью сначала хребет, затем линию своей пехоты и наконец, выскакивают на высоту Пюизьель, где подается команда: „Стой. С передков. Прицел 2.000 метр. по ружейным блескам. Беглый огонь".

Командиры дивизионов были предупреждены, что стрельба открывается, главным образом, с целью морального воздействия. Благодаря этому быстро открытому ураганному огню и содействию всех офицеров полка, быстро восстанавливается дух пехотинцев: с очевидностью доказывают им, что 75-м.м. артиллерия, находясь в действительности впереди них, никоим образом не может их обстреливать сзади; останавливают их, обращают

[1]) Дивизионы Моно и Шарбонье полка Нивелля.

фронтом к противнику, затем переходят линию батарей и восстанавливают исходное положение.

Только благодаря этому смелому маневру отступление было остановлено.

Но что случилось бы, если бы 7-го вечером, отступление докатилось до Брежи, где был штаб армейского корпуса и где армия Монури была бы, несомненно, разрезана?

Недоразумения между артиллерией и пехотой.

В течение первых дней войны и до конца операции на Марне чувства пехоты по отношению к артиллерии переходят от одной крайности к другой.

То пораженная потрясающими действиями немецкой артиллерии, и, главным образом, тяжелой, в связи с авиацией, она недовольна и подозрительна. Тогда начинаются упреки по адресу артиллеристов, что они не могут принудить к молчанию пушки противника, упреки, доходящие до обвинения их в отсутствии личной храбрости и в отсталости.

То восхищенная подавляющими результатами стрельбы 75-м.м. артиллерии, она проникается чувством неограниченной веры в своих артиллеристов и их превосходную „пушку-косилку".

Им тогда приписывают мощь, способную остановить всякую немецкую атаку только потому, что видели, как она отбивала некоторые из них; тогда от нее беспрестанно начинают требовать производства гибких, длительных и поражающих глубокие площади огневых завес.

Ей только одной приписывают тогда силу заставить противника очистить занимаемые им позиции и опорные пункты только потому, что видели, как иногда она это действительно выполняла. Этим объясняется и афоризм, повторяемый нашим высшим командованием: „В этой войне артиллерия захватывает — пехота закрепляет". В результате всего появляются требования от артиллерии длительных и нерасчетливых, повторяемых зачастую несколько раз в течение одного и того же дня, подготовок для „захвата" местности, которую не всегда даже потом находили нужным занимать.

Наши запасы снарядов, очень большие сравнительно с запасами прежних войн, были быстро израсходованы вследствие перечисленных выше причин [1])—заградительного огня при обороне или интенсивной подготовки к атаке.

[1]) Совокупность заградительного огня и беспрерывных подготовок.

Роль артиллерии и пехоты сократилась; начался застой вследствие отсутствия снарядов; это тянулось целые годы со всеми перипетиями, которые мы и будем рассматривать далее.

* * *

Рапорты и отчеты о потерях в первых боях производят глубокое впечатление на наши штабы.

Говоря о потерях в артиллерийских частях, находят их слишком ничтожными сравнительно с действительно большими потерями пехотных частей [1]).

Не без основания стали думать, что от артиллерии можно требовать еще большего, чтобы облегчить пехоту.

Начинают требовать, чтобы артиллерия не снималась с позиции на ночь, чтобы она стреляла ночью, чтобы она всегда становилась ближе к своей пехоте. Требования эти иногда чрезмерны [2]), но вполне понятны.

Эти чрезмерные требования порождали иногда случаи стрельбы с печальными результатами. Несчастные случаи стрельбы по своим начинают появляться довольно часто и, главным образом, как следствие или преувеличенного напряжения 75-м.м. артиллерии, или, как результат ее большой начальной скорости, или, наконец, вследствие морального и смертоносного действия ее при стрельбе с рикошетом.

Из целого ряда различных упреков мы отметим и разберем:

1) бессилие артиллерии потушить огонь противника,
2) сравнительно малые потери среди артиллеристов,
3) несчастные случаи стрельбы по своей пехоте.

Все это, несомненно, должно было породить недовольство, антипатию, а иногда и чувство настоящей злобы между двумя родами оружия.

Причины недоразумений между артиллерией и пехотой.

1. Недоразумения по поводу бессилия 75-м.м. артиллерии потушить огонь немецкой артиллерии.

Бессилие 75-м.м. артиллерии приводить к молчанию батареи противника замечается с первых же сражений нашей

---

[1]) Помимо тактических ошибок, описанных выше, одной из причин, повлекших за собою огромные потери в нашей пехоте, был очень большой наличный состав рот; впоследствии приходилось употреблять прибывающие пополнения для формирования вновь почти целиком растаявших частей, доводя их заново до штатного наличного состава.

[2]) Это было время, когда некоторые начальники держались того мнения, что командиры батарей должны находиться на линии ротных командиров.

пехотой, восстанавливает ее против своей артиллерии, заставляет считать менее искусной, чем артиллерия немцев.

Наша пехота не замечает, и это вполне понятно и естественно, такого же бессилия немецкой артиллерии по отношению к нашим батареям, огонь которых она также не может потушить.

Это бессилие 75-м.м. контр-батарей в большинстве случаев было воображаемым.

Офицеры легкой (75-м.м.) артиллерии, как уже было сказано, не вполне правильно оценивали дальнобойность и могущество огня своих пушек, так как в мирное время не имели достаточно практики в этом направлении. Этот пробел в боевой подготовке артиллерии оставался месяцы и даже годы в некоторых французских армиях, так как только в декабре 1916 г. вышло наставление для действия артиллерии в бою, утвердившее для 75-м.м. артиллерии новые предельные дальности, а именно: для контр-батарей 5.000 мтр. и при стрельбе по узлам путей—7.000 мтр.

Немецкие батареи, становились в начале войны почти всегда на расстоянии не далее 6.000 мтр. от линий наших 75-м.м. батарей[1]); последние, будучи способны легко и с достаточной точностью стрелять на дистанции до 7.000 мтр., свободно и даже с большим запасом могли обстреливать своим огнем немецкие батареи, тем более, что эти батареи часто достаточно точно были нанесены на карты в масштабе $^1/_{80000}$, частью по взблескам выстрелов, частью по пыли, или же по показаниям летчиков. Их было достаточно много и они были скучены в долинах, что давало полную возможность нашей, 75-м.м. артиллерии их обстреливать, ведя огонь по площадям. Наконец, в то время они не были еще солидно блиндированы и слегка лишь прикрыты наполненными землей корзинами из-под снарядов. Короче говоря, и теперь еще 75-м.м. пушка при стрельбе по такового рода целям и тем же снарядом[2]), который имелся в начале войны, должна первенствовать, как лучшая для вооружения контр-батарей среди всех других образцов пушек, включая сюда и орудия новейшей тяжелой артиллерии.

Почему же, в таком случае, ее и не использовали за весьма редкими исключениями?

[1]) По той причине, что 77-м.м. и 105-м.м. орудия, составлявшие в течение всей войны преобладающий калибр вооружения немецкой артиллерии, имели предельную дальность огня в 5.500 мтр.

[2]) С другими взрывателями, правда, чаще, чем с употреблявшимися в начале войны трубками с замедлителем; но даже и с такими трубками при случайных стрельбах на большие дистанции, ок. 6.000 мтр., по немецким батареям, наши артиллеристы быстро приводили их к молчанию. (Объявлено в приказе по армии о действиях полк. Мюллер в бою при Урке.)

Почему же сама артиллерия почти не отвечала на огонь, обстреливавших ее немецких батарей?

Развитие идей относительно увеличения полезной дальности орудий.

Отлично всем известно, что на войне, и особенно в начале войны выполняется все то, чему учились в мирное время.

„Дистанции решительного артиллерийского огня—не более 1600 мтр.", говорилось в Уставе 1869 г. Следствием этого было то, что во время франко-прусской войны 1870 г. французская артиллерия, в смысле дальности огня, значительно уступала немецкой, напрактикованной еще в период мирной подготовки в стрельбе на дистанции до 4.000 мтр. В 1914 г. стрельба на большие дистанции была осуждена, как ересь, и уставом и начальством. И в мирное время артиллерия никогда в ней не практиковалась. Как следствие, из этого вытекало, что во время войны артиллерия не стреляла на такие дистанции, которые по свойствам ее орудий были вполне достижимы.

* * *

27 августа 1914 г. в долине реки Маас 8-я батарея 17 артиллерийского полка ясно видит блестки выстрелов немецкой гаубичной батареи и еще более ясно наблюдает падение своих снарядов. Эта, прекрасно слаженная в боевом отношении, батарея была в образцовом порядке; и тем не менее, ее командир—кап. Ляллеман, определивший дистанцию до немецкой батареи в 6.000 мтр., не считает себя в праве открыть по ней огонь. Пример, достойный внимания, так как подобные случаи были нередки. Итак, бывшие еще в силе к началу войны, ложные идеи, трактуемые артиллерийским уставом 1910 г., с одной стороны и неполное, с той же точки зрения, обучение—с другой, совершенно парализовали все усилия школы в Мальи, направленные к тому, чтобы допустить стрельбу бризантной гранатой независимо от дистанции, и не позволяли пользоваться значительным превосходством в дальнобойности, которым мы располагали в начале войны даже по сравнению с немецкими гаубицами. Во всем этом грешили люди, но не пушки. Положение это долго еще оставалось без изменений вследствие того, что как в высших военных сферах, так равно и в самих батареях не было верного взгляда на те возможности, которыми обладала материальная часть нашей артиллерии.

* * *

В общем, французская артиллерия в начале войны не могла перейти к стрельбе на большие дистанции из своих 75-м.м. пушек, в то время как немецкая артиллерия явно переходила к увеличению дальности своего огня[1]).

В частности, 77-м.м. артиллерия, имевшая в 1914 г. предельную дальность огня в 5.500 мтр., в 1915 г. получает снаряды, позволяющие ей вести дистанционную стрельбу до 7100 мтр., т.-е. она выигрывает ок. 2.000 мтр., в то время как мы совершенно не увеличиваем дальности огня своей 75-м.м. пушки, несравненно лучше сконструированной в смысле дальнобойности.

Резюмируя все вышеизложенное, делаем заключение, к которому часто будем возвращаться: самый опасный враг—далеко не всегда наш противник, но—часто наши собственные заблуждения относительно значения тех средств, которыми мы располагаем.

Особенно характерно с этой точки зрения заблуждение устава 1869 г., цитированное на стр. 46. Никогда не следует его забывать; это—пример общего заблуждения, совершенного людьми высокообразованными и, в большинстве случаев, имевшими боевой опыт.

2. Недоразумения, вызванные малыми потерями в артиллерии.

Потери в артиллерии были малы только относительно потерь, понесенных пехотой.

В действительности они были велики в боевом составе и, особенно, среди высшего офицерского состава. Часто в течение одного боя батарея несла потери, достигающие 50%, что для

---

[1]) И только опытные стрельбы, произведенные в Шалонской школе летом 1916 г., практически показали могущество действия 75 м м. артиллерии при стрельбе на большие дистанции включительно до 7 000 мтр., и для всякого рода стрельб как для производства прорывов, так равно и для „долбежки" (pilonnage) и для разрушения земляных закрытий, а также и при стрельбе с трубками мгновенного действия, производимой с целью беспокоить противника, и т. д.

Результат всех этих опытов, который легко можно было бы провести в жизнь с 1914 г., мог бы иметь очень большие последствия,—был, наконец, признан „Наставлением для действия артиллерии в бою" лишь в декабре 1916 г.

Наши атаки под Верденом, произведенные в августе 1916 г., могли, наконец, быть подготовлены огнем 75-м.м. артиллерии на большую глубину, отвечающую ее предельной дальности, и дали огромные результаты, о чем особенно свидетельствовало большое число пленных.

артиллерии ужасно [1]). Но, как абсолютная величина, это составляет только 15 человек на батарею, так как в ее боевом составе всего 30 челов. (на позиции при орудиях), и вполне естественно, что убыль в батарее, выраженная абсолютным числом, кажется пехоте совсем ничтожной.

Понадобилось много времени не только штабам, но и самим войскам, чтобы оценить истинное значение потерь в артиллерии и понять, что потери эти, малые по абсолютной их величине, были в артиллерийских частях очень велики в процентном отношении.

Наконец, операции под Верденом и на Сомме значительно увеличили средние цифры потерь в артиллерии.

3. Недоразумения, происходившие вследствие стрельбы по своим.

Это недоразумение возникло, главным образом, вследствие недостаточного знакомства пехоты с законом рассеивания снарядов.

В эту войну пехота обеих сторон, стоявшая на расстоянии всего нескольких сот метров одна от другой, часто совершенно ясно наблюдая падение своих 75-м.м. снарядов, удивлялась тому обстоятельству, что снаряды эти рвутся не в одной и той же точке, и упрекала в недостаточной точности свою пушку, в действительности очень точную, а также своих артиллеристов в ошибках при определении дистанции и установках прицела, в действительности совершенно не имевших места. Несомненно, от всех этих упреков пехота легко бы отказалась, если бы она знала закон рассеивания. Случаи стрельбы по своим были, однако, редкий в первый период войны, когда пехота обеих сторон держалась относительно далеко одна от другой по сравнению с последующими периодами войны; скорее бывали случаи лишь опасные или только кажущиеся таковыми нашим пехотинцам, как, например, дистанционные разрывы над их головами. Несчастные случаи происходили тогда частью от недостатка связи и наблюдения, частью же вследствие настильности траектории, что при пересеченной и неровной местности было очень опасно.

Без сомнения, в артиллерии, как и в других родах оружия, бывали индивидуальные недостатки, мешавшие иногда хорошему наблюдению стрельбы и хорошей связи между батареями и пехотой, но особенно сильно в этот период чувствовался недостаток материальных средств и особенно телефонной связи, что, как известно, вначале совершенно не ощущалось.

[1]) Эти большие потери происходили оттого, что французская артиллерия в первые дни войны не умела строить прочных блиндажей на своих позициях. В уставе 1910 г. была пропущена целая глава относительно полевых фортификационных работ.

Что касается действительного или воображаемого бессилия нашей артиллерии приводить к молчанию артиллерию противника и озлобления пехоты, когда она попадала под ее обстрел, что касается заблуждений относительно слабых потерь в артиллерии в абсолютном их значении и неравенства в положении артиллеристов и пехотинцев, что касается стрельбы по своим, происходившей от невозможности установить связь или вследствие недостатка телефонного имущества, или вследствие настильности траектории, то, чтобы прекратить все эти недоразумения, возникшие между двумя главными родами оружия с августа 1914 г. и особенно с 1915 г. [1]), следовало бы вменить в обязанность всем начальникам осведомлять пехоту особыми объявлениями, или инструкциями, объясняя в них сильные и слабые стороны своей артиллерии. Высшее командование поняло это поздно, а именно в 1917 и 1918 годах, и тогда оно ознакомило пехоту с тем, чего не в состоянии была артиллерия фактически осуществить.

Отсутствие согласованности действий между родами оружия было большим камнем преткновения, чего с самого начала необходимо и возможно было избежать.

Первая эволюция французской артиллерии после Марны.

1. Материальная часть. 2. Стрельба. 3. Тактика. 4. Организация управления.

1. Совершенно ясно, что в течение нескольких недель невозможно переменить материальную часть артиллерии, но тем не менее в этом направлении было произведены важные преобразования в конце операции на Марне.

Они состояли в том, что, во-первых, осадные пушки были привлечены к участию в полевой войне наряду с 75-м.м. артиллерией; во-вторых, быстро снабжены наши батареи были реквизированными отовсюду частными телефонами, а также оптическими приборами для стрельбы и наблюдения и, наконец, в-третьих, были приданы средства воздушного наблюдения (змейковые аэростаты и аэропланы).

2. В отношении стрельбы. Стрельба на большие дистанции с подкапыванием хобота, что уже применялось некоторыми начальниками во время операции на Марне, стала, несмотря на официальное запрещение, развиваться все больше и больше. Очень скоро стал широко практиковаться заградительный огонь, этот защитник пехоты.

[1]) Надо было бы осведомить, что немецкая пехота также часто попадала под огонь своей артиллерии и требовала присутствия офицеров и унтер-офицеров артиллерии, как заложников в своих траншеях.

Вообще, значительное увеличение полезной дальности и практика обстрела площадей и линий, более или менее растянутых, стрельба по невидимым в большинстве случаев, целям — все это, вопреки уставу 1910 г.

3. С точки зрения тактики. Беспрерывное днем и ночью пребывание батарей на своих позициях и постройка окопов и блиндажей на них; практика командирования в пехоту офицеров артиллерии для связи; в дивизионах на позициях точное и ясное распределение обязанностей по снабжению и по стрельбе.

4. В отношении организации управления. Точно обусловлены обязанности полковника и подполковника, назначенных в полки 75-м.м. дивизионной артиллерии; первые из них остаются всегда при начальнике дивизии.

Роль начальника артиллерии армейского корпуса, очень ограниченная раньше, имевшая скорее характер административный и совещательный при командире корпуса, расширилась со включением в состав армейского корпуса батарей осадной артиллерии. Вся артиллерия армейского корпуса перешла тогда в его непосредственное подчинение. Артиллерия армейского корпуса составляется из осадных батарей, усиленных полком 75-м.м. артиллерии, который называется, пока его не распределят между дивизиями, полком корпусной артиллерии.

Артиллерия таким образом входит в состав армейского корпуса по узкой формуле мирного времени, выражающей: „Артиллерия работает в составе дивизии“.

Управление артиллерией армии начинает, наконец, постепенно брать на себя обязанности, которые не предусматривались организацией мирного времени.

ГЛАВА III.

Артиллерия в течение четырех лет позиционной войны.

Бессилие 75-м.м. орудий против окопов.
Последствия недостатка орудий навесной стрельбы (гаубиц и мортир).
Последствия недостатка траншейной артиллерии.
Общий недостаток материальных средств в позиционной войне.

Германские армии после тяжелых и неожиданных потерь отошли в порядке между 7 и 12 сентября 1914 г. на заранее намеченный и изученный фронт [1]). Германцы обратились к исполнению плана оборонительной оккупации, к позиционной войне, которая должна была быть экономной для них в людях и снарядах, и в то же время должна дорого обойтись их противникам, менее подготовленным к этого рода войне.

С этого момента начали зарываться в землю, и начальники, осужденные на продолжительное пребывание и работу на одном и том же участке, должны были жить жизнью пещерных людей в своих командирских землянках, становившихся все более и более прочными.

Недостаток снарядов дал себя почувствовать обеим сторонам в одно и то же время, в конце августа или в начале сентября 1914 г. 3 или 4 милл. снарядов Банжа позволили нам, благодаря строгой экономии, скрыть нашу бедность в 75-м.м. снарядах, но это, конечно, не могло способствовать успешному наступлению в декабре 1914 г., которое попыталось провести наше командование; недостаток снарядов помешал возобновить его весной и осенью 1915 г.

---

[1]) Несомненно, изученный за несколько лет до войны подобно тому, как был подготовлен Мольтке и большим генеральным штабом план отхода и оборонительной кампании в Палатинате на случай, если бы первое наступление германских армий не удалось (1870 г.).

Мы не будем касаться в этой главе роли артиллерии в больших попытках прорыва неприятельского фронта в 1915 г., (Шампань), в 1916 г. (Сомма), в 1917 г. (Эн); это мы оставим до следующих глав.

Мы займемся здесь обширным вопросом—характеристикой, с артиллерийской точки зрения, этой новой войны, т.-е. ежедневной окопной борьбы, которая занимает почти $^3/_4$ общего протяжения всей кампании.

В кратких словах, эта война в течение первых 2-х лет 1915 и 1916 г. г. состояла из частных атак или местной обороны, где отдельные участки окопов первой и, крайне редко, второй линии, все время переходили из рук в руки, где атакующий, будучи победителем, подвергался такой бомбардировке, что его потери часто превосходили потери побежденного.

В 1917 г. и в начале 1918 г. война состоит из коротких ударов и взаимных визитов, поддержанных могучей артиллерийской подготовкой; однако, несмотря на такую подготовку, наступления очень легко ликвидируются.

Бессилие 75-м.м. пушек против окопов.

В начале 1915 г. германцы писали: „Мы окончательно убедились в бессилии 75-м.м. пушек против окопов".

На самом деле, артиллерийские подготовки наших местных атак показывали это бессилие, в то время как сравнительно слабый артиллерийский огонь германских гаубиц сметал наши окопы совершенно. Замечательно, что это бессилие, скорее воображаемое, чем действительное, принадлежит к заблуждениям того же порядка, как недооценка полезной досягаемости тех же 75-м.м. орудий, потому что, во-первых, считали их непригодными для этой цели и, во-вторых, не старались приспособить эти орудия, подобрав соответственный заряд.

Отказавшись в мирное время от тяжелой артиллерии, после первого сильного впечатления от огня германских тяжелых гаубиц, бросились к 155-м.м. гаубице, перескочив через промежуточный этап—полутяжелую артиллерию (легкие гаубицы), и пренебрегая тем более легкой пушкой, как непригодной для разрушения окопов.

С точки зрения психологии, это—очень интересное явление: тысячи артиллерийских офицеров и генералов всех родов оружия заблуждались относительно качеств их главной пушки в течение нескольких лет позиционной войны, когда только на эту пушку и можно было рассчитывать в ежедневных боевых столкновениях. Забывали всегда, что современная война—прикладная наука.

* * *

Мы скажем, что бессилие 75-м.м. орудий, как средства для разрушения окопов, было воображаемым, исключая, конечно, тех случаев, когда окопы были бетонированы.

75-м.м. разрывная граната при угле падения не менее 30° и при высоте траектории в 600 мтр.[1]) глубоко проникает в землю и производит более или менее значительное разрушение, особенно сильное при повторных попаданиях снарядов в одно и то же место.

Нужно было, во-первых, создать такой взрыватель, который позволял бы ставить замедление по желанию, чтобы не было ни полных камуфлетов, ни взрывов на поверхности от первого соприкосновения; во-вторых, нужно было вести огонь достаточной густоты.

Повторные падения снарядов в одно и то же место, как это требовалось в прежней осадной войне, бомбами, снаряженными порохом, могут совершенно разрушить и даже сравнять с землей неприятельские постройки. Этот опыт было бы полезно теперь повторить, так как у нас остались те же снаряды, которые были в начале войны.

Это—вопрос огромной важности, так как результат может быть достигнут с относительно малым по весу расходом снарядов, особенно, если взять предположенную к разрушению линию окопов под фланговый или косо-прицельный огонь.

Разрушительные свойства[2]) 75-м.м. гранаты были хорошо изучены во время войны несколькими штатскими артиллеристами (занимавшимися производством орудий Шнейдера, Арчера или Жуандо-де-Ландр) при стрельбе 75-м.м. гранатами на малых полигонах, чего не могли знать строевые артиллеристы, служившие при 75-м.м. пушках, так как они не видели, да и не могли видеть в течение нескольких лет войны действия, производимые их снарядами.

В этом не было ничего странного, так как доклад о разрушительном действии 75-м.м. гранат был сделан в центральной комиссии по изучению артиллерии (Centre d'études d'artillerie) в Шалони[3]) только в августе 1916 г. перед обширным собранием

---

[1]) Соответствующей дальности в 6.000 мтр.

[2]) Увеличивающиеся при стрельбе уменьшенным зарядом.

[3]) После опытов, произведенных артиллеристами 9 армейского корпуса со стрельбой на дистанцию в 7.500 мтр., на Главном артиллерийском полигоне в Шалони, была произведена показательная стрельба; было сделано 1.000 выстрелов на 7.000 метр.; при этом были достигнуты замечательные результаты. Официальный протокол одного из наблюдений отмечает неожиданно большую величину воронки, полученной от 75 м.м. гранаты на такие большие дистанции; воронки он считает

старших офицеров; полезность этого не была воспринята верхами и не была использована [1]); в 1916 г. казалось, что гаубицы крупного калибра будут скоро получены в столь большом числе[2]), что все задачи по разрушению окопов думали возлагать на них, не прибегая к помощи 75-м.м. пушек. Применение 75-м.м. орудий для стрельбы на разрушение было бы очень полезно в 1914 или 1915 г., когда подготовки атак выполнялись почти исключительно этими орудиями.

Для истории артиллерии и для психологии войны необходимо отметить, что в течение двух лет войны наши атаки были неудачны, и противник пользовался нашим неуменьем применить 75-м.м. пушки для стрельбы на разрушение окопов. Мы сами и тысячи офицеров не знали некоторых свойств пушки, с которой работали более 15 лет.

* * *

Итак, у нас нехватало необходимых средств для производства артиллерийской подготовки в течение первых двух лет войны, потому что, как мы увидим это далее, 75-м.м. пушки употребляли только на короткие и средние дистанции и совершенно не применяли на большие дистанции, которые могли дать большое разрушительное действие, соответственное большей высоте подъема траектории и большому углу падения.

Выше сказано, что стрельба из 75-м.м. орудий на средние и малые дистанции была обычной в большинстве батарей, но было бы несравненно выгоднее при длительных подготовках атаки стрелять из 75-м.м. орудий с расстояния в 6000—7000 мтр., чтобы систематически разрушать окопы противника.

Эта исключительная стрельба на малые и средние дистанции дала право германцам заявить, что 75-м.м. пушка не производит никакого действия по полевым фортификационным постройкам.

равными таковым от 105-м.м. легкой германской гаубицы. Только тогда решили, что из 75-м.м. орудий можно стрелять на большие дистанции.

В лагере Мальи было выпущено 1.000 75-м.м. гранат по прямоугольнику 200×50 метров, заполненному окопами и ходами сообщения; результат получился такой: все окопы и ходы сообщения были сравнены с землей; нужно обратить внимание на то обстоятельство, что по весу 1.000 75-м.м. гранат равны только 200 бомбам 155-м.м. калибра. Этот замечательный опыт был отмечен, как очень интересный, но не был использован.

[1]) В 1916 г. идею систематической стрельбы на дистанции 6.000—7.000 мтр. считали почти революционной: так преувеличивали рассеивание снарядов на таких дальностях.

[2]) Известно, что это был только самообман: производство 155-м.м. гаубиц Шнейдера (155 C. S.) не было осуществлено с той быстротой, на которую рассчитывали; только в 1918 г. можно было снабдить все дивизии этими гаубицами.

* * *

Что замечательнее всего, это что сами наши артиллеристы держались очень долго этого убеждения, как истинного, что мы и покажем далее.

Не знали оружия, которым располагали, поступали только, как предписывало еще в мирное время Наставление; очевидно, что французская артиллерия была далека от мысли, что пушкам придется разрушать, вспахивать, сравнивать с землею фортификационные постройки.

Мы укажем далее, как можно было без затруднений выйти из этого заблуждения и как надо поступать в будущем, чтобы извлечь все возможное из наших средств, если судьба судила нам вести еще одну продолжительную войну.

Последствия недостатка у нас орудий навесной стрельбы.

Описанное выше применение 75-м.м. орудий с больших дистанций для разрушения окопов было только паллиативом при нашей бедности в гаубицах (250—300 гаубиц 155 м.м.), в мортирах (двести 220-м.м. мортир) и вообще в орудиях навесной стрельбы; на этот недостаток обращали внимание многие артиллеристы в первые же недели позиционной войны.

Эта бедность нашей артиллерии в орудиях навесной стрельбы (и, главным образом, в орудиях навесной стрельбы малых калибров—75, 80, 90, 95, 120), меньших, чем 155-мм.—главная данная, характеризующая нашу систему артиллерии на протяжении всей войны.

Мы из нее никогда не могли выйти.

Она связывала нас по рукам и ногам не только во время позиционной войны, но и в последний период маневренной войны 1918 года, как мы это покажем далее. Даже тогда мы не имели орудия навесной стрельбы, по преимуществу,—легкой гаубицы[1]), принятой во всех других армиях[2]), и мы покажем все значение этого упущения при разборе операций 1918 г.

Вопрос о навесной стрельбе настолько важен, что к его рассмотрению надо подойти с некоторыми дополнительными деталями.

Вопрос об артиллерии навесной стрельбы.

Мы дожили до марта 1917 г., когда впервые появились патроны с уменьшенными зарядами для навесной стрельбы 75-м.м. орудиями, не имея никакого орудия навесной стрельбы малого калибра. У нас не было до начала 1918 г. орудий навес-

[1]) 105-м.м.—у германцев и австрийцев; 113-м. м. ($4^1/_2$-дм.)—у англичан.

[2]) Кроме американской армии, снабженной исключительно нашими орудиями.

ной стрельбы крупного калибра, чтобы дать его в достаточном числе всем нашим дивизиям, и до конца 1918 г. (т.-е. до конца войны) мы не могли стрелять навесным огнем бомбами среднего калибра, т.-е. в 12, 15 или 20 клгр.; одним словом, мы не могли бросать снаряды меньшего веса, чем наша 155-м.м. бомба и большего 5 клгр.—75 м.м. граната.)

У нас не было никогда полутяжелой артиллерии навесной стрельбы, самой ценной и самой удобной при всех обстоятельствах как маневренной, так и позиционной войны.

Иначе говоря, между 5 клгр. (вес нашей 75-м.м. гранаты) и 43 клгр. (вес 155-м. м. бомбы) у нас не было снаряда, который позволял бы нам обстреливать навесным огнем обратные скаты, глубокие долины, занятые германцами, глубоко укрытые цели, заслуживавшие большей частью снаряда более тяжелого, чем наш 75-м. м. и более легкого, чем 155-м.м. бомба.

* * *

Последствия этого недостатка полутяжелой артиллерии навесной стрельбы, особенно снарядов 12, 15, 20 клгр., были следующие:

1) Недостаточное действие по германским укреплениям.

2) Частые преждевременные разрывы над нашими линиями, вследствие настильной стрельбы нашей 75-м.м. пушки.

3) Промышленное истощение страны порохом, орудиями, снарядами.

4) Недостаточная связь и единение между двумя главными родами оружия.

1. Недостаточное действие по германским укреплениям.

Современная фортификация характеризуется слабой видимостью укреплений и, главным образом, малым протяжением их для удобного обстрела, все это для того, чтобы наилучшим образом избежать действительного огня артиллерии противника.

Итак, плохо видимые укрепления германцев, очевидно, мало страдали от настильного огня французской артиллерии, снаряды которой могли чуть задевать или только царапать их при попадании.

Французская артиллерия была вооружена почти исключительно орудиями настильной стрельбы[1]), небольшим числом гаубиц 155-м.м. и очень малым количеством 220-м.м. мортир как те, так и другие с малой полезной производительностью (puissance de

[1]) 75-м. м. и 105-м.м.—новейшие орудия настильной стрельбы и пушки Банжа, которые могли бы стрелять навесным огнем при других лафетах, но обычно стрелять настильным или почти настильным огнем.

débit). Их было очень мало, чтобы можно было серьезно на них расчитывать при разрушении германских укреплений[1]).

2. Многочисленные преждевременные разрывы.

Настильность траектории вела, естественно, к многочисленным несчастным случаям, так как малейший выступ местности, ветка дерева, задевая снаряд, при его прохождении, вызывали преждевременные разрывы над головами нашей пехоты в первых линиях. Подобные случаи были особенно часты в больших лесах на Маасе и в Лотарингии.

Чтобы обеспечить себя от излишней настильности, иногда оттягивали батареи назад, что увеличивало крутизну траектории и угол падения, но вместе с тем увеличивало рассеивание выстрелов в таком случае в свои окопы попадало еще более снарядов, но уже не вследствие настильности.

Чтобы уменьшить рассеивание, выдвигали иногда батареи вперед, но этим увеличивали настильность, т.-е. создавали описанные выше неудобства.

Таким образом располагались ли наши 75 м.м. пушки[2]) слишком близко или слишком далеко, они бывали причиной серьезных потерь либо от той, либо от другой причины (рассеивания или настильности), что, конечно, создавало большое недовольство.

Что касается заградительного огня, или обстрела первой линии или нейтрализации до определеного часа неприятельских окопов во время пехотной атаки, 75-м.м. пушка настильной стрельбы была причиной многочисленных и неизбежных неприятностей.

Как следствие, между пехотой и 75-м.м. батареями, родились бесчисленные недоразумения.

При уменьшенном заряде, принятом в 1917 г., батареи нужно было располагать на 2000 или на 4000 мтр.; в обоих случаях точность была больше, чем при стрельбе полным зарядом на ровной местности, и тем более по обратным скатам, где германцы так часто располагали свои укрепления.

---

[1]) Германская артиллерия имела легкие гаубицы, скорострельные, точные и с большим запасом снарядов, достаточно сильных, чтобы разрушать наши укрепления. Кроме того у германцев было большое число тяжелых гаубиц и, наконец, траншейных орудий с углом падения, близким к 90°. От огня таких орудий вряд ли что могло укрыться. И наоборот, вследствие большой настильности в большинстве секторов в 1917 г. и даже 1918 г., как показывает изучение воздушных фотографий, французские бомбы не попадали на обратные скаты.

[2]) Это касается в равной степени и калибров 80, 90, 95, 120-м.м.

В первом случае (2000 мтр.) нельзя сказать, что стрельба будет слишком настильной, так как траектория поднимается на 60 мтр., во втором случае (4000 мтр.) стрельба будет навесной, так как траектория поднимается до 325 метр. и, однако, рассеивание меньше, чем при стрельбе полным зарядом.

Было очень выгодно вести навесную стрельбу, главным образом, для того, чтобы избежать стрельбы по своим; это особенно, касается 75-м. м. орудий.

Но только в середине 1917 г. начали знакомиться с уменьшенным зарядом к 75-м. м. пушке; в 1918 г., когда изучили его, артиллерийские офицеры стали просить не готовить больше патронов с полным зарядом, а только с уменьшенным.

Это могло нас предохранить в 1918 г. от общей тенденции располагать батареи слишком далеко от пехоты, так как уменьшенный заряд не позволяет вести стрельбу далее 6000 мтр.

3. Промышленное истощение.

Исключительно или почти исключительное применение стрельбы 75-м.м. орудий, а также 80, 90, 95, 105-м.м. орудий было главной причиной нашего промышленного истощения.

Орудия, работающие непрерывно под давлением в 2500 клгр., очень быстро изнашиваются, *каково бы ни было качество снарядов и точность их производства*; в этом мы убедились особенно в 1916 году [1]).

Мы были принуждены, в силу наших исходных данных, изготовлять миллионы снарядов к 75-м.м. и к длинным тяжелым пушкам *только из лучшей стали*.

Мы израсходовали бесполезно большое количества пороха. Легко высчитать, что если бы только наполовину применяли уменьшенный заряд к 75-м/м. пушке, была бы достигнута экономия в 25 тонн ежедневно.

Это очень важно, если подумать о том, что расточительность в расходовании пороха ведет к хлопковому кризису, недостатку алкоголя и сахарной свекловицы, служащих составными частями при производстве.

Германцы, применяя, как известно, большей частью орудия навесной стрельбы, получали благодаря этому значительную ежедневную экономию пороха. Они имели кроме того значительную экономию стали, так как малые начальные скорости позволяли готовить снаряды из чугуна или из стали низкого качества, позволяя кроме того экономить в телах орудий.

[1]) После несчастных попыток 1915 г. с целью увеличения ежедневного производства снарядов.

Не будет преувеличением сказать, что благодаря их системе артиллерии навесной стрельбы, они получали, при одинаковом с нами весе выбрасываемого ежедневно металла, экономию пороха около 35—40 тонн.

Замечательно[1]), что, будучи много беднее их средствами промышленности, мы имели систему артиллерии наиболее расточительную, которая с возрастающей быстротой вела страну к промышленному истощению[2]).

Если бы система артиллерии настильной стрельбы давала наилучшее действие по целям встречающимся на войне, конечно, нечего было бы об этом и говорить. Но полный заряд не увеличивает точности, наоборот, и кроме того цели, которые представляли собой германцы или их укрепления были углубленные, мало заметные, расположенные часто на обратном скате, тогда к большой стоимости настильной стрельбы надо будет еще прибавить ее малую действительность.

Конечно, критика, с наибольшими основаниями может быть направлена именно против этих сторон [нашей армии[3]), родившихся, несомненно, из ходячей идеи, что война и столкновения будут вестись в чистом поле, без каких-либо укреплений; эти заблуждения привели к формуле настильной стрельбы. Нужно было своевременно эволюционировать в направлении необходимости навесной стрельбы малыми и средними калибрами. Эту эволюцию можно было бы осуществить или введением уменьшенного заряда для всех орудий (как 75, так и 80, 90, 95 и 105-м.м.) или только для некоторых орудий (как мы предлагали с самого начала—к 120-м.м.) путем изменения или замены лафета, или наконец, проще всего, покупкой за границей легких гаубиц, например, английских $4^1/_2$-дм.—лучших из легких орудий навесной, стрельбы.

---

[1]) Тот же факт, та же склонность к непроизводительному расходу пороха отмечена и разобрана с солидной аргументацией в брошюрах некоторых траншейных артиллеристов. Позже, когда производство достигло своего максимума в 1918 г., изнашивание пушек настильной стрельбы 75-м.м. 105.155 G. P. F. (большой мощности Филлю) стало таково, что предвидели момент, когда производство новых тел орудий будет только возмещать их изнашивание.

[2]) Уже 1-го ноября 1917 г. парламентское обследование констатирует, что из 555 вновь выпущенных орудий 105-м.м., находилось в новых частях на службе только 372, и что, следовательно, 183 орудия (ок. $^1/_3$) пошли на замену совершенно изношенных орудий в прежних частях (так как это были орудия настильной стрельбы).

[3]) Так как парламентские комиссии требовали в 1916 г. навесной стрельбы для 95-м.м. ор., в 1917 г. для 105-м.м., а потом для всех орудий.

4. Недостаток связи единства между двумя главными родами оружия.

К числу крупных недостатков настильной стрельбы нужно прибавить еще один, быть может, самый важный, именно тот, который послужил причиной длительной розни между двумя главными родами оружия.

Поддерживать атаку пехоты насколько возможно дольше и обойтись без попаданий по своим, при настильной стрельбе 75-м.м. пушек (80, 90, 95, 105-м.м.), —задача, равносильная разрешению задачи о квадратуре круга.

Можно поддерживать атаку пехоты до самой последней минуты, даже, если местность спускается немного к противнику, только с траншейной 75-м.м. мортирой и каким либо другим очень точным траншейным орудием можно поддерживать и огнем полевой 75-м.м. пушки, только уменьшенным зарядом, при этом (если расположить батареи в 2000 мтр. за пехотой) получится угол падения, который может быть получен при обыкновенном заряде только, если расположить батарею в 3000 метр. от пехоты. Величина одного вероятного отклонения в дальности при уменьшеном заряде равна 7 мтр., тогда как при настильной стрельбе она равна 13 мтр.

С точки зрения наилучшего осуществления прочной связи родов оружия между собою нужна навесная стрельба 75-м.м. пушки, или другого очень точного орудия мелкого или среднего калибра.

Орудия непосредственной поддержки пехоты должны иметь крутую траекторию.

С этой элементарной истиной никогда не могли вполне согласиться ни фронтовые, ни тыловые комиссии.

Без сомнения, решение придать артиллерии дивизии 155-м.м. гаубицы—очень целесообразно, но практически эта реформа была проведена только в 1918 г.; кроме того. калибр 155-м.м. слишком велик для поддержки пехоты, т.-е. для ежедневного применения, как это мы покажем на примере маневренной войны.

Говорили, что 37-м.м. пушки сопровождения, настильной стрельбы, имеющие задачей уничтожать и приводить к молчанию видимые пулеметы противника, очень хороши; это верно, но кроме этой частной задачи сопровождения пехоты, нужно проделывать проходы в проволочных заграждениях, обстреливать плацдармы, стрелять газовыми снарядами и т. д.

Далее мы увидим, как заблуждались в вопросах о траншейной артиллерии и относительно орудий сопровождения пехоты

(хотя эти последние, с точки зрения баллистики, должны родиться из первых), введя для сопровождения пехоты орудия настильной стрельбы.

Это надолго задержало применение орудия навесной стрельбы, и во Франции долго не решались дать этой экономичной траншейной артиллерии и орудиям сопровождения надлежащее развитие.

Последствия недостатка в траншейной артиллерии.

Мы видели уже последствия, к которым вел недостаток в артиллерии навесной стрельбы; теперь мы рассмотрим результат, к которым привел недостаток траншейной артиллерии, когда началась позиционная война в 1914 г.

Как известно, во Франции совершенно не было траншейной артиллерий [1]) до войны. Под впечатлением первых выстрелов германской траншейной артиллерии, стали импровизировать легкие траншейные мортиры из стаканов полевых шрапнелей, потом стали применять гладкоствольные легкие и тяжелые крепостные мортиры для бросания импровизированных бомб.

Позже старались применить 80-м.м. горные пушки для бросания серьезных мин (в частности, минометы Гатара, Дюбуа-Лепретр).

Затем, пришли к снаряду, подкупающему своей простотой,— Дюшен-Дюмезиля, с крыльями; этими снарядами предполагали стрелять из 75-м.м. орудия; позже изобретено было много аналогичных снарядов с крыльями или с хвостом (75-м.м. мортиры, пушки Жуандо, Арчера, Брандта и т. д.).

Все это делалось в противовес сильному впечатлению, производимому германской траншейной артиллерией в октябре и ноябре 1914 г. на некоторых участках наших позиций.

Все, кто был свидетелем морального впечатления, производимого первыми германскими „минами", т.-е. огромными бризантными бомбами в 40—50 клгр., никогда не забудут впечатления ужаса и растерянности, которое они производили на нашу пехоту, несмотря на ее обычную стойкость и выдержку.

В это время трудно было убедить наших солдат в том, что и германцы получают от нашей артиллерии такие же бомбы, так как стрелки видели действия германской траншейной артиллерии по своим окопам, но они не видели подобного или близкого действия по окопам противника.

---

[1]) Была, правда, в Сартори комиссия по разработке вопроса о траншейной артиллерии, изучавшая ее с точки зрения применения при атаке крепостей (разрушение каменных построек).

Это явное превосходство германских орудий неприятно действовало на солдат в течение месяцев и даже нескольких лет войны.

* * *

Система германской траншейной артиллерии была однородной системой калибра 17,5 и 25 [1]). Эти орудия имели накатник и компрессор; они были короткие, очень легкие, не громоздкие и бросали навесным огнем тонкостенные снаряды с большим содержанием взрывчатого вещества—настоящие разрывные чемоданы.

Об этих орудиях знали до войны [2]), но, надо признаться, что им не уделили должного внимания, так как очень мало кто думал об осадной и о позиционной войне, столь долгой и ставшей правилом. Читали с большим интересом, но только, как курьез, о боях ручными гранатами, происходивших между русскими и японцами в течение нескольких недель во рвах порт-артурских фортов.

* * *

Помимо упомянутых выше, преимущества траншейной артиллерии заключаются в их точной навесной стрельбе и высоких качествах их тонкостенных снарядов, содержащих большой процент взрывчатого вещества.

Орудие с таким снарядом может поддерживать атаку пехоты до самой последней минуты благодаря своей точности, большому углу падения [3]) и благодаря тому, что снаряд разрывается на

[2]) Сверх того было некоторое количество вспомогательных орудий, особенно сначала, но нужно заметить, что у них не было ни одного совершенного траншейного орудия малого калибра с начала войны до 1916 г., когда появился легкий 75-м.м. гранатомет.

[2]) О них упоминалось в лекциях в военной академии в 1914 г. („Курс осадной войны").

[3]) Германское наставление по применению минометов от 1 июля 1917 г., в таких словах определяет главные преимущества их перед артиллерией:

а) „При одинаковом весе снаряда—меньший расход пороха на заряд, больший разрывной заряд и меньшее рассеивание снарядов. Изготовление минометов много проще производства артиллерийских орудий. При меньших средствах и при меньшем расходе снарядов получается большее материальное и моральное действие.

б) Цели, которые не могут быть обстрелены нашей артиллерией, вследствие близкого расположения их к нашим войскам, могут быть уничтожены огнем минометов, имеющих, как сказано выше, меньшее рассеивание. С другой стороны, минометы могут лучше артиллерии доставать цели, укрытые за крутыми скатами.

в) Связь с пехотой облегчается близостью их расположения".

Нужно заметить, что названное наставление сравнивает траншейную артиллерию с германской артиллерией, т. е. с артиллерией, главным образом, навесной стрельбы. Описанные преимущества выступят еще ярче, если сравнить германскую траншейную артиллерию с французской полевой артиллерией.

большое число малых осколков, имеющих малый район действий, что безопасно для своих войск, действующих по соседству.

Оно производит большое разрушение благодаря большому разрывному заряду и большому углу падения. В общем, это орудие быстро и с малым расходом снарядов разрушает окопы противника.

Траншейное орудие очень легко разрушает проволочные заграждения, что с таким трудом достигается настильным огнем полевой артиллерии.

Итак, при малой дальности и трудности снабжения в первых линиях траншейные орудия как бы сосредоточивают в себе, так сказать, все наилучшие качества и преимущества артиллерии, необходимой для позиционной войны.

* * *

Находили странным, что некоторые траншейные артиллеристы вели горячую печатную кампанию в пользу этих орудий. Считали преувеличенными выгоды, предетавляемые траншейными орудиями в сравнении с артиллерийскими орудиями, в собственном смысле этого слова.

Они ошибались, а траншейные артиллеристы, конечно, правы, возражая всем передовым и тыловым штабам и управлениям, стоявшим за прорыв и не замечавшим того обстоятельства, что только траншейная артиллерия может быстро разрушить окопы на широком фронте. Последовательное развитие атаки в глубину также нуждается в родственных траншейным орудиях сопровождения. Короче говоря, легкие орудия навесного огня нужны, во-первых, для разрушения окопов на широком укрепленном фронте и, во-вторых, чтобы поддержать возможно ближе наступление пехоты для захвата последних организованных линий обороны.

Преимущества траншейной артиллерии можно изложить в двух словах: это—орудия навесной стрельбы и обладают поэтому всеми перечисленными выше выгодами этого вида стрельбы; стреляют при малом давлении тонкостенными снарядами на короткие дистанции; их легкие снаряды имеют коэффициент полезного груза, недостижимый для снарядов обыкновенной артиллерии [1]) и имеют несравненное действие по проволочным заграждениям и по живым целям.

---

[1]) Пример: 25-см. герм. транш. бомба весом 97 клгр., содержит взрывчатого вещества 47 клгр., в то время как 240 м.м. бомба подобного веса, содержит только 35 клгр., бомба 21-см. мортиры, весящая 100 клгр., содержит взрывч. вещ. только 17 к.; 150-м.м. траншейная бомба Фабри, весом в 15 клгр.,—3 клгр. взрывч. вещ., в то время как 105-м.м. бомба того же веса содержит только

Эти преимущества еще более возрастут, если вспомнить большую подвижность траншейных орудий и исключительную легкость и быстроту их производства.

Короче говоря, траншейная артиллерия была несравненной, особенно в системе вооружения французских армий как для производства быстрой артиллерийской подготовки атаки на широких и близко расположенных друг к другу линиях окопов, так и для контр-подготовок и стрельбы в отместку.

Одним словом, при всех обстоятельствах позиционной войны, траншейная артиллерия дает значительное материальное и моральное превосходство тому из двух, кто ею владеет, что могут подтвердить сотни тысяч французов, участников войны 1914, 1915, 1916 годов.

* * *

Траншейная артиллерия может служить также весьма важным фактором в войне на истребление живой силы, если ее систематически вести малыми и средними калибрами, естественно, наиболее смертоносными. К счастью, германцы не поняли этого в начале войны, когда мы держали много войск в первой линии, эта мысль была ими использована в полной мере в середине войны, в 1916 и особенно в 1917 г.

Свойства, которые мы перечислили относительно сильного материального и морального действия, касаются больше всего тяжелой или средней траншейной артиллерии, особенно, 1914—1915 годов. Но в 1916, 1917, 1918 г. г. нам пришлось иметь дело с траншейной артиллерией малого калибра, постепенно разраставшейся, со снарядом в 4 клгр. и даже в 1 кл. 800 гр. (граната—„горлинка“ (grenade-tourte-relle) [1]). Последняя принесла нам больше всего потерь в личном составе, подобно тому, как полевая артиллерия и легкие гаубицы вырвали у нас больше людей из рядов в начале войны, чем тяжелая артиллерия.

* * *

Другие будут говорить и писать, что удивительно гибкий французский гений скоро применится к новым и неожиданным требованиям любого момента и быстро изменит недостатки подготовки.

---

2 клгр. взрывч. вещества. 75-м.м. германская граната, весом в 4 клгр., содержит 1 клгр. взрывч. вещ.; 75 м.м. граната Жуандо, весом 3 клгр., содержит 1 клгр. тогда как 75 м.м. пушечная граната, весом 5 клгр., содержит только 700 гр. взрывч. вещ., а 77-м.м. германск. пушечная граната, весом 7 клгр., содержит только 300 гр. взрыв. вещ. и т. д.

[1]) Усовершенствованная в 1917 г. так, что при падении подпрыгивала и давала воздушный разрыв с большим снопом осколков.

Что касается отдельной личности, это, конечно, очень верно, но с этим нельзя согласиться, если речь идет о громоздких аппаратах, ведавших вопросами материального снабжения в великую войну.

У нас, быть может, было много прекрасных мыслей, но мы осуществили из них своевременно только очень немногие.

Будем искренними, не будем при всяком случае льстить нашему национальному самолюбию.

Через сколько времени применились мы к позиционной войне, к устройству укреплений, описанному в Германском Наставлении 1906 г.

Как плохо мы копировали план, профиль, убежища, фланкирующие постройки, которые, однако, за восемь лет до этого детально изучались простыми германскими унтер-офицерами.

Через сколько времени скопировали мы траншейные орудия крупных и средних калибров?

Эти орудия, которые так легко изготовляются, в сравнении с орудиями, в собственном смысле этого слова, как об этом говорит Германское Наставление...

Позаимствовали ли мы когда-нибудь в большом масштабе гранатометы и не просмотрели ли мы той значительной роли, которую они играли в войне на истребление живой силы?

Цифры говорят убедительнее всего: в январе 1917 г., во время разгара позиционной войны, у нас было: 1000 легких траншейных орудий против 2600—в германской армии, которые выросли у них к 1918 г. в 7000 шт. и в 10.000 шт. к концу войны.

У нас совершенно не было гранатометов, тогда как германцы, имея по 12 легких гранатометов на полк, ежедневно истребляли нашу живую силу и в течение нескольких минут могли подготовить частичную атаку.

* * *

Короче говоря, в этой ежедневной окопной войне, наш солдат, наблюдая, должен был притти к убеждению, что противник господствует над нами, имеет почти всегда огневой перевес, что мы не можем пошевелиться или показаться, чтобы не получить жестокого возмездия, не имея возможности ответить более сильными, могущественными и действительными орудиями [1]).

Недостаток укреплений? Да, достаточно сравнить теперь укрепления противника у Ланж и Гартмансвейлеркопф с нашими

[1]) Ответ 75-м.м. орудия—был самым действительным, пока противник не ввел „штольни“ (подземные коридоры) в 1915 г. и глубокие убежища в 1916 г.

окопами на косогоре. Их соорудили в несколько мгновений и все время жалели, конечно, что нельзя их бетонировать.

Бесспорно недостаток также и в вооружении, в пушках, в мортирах, в орудиях, необходимых, исключительно, в позиционной борьбе, чтобы бросать бомбы и мины всевозможных калибров, разрывные и бризантные (которые должны были рваться в окопах или над ними).

Общий недостаток материальных средств и всего, за исключением стоической доблести солдат и офицеров.

Вот почему эта позиционная война была жестокой и почему мы несли большие потери; вот почему, в конце нескольких лет нашего истощения, без поддержки американцев, победа досталась бы, быть может, Людендорфу, если бы он не счел нужным перейти в наступление весною в 1918 г., чтобы найти решение в маневренной войне.

Итоги эволюции германских огневых средств за годы позиционной войны.

1914 г.—Германская траншейная артиллерия находится еще в зачаточном состоянии, она состоит чаще всего из шрапнельных стаканов и нескольких больших минометов.

В дивизиях нет траншейной артиллерии; лишь иногда придаются револьверные пушки (Эпарж, Буа-Лепретр). Число легких гаубиц в пехотной дивизии возросло до $^1/_3$—артиллерийский полк, входящий в состав германской пехотной дивизии, состоял до войны из трех дивизионов легких пушек и одного дивизиона легких гаубиц; потом состав переменился: один дивизион легких гаубиц и два дивизиона легких пушек.

1915 г.—Траншейная артиллерия усиливается орудиями средних калибров, особенно $17^1/_2$-см. мортирами, бросающими мины, производящие сильное впечатление. Кроме того создается много мелкокалиберных бомбометов очень несовершенной конструкции. Принят легкий 75-м.м. миномет. Появляются удушливые газы.

1916 г.—Траншейная артиллерия не играет серьезной роли в германском наступлении под Верденом, но увеличивается на Сомме, даже после прорыва фронта, произведенного нами, благодаря нашей траншейной артиллерии, которая, кажется, достигла своего апогея в нашем победоносном наступлении 1-го июля.

В окрестностях Комбля появляются со стороны германцев 75-м.м. траншейные орудия очень совершенного устройства.

1917 г.—До и после 16 апреля—позиционная война, где новая мелко-калиберная траншейная артиллерия, 75-м.м. мор-

тирки и гранатометы играют главную роль в ежедневной перестрелке и при быстрых подготовках набегов с помощью удушливых газов или без них.

1918 г.—Позиционная война кончается (после большого весеннего наступления германцев) прорывом укрепленного фронта на протяжении 80 километров.

Следует отметить, что германцам удалось выйти к маневренной войне в значительной мере, благодаря их чрезвычайно могущественной 7,5, 17,5 и 25 см. траншейной артиллерии, что подтверждается официальным сообщением от 21 марта, содержащим императорские поздравления.

ГЛАВА IV.

Попытки прорыва.

Вопрос о выборе тактики.

Истощение или прорыв.

Три попытки прорыва: Шампань (25 сентября 1915 г.), Сомма (1 июля 1916 г.), на Эн (Chemin des Dames 16 апреля 1917 г.).

Уже весной 1915 года, после безрезультатных и дорогостоивших наступлений в Артуа, Шампани и у Вевра [1]) (после ежедневных бесконечных и кровопролитных боев у Буа-ле-Претра, леса Д'Апремон, Эпарж в Аргоннах, в Шампани, Артуа и др. для людей, знакомых с положением, при виде громадной цифры потерь, стало ясно, что эти местные действия вели к верным и ужасающим потерям в людях, и что нужно было или улучшить наш способ действий и систематизировать траншейную войну, или же совсем отказаться от нее.

* * *

Все знают несчастную историю с артиллерией в эту весну 1915 г., когда частые взрывы 75-м.м. пушек, сделанных из лучшего металла, убивали собственную орудийную прислугу.

Увеличение производства 75-м.м. гранат, которое хотели довести до 50.000 в день, имеет свою дурную сторону: теперь, когда комиссиями не выполняются более все строгости при сдаче подрядов и приеме снарядов, часто происходят разрывы снарядов в канале орудия.

В это время на 3.000 выстрелов приходился один разрыв пушки, а в мирное время, при хороших казенных гранатах, на 1.000.000 выстрелов не приходилось ни одного разрыва.

При употреблении других снарядов, не 75-м.м. калибра, несчастные случаи происходили гораздо реже.

---

[1]) 143.000 убитыми, без вести пропавшими или умершими в госпиталях, 306.000 эвакуированными за 3 месяца: апрель, май и июнь 1915 г.

Со всех сторон раздавались крики: „Пушек и снарядов“, но на фронте не было видно результатов этих криков и не скоро еще стало заметно какое-либо улучшение. Вместо подкрепления и улучшения, эта газетная кампания, требовавшая немедленного возвращения рабочих на фабрики, отняла у артиллерии в несколько недель большинство ее наводчиков.

Короче говоря, в 1915 г. в продолжение многих месяцев нельзя было и думать предпринять что-либо серьезное в виду недостатка в необходимых материальных средствах.

В конце весны 1915 г. артиллерия делает то, что ей подсказывает логика, а именно: выжидает пушек и снарядов, и старается не раздражать противника, превосходящего ее в средствах.

Это так называемая выжидательная позиционная тактика.

* * *

В поисках решительной победы, т.-е. в поисках уничтожения организованных сил противника, нужно было выбирать в 1915 г. между тактикой войны на истребление живой силы посредством огня, проводимой по последнему слову науки, и тактикой специально наступательной войны, при которой наибольшее количество снарядов употребляется для прорыва фронта и продвижения вперед вплоть до выхода в чистое поле, где снова можно вступить в маневренную войну, так счастливо проведенную нами в 1914 г.

После долгих секретных совещаний высшего командного состава в 1915 г. и 1916 г., явились защитники войны на истребление живой силы и сторонники прорыва.

* * *

Для истребления живой силы посредством огня, конечно, нужно было подготовить эту войну в ее мельчайших подробностях. Мы, безусловно, уступали противнику в ежедневной борьбе, а нужно было взять верх. Прежде, чем начинать проводить войну на истребление живой силы активно и методично, посредством огня на всем фронте, или даже на некоторых участка фронта, нужно было предвидеть ответный удар, который, несомненно, последовал бы со стороны противника в том или другом месте, и обеспечить свои войска от обстрела, к которому он привел бы.

Таким образом, если решено было подготовить войну на истребление живой силы, нужно было начать с приготовления средств для защиты от огня и в то же время развить способы употребления ближнего огня.

В чем заключалась тактика войны на истребление живой силы.

Она заключала в себе два способа действий.

1. Подготовку средств защиты от огня, которая развивалась в следующем порядке: начиная от стальной окопной каски, наплечников, легкого деревянного противошрапнельного щита до казематов против тяжелой бомбардировки, она проходила через целую серию прикрытий, более или менее поглощающих силу взрыва.

Кроме того она заключала в себе всю совокупность способов, долженствовавших привести противника к израсходованию своих снарядов в стрельбе по предметам, не имеющим никакого военного значения, например, по ложным батареям, ложным окопам, и в особенности, по ложным наблюдательным пунктам, и таким образом отвлечь его внимание от живых объектов—войск, пунктов сосредоточения, обозов и т. д.

Тут нужно бы было заняться изучением способа уменьшения числа потерь [1]), начиная, конечно, с улучшения самих укреплений, в особенности. подземных построек.

Конечно, это было не невозможно, но для этого потребовалась бы мобилизация всех военных инженеров. Нам нужно было выиграть время, чтобы компенсировать превосходство противника в подготовке.

Но, благодаря некоторым деталям нашего вооружения и техническому опыту в стрельбе личного состава нашей артиллерии, мы имели некоторые преимущества в смысле возможности нанесения потерь противнику.

2. Развивать и увеличивать способы действия посредством огня. В каждой системе войны существует какой-нибудь один вид вооружения, более совершенный и наиболее пригодный; его-то и нужно развивать далее.

В это время наиболее употребительными орудиями у нас были 75-м.м. орудия (настильной стрельбы исключительно), пушки Банжа (настильной стрельбы, главным образом) и только несколько сотен гаубиц и мортир; таким образом мы должны были искать свои элементы превосходства в особенностях настильной стрельбы.

[1]) Известно, что в мирное время к вопросу об уменьшении числа потерь фанатики наступательной войны относились отрицательно как во Франции, так и в Германии. Мы можем привести здесь личное довольно характерное воспоминание: в конце одной конференции, происходившей в Нанси, в военном кружке, в декабре 1913 г., где обсуждался вопрос о практическом уменьшении числа потерь, один из генералов, председательствующий на собрании, объявил во всеуслышание, что „в Нанси армия не боится потерь". Это было очень верно сказано: не только в Нанси, но и повсюду господствовало то же мнение. Настоящие военные не должны были останавливаться перед числом потерь.

Наша шрапнель настильной стрельбы, очень точная, с большой живой силой удара пуль, была смертоносной, особенно при фланговом огне.

Большая скорость полета снаряда также производила сильный моральный эффект.

Итак, нужно было, на наш взгляд, разворачивая другие средства борьбы—траншейную артиллерию [1]), пулеметы и гранатометы, постараться привести нашу артиллерию, в собственном смысле этого слова, посредством улучшений материальной части,—быстро и легко выполнимых,—и усовершенствования способов употребления в состояние, при котором она давала бы наибольшие результаты.

* * *

Таким образом как для материальной части, так и для личного состава, призванного ее обслуживать, являлось необходимым развить и улучшить стрельбу на истребление живой силы.

Что касается материальной части, то цель ее улучшений заключалась, главным образом, в достижении наиважнейших условий при стрельбе на истребление живой силы.

Эти улучшения должны были состоять в следующем: увеличить число шрапнелей, как наиболее смертоносных и предназначенных для продольного огня, главным образом; снабдить 75-м.м. орудия снарядами с уменьшенным зарядом, для навесной стрельбы [2]), позволяющими уничтожать германцев в мертвом пространстве, где они жили, спокойно отдыхая, несмотря на нашу стрельбу из 75-м.м. орудий, очевидно, слишком, настильную; наконец, увеличить число гранатометов и маленьких мортирок разного типа [3]), снабжаемых с 1915 г. взрывателями мгновенного действия, очень чувствительными, так как наша стрельба гранатами происходила под большими углами, что очень увеличивало ее смертоносное действие; наконец, развернуть производство трубок для бризантных снарядов.

---

[1]) Среднего и малого калибра, в особенности, наиболее смертоносные 75-м.м. мортиры, различных образцов, стреляющие пушечными и более усовершенствованными гранатами.

[2]) Изученные еще до войны и заброшенные со времени исключительного применения шайбы Маландрена, их решили вновь изучить и применить в январе 1917 г., по нашему предложению Главной Квартире.

[3]) В это время немецкая траншейная артиллерия малых калибров, так дорого стоившая нам в 1915 г., не была еще очень многочисленна, а мы имели малую 75-м.м. мортиру Крезо которая, с небольшими удобными изменениями, в виду ее легкости, могла бы нам оказать большую услугу в стрельбе на истребление живой силы. У нас на фронте было также несколько 75-м.м. мортир „Жуандо де-Ландр" легких и совершенных.

* * *

Главнейшие улучшения способов употребления артиллерии могли состоять в следующем.

Нужно было внушить каждому начальнику, что пушка в такой войне, как война на истребление живой силы посредством огня, где она играет первую роль, должна находиться в том месте, где может быть достигнуто ее наилучшее использование.

И действительно, было указано, что орудию должны быть предоставлены самые выгодные условия для достижения этого использования, в частности, к орудиям истребления отойдут, в первую очередь, все удобные позиции для применения продольного огня, в 5 раз более действительного, чем фронтальный огонь.

Следовательно, нужно было уничтожить для артиллерии моральную преграду границ секторов, которая действительно серьезно уменьшала результаты стрельбы нашей артиллерии, и, наоборот, систематизировать употребление 75-м.м. батарей, расположенных сбоку и стреляющих по входящим углам окопов или продольным огнем по немецким линиям.

От этого значительно увеличилось бы число потерь у немцев. По нашему мнению, можно было использовать наше большое превосходство в пушках настильной стрельбы, приняв за правило стрельбу шрапнелью по многочисленным батареям противника, ведя огонь одновременно и концентрированно, как это было в 1917 г.

Уже с лета 1915 г. можно было сделать эти научные и плодотворные наблюдения, сделанные в 1917 г., над стрельбой по площадям или по карте над корректированием стрельбы по прямым воздушным разрывам, и вообще развить с 1915 г. наблюдение над стрельбой, которая потом стала предметом восхищения для самих немцев (см. стр. замечание Людендорфа по этому поводу).

В этом мы действительно могли иметь превосходство над немцами, при нашем вооружении, таком, каким оно существовало тогда и с кадром наших артиллерийских офицеров.

Наконец, мы могли предписать, чтобы вся стрельба разрывными гранатами, все более и более многочисленными, употребляемыми с чувствительными трубками, производилась и под углом возвышения, дающим наибольший угол падения.

Удивительно, что зная свойство всякой гранаты, снабженной чувствительной трубкой, давать тем больший снос, чем больше угол ее падения, мы все же, в продолжение всей кампании, применяли ее под малыми углами.

Иначе говоря, задачи артиллерии в этой войне на истребление живой силы заключались в том, чтобы связать идею навесной стрельбы разрывными гранатами малого калибра с идеей настильной стрельбы шрапнелью косым или продольным огнем и в нанесении наибольшего количества потерь противнику, менее богатому, чем мы, орудиями малого калибра[1]).

В чем должна была заключаться тактика наступательной войны, так называемая тактика прорыва.

Описав кратко характер, который могла бы носить война на истребление живой силы, мы скажем теперь несколько слово том, какова могла бы быть тактика прорыва с артиллерийской точки зрения.

Она, очевидно, заключала бы в себе, считая в хронологическом порядке операций, прорыв фронта, являющийся результатом артиллерийской подготовки на довольно широком фронте и проход сквозь брешь, сделанную таким образом пехоты и артиллерии достаточно многочисленной и хорошо снабженной для развития своего успеха как в глубину, так и на флангах прорыва.

В общем, это прорыв посредством артиллерийской подготовки и пехотного штурма, и использование его последовательной атакой пехоты, поддержанной частью батарей и специальной материальной частью.

* * *

Протяжение фронта прорыва находится в зависимости от наличия артиллерийских средств.

Интереснее производить подготовку прорыва на широком фронте, более широком, чем фронт предполагаемой атаки, чтобы оставить неприятеля в неизвестности о действительном месте атаки, но на практике нам пришлось сильно ограничивать свой фронт подготовки в виду нашей относительной бедности в тяжелой артиллерии.

Таким образом во время большой атаки в Шампани в 1915 г. фронт тянулся на 25 клм., при наступлении на Сомме 4-го июля 1916 г. он был в 16 клм., при наступлении в апреле 1917 г. (на Эне)—35 клм.

Упомянем здесь, для сравнения, о том, что фронт прорыва в 1918 г. мог быть значительно шире, и что максимум был до-

[1]) Германцы компенсировали потом этот недостаток, начав применять, как известно, 75-м м. орудия траншейные и сопровождения, изготовленные в громадном количестве; снаряды для них мы и теперь находим повсюду в тылах немецких армий.

стигнут немцами во время их грандиозного весеннего наступления (которое, как они думали, будет последним), когда они атаковали фронт протяжением в 80 клм.

Свойства артиллерии прорыва.

При прорыве для разрушения заграждений и окопов употребляются почти исключительно разрывные гранаты и бомбы, которые, как известно, дают наилучшие результаты при навесной стрельбе, когда нужно пробить брешь или разрушить убежища, блиндажи и т. п.

Наша артиллерия была мало пригодной для прорыва, так как еще в 1914 г., как известно, у нас был большой недостаток в артиллерийских орудиях навесной стрельбы; даже в 1917 г., во время нашего большого наступления с решительной целью на Дне у нас не было достаточного количества орудий навесной стрельбы—налицо 428 гаубиц (155-м.м. Шнейдера), тогда как нужно было по крайней мере от 800 до 900.

Кроме того к нашим 75-м.м. орудиям не было до сих пор снарядов навесной стрельбы, и даже во время наступления в 1917 г., когда они были введены в употребление, очень немногие артиллеристы умели ими пользоваться.

Недостаток в орудиях навесной стрельбы, необходимых для прорыва, мог бы быть частью компенсирован траншейной артиллерией. Гаубицы и мортиры действительно были заменены 58-м.м. минометами, но не вполне удачно, несмотря на то, что это траншейное орудие, рано появившееся [1]), оказало нам большие услуги.

Таким образом в конечном итоге у нас нехватало орудий навесной стрельбы, было мало траншейных орудий, безусловно нехватало средств для производства прорыва.

Свойства артиллерии, необходимой для развития успеха.

Можно сказать, что превосходство наше в полевых пушках должно было создавать благоприятные условия для нас при развитии успеха, хотя бы после прорыва оборонительных линий.

Казалось бы, что в действительности более важным фактором являлась подвижность и скорострельность, чем могущество.

Для того, чтобы хорошо уяснить состояние нашей артиллерии, необходимой для развития успеха, нам придется отклониться немного в сторону.

Этот род артиллерии должен сопровождать продвигающуюся пехоту, двигаясь вперед более или менее широкими

[1]) С первых месяцев 1915 г.

скачками и извлекая из своих выдвинутых позиций наибольшую выгоду. Эти движения заключаются: 1) в продвижении самой материальной части, т.-е. 75-м.м. запряженных пушек и 2) в подвозе снарядов, возимых в зарядных ящиках или носимых самими людьми там, где ящики не могут пройти.

75-м.м. пушка довольно подвижна; она казалась даже очень подвижной по отношению к тому роду войны и к тому виду местности,—без воронок и без крутых возвышенностей, конечно, которые имелись в виду до этой войны.

Она теперь менее подвижна, как и вся материальная часть войны, в виду изрытой местности, в особенности после прорыва.

Самое же главное—быстрота подвоза снарядов.

Они в этом случае подвозятся зарядными ящиками, подвижность которых характеризуется тем точно установленным фактом, что каждый зарядный ящик, запряженный 6-ю лошадьми, привозит от 96 до 75-м.м. снарядов, т.-е. на каждую лошадь приходится по 16 снарядов.

Конечно, эта цифра слишком мала для определения мощности снабжения в такой войне, где число выстрелов должно быть очень велико, и, в большинстве случаев, очевидно, что эти затруднения с питанием, определенные в 16 выстрелов на лошадь, не позволяют пушке давать более 200 выстрелов в 24 часа, тогда как она могла бы дать 1000 выстрелов в те же 24 часа.

Иначе говоря, снабжение 75-м.м. орудий, вследствие формы снарядов, их длины, громоздкости и веса не достигло той высоты, которая достигнута самим орудием.

Вообще при развитии успеха или при маневренной войне 75-м.м. артиллерия всегда может вести любую стрельбу.

* * *

Почти то же можно сказать о нашей 105-м.м. пушке, зарядный ящик которой, запряженный 6 лошадьми, привозит по 7 снарядов на каждую лошадь, то же самое и с 155-м.м. гаубицей Шнейдера, зарядный ящик которой привозит только по 4 снаряда на лошадь. Вообще надо сказать, что наши новейшие пушки очень слабо снабжались снарядами [1]).

Это очень важное обстоятельство при использовании прорыва, т.-е. в такой войне, где число выстрелов должно быть громадно. К этому вопросу мы еще вернемся, когда будем гово-

[1]) Любопытно, напр., отметить, что вагон в 10 тонн, который перевозит 1.000 75-м.м. снарядов, может перевезти также и 1000 90-м.м. снарядов Банжа, несмотря на то, что 90-м.м. гранаты весят вдвое больше 75-м.м. В 1917 г. был немного улучшен транспорт снарядов для 155-м.м. новейших гаубиц, так как медные гильзы были заменены шелковыми картузами, как в снарядах Банжа.

рить о маневренной войне 1918 г. Во всяком случае можно уже сейчас констатировать факт, что если наша артиллерия настильной стрельбы была мало пригодна для прорыва, то в ней также было много серьезных неудобств и для развития успеха после прорыва [1]), а это и было одной из причин непродолжительности наших успехов в 1915, 1916 и 1917 г. г. Это объясняется, конечно, весом пушки, а также весом снарядов, подвоз которых был слишком недостаточен.

* * *

Рассмотрев таким образом изложенные обстоятельства можно сказать, что в 1915 и 1916 г. г. мы были лучше подготовлены к войне на истребление живой силы, чем к прорывам.

Тактика прорыва в 1915 году.

Каковы бы ни были преимущества и относительные неудобства войны на истребление живой силы в сравнении с войной прорыва, наше высшее командование, побуждаемое соображениями чисто военного и, конечно, дипломатического порядка, о которых здесь не место говорить, решило в 1915 г. применить тактику прорыва.

Командование не хотело ожидать успеха в отдаленном будущем, рассчитывая, как можно было тогда рассчитывать, не имея опытных данных, на развал немецкого фронта, который должен был последовать за удачным прорывом.

Мы будем разбирать последовательно три попытки прорыва, совершенные французами в 1915 г. в Шампани, в 1916 г. на Сомме и в 1917 г. на Эне.

Наступление в Шампани в сентябре и октябре 1915 г.

Итак, решено было наступать. Фронт для атаки в Шампани был выбран в местности суровой и невыгодно расположенной, требовавшей мощной, разрушительной артиллерийской подготовки. Во время подготовительных действий—сосредоточения и подвоза всего необходимого и т. д., стало сразу ясно, что значит оборудовать местность и собрать средства, имея в виду большое наступление.

---

[1]) В связи с недостатком орудий сопровождения. Последние, при одинаковом с легкой пушкой калибре, имели крутую траекторию, и в этом заключалось отчасти их преимущество. Орудия сопровождения, вошедшие в употребление только в конце войны, типа Жуандо или Стокс, были первыми, результат снабжения коих был выше всяких других. Граната в 3 кило, Жуандо, которая дает 30 смертоносных осколков на кило, т.-е. всего 90, выгоднее наших 75-м.м. гранат, дающих только 10 смертоносных осколков на кило, т.-е. всего 50. Таким образом при употреблении 75-м.м. мортирки Жуандо достигается вдвое больший результат снабжения и втрое больший результат стрельбы.

К несчастию, как мы уже сказали, все материальные средства и, в частности, вооружение улучшались очень медленно: им было далеко до той высоты, на которой стояла боевая готовность нашей пехоты. Изготовление 75-м.м. пушек было еще до сих пор недостаточно. Производство 155-м.м. новейших гаубиц еще только начиналось. Наличный запас снарядов был много меньше необходимого.

* * *

Наступление предполагалось, как мы сказали, в Шампани на фронте в 25 клм., где очень твердая [1]) известковая почва; хотели атаковать основательно укрепленную оборонительную полосу, требовавшую сильной бомбардировки и эшелонированную глубину в некоторых направлениях на 4—5—6 клм.

Подготовка длилась 3 дня, с затишьями, с перерывами, тщательно намеченными командованием. Ей предшествовал период борьбы с батареями противника с помощью авиации, но еще без С. А. Р.—службы артиллерийской разведки—S. R. A. продолжительностью около 15-ти дней.

Чаще всего применялись следующие орудия: 75-м.м. пушки армейского корпуса, 155-м.м. старые гаубицы, устарелые мортиры 220 и 270-м.м., и, главным образом, пушки Банжа. В качестве артиллерии большой мощности в редких случаях употреблялись береговые и морские орудия.

На весь период подготовки расход снарядов был тщательно рассчитан командованием. В этой первой большой атаке придерживались указаний „Наставления по осаде крепостей“ относительно объединенного управления артиллерийским огнем.

Позже артиллерийская подготовка была децентрализована: армейский корпус управлял контр-батареями, а дивизия—артиллерией разрушения.

Прорыв фронта 25 сентября 1915 года.

Штурм был назначен в 9 ч. 15 м. на всем фронте атаки [2]) прорыв фронта удался почти на протяжении всех 25 клм., несмотря на то, что не все укрепления были разрушены нашей артиллерией, почти исключительно состоявшей, как мы уже сказали, из орудий настильной стрельбы и небольшого количества 58-м.м. минометов. В первые часы и даже в первые дни наши

[1]) Неблагоприятная для разрушения, но благоприятная для взрывов на поверхности, наиболее смертоносных; весьма возможно, что в этом и заключалась одна из первых причин значительных потерь, понесенных обеими сторонами от артиллерийского огня.

[2]) В этот же день, в 12 часов дня, в Артуа, в районе Суше, началась атака, подготовленная в тех же условиях, но на фронте вдвое меньшем.

потери были незначительны. Атака была проведена пехотой с большим подъемом. Сначала пехота сильно подалась вперед, в особенности на левом фланге и в центре, и продвинулась на 4 клм.; было взято много пленных—более 20.000; захвачены батареи (более 100 пушек); все были уверены в полном прорыве. Франция была поставлена в известность трогательной телеграммой.

С точки зрения тактики, в этой атаке не придерживались правил, строго ограничивавших продвижение вперед пехоты, как это было потом на Сомме. Пехоту трудно было сдерживать. Не было заранее выработанного плана подвижного заградительного огня, по которому должна была равняться пехота. Конечно, заградительный огонь существовал, так как это было в 1915 г., когда заградительный огонь был в большом почете, но он не удлинялся скачками в 200 или 400 метров по требованию пехоты; в этом-то и заключалась слабая сторона тактики, примененной в Шампани.

Эта тактика исходила из совершенно ложной идеи 1915 г., что связь между продвигающейся пехотой и артиллерией, остающейся на месте, возможно осуществить, и что пехота может пересылать артиллерии свои пожелания во время сражения

Итак, атака и прорыв удались 25 сентября, но последующие атаки, блестяще проводимые пехотой, были плохо поддержаны артиллерией, которая не действовала и не могла действовать в связи с пехотой.

Этими атаками удалось занять только несколько километров в глубину, так как в других местах пехота останавливалась огнем наших же 75-м.м. легких или даже тяжелых орудий.

После этой атаки появилось сильное недовольство артиллерией, в особенности тяжелой, которой ставили в вину, что она не продвигалась вперед и не съумела подавить ответный огонь неприятельской артиллерии [1]).

Использование прорыва.

Использование успеха действительно было проведено 6 и 7 октября посредством местных атак на узлы сопротивления 2-й и 3-й линии, оставшиеся нетронутыми до сих пор во многих местах.

[1]) В эту атаку не нашли нужным, как это было в последующих, использовать 75 м.м. орудия для поддержки тяжелой артиллерии, составлявшей контр-батарейную группу, потому что в то время не верили в большую досягаемость 75-м.м. орудий. Действие их могло сказаться только в первые дни октября, когда немецкие батареи, вернувшиеся на линии, стояли под открытым небом, т.-е. не были казематированы.

Артиллерия, служившая для подготовки атаки (за исключением 75-м.м.), не могла продвинуться вперед; ни траншейная, ни тяжелая артиллерия не двигались, за исключением нескольких батарей 155-м.м. гаубиц Римальо. Установить вновь батареи и открыть огонь очень трудно; требуется большая затрата времени, а это рисковано под огнем германской артиллерии, которая не только не ослабевала, а скорее усиливалась за несколько дней медленного использования успеха.

Потери становились все более чувствительными, так как немецкая артиллерия располагала деятельным воздушным флотом и хорошими наблюдательными пунктами, позволяющими ей стрелять даже по нашим вспомогательным и резервным войскам, и, наконец, благодаря ее тяжелой артиллерии большой мощности, ставшей довольно многочисленной и деятельной с первых дней октября.

Период этого первоначального успеха, благодаря местным удачам, продолжается до 6 октября. В этот день удачной атакой местечка Бют и деревни Тагюр отмечается крайняя граница продвижения вперед и использования успеха.

Эта атака как бы показала пехоте, которая хорошо ее провела [1]), что в глубине этого узкого прорыва не было больше серьезных оборонительных линий, что имея еще пехоту и снаряды, даже при меньшем прорыве, можно было бы продвинуться дальше. Но огромные потери в людях и очень большой по тому времени расход снарядов заставил с этого дня призадуматься наше высшее командование; решили не продвигаться вперед, так как, если прорыв и был достигнут, то все же, по краям прорыва еще крепко держались грозные бастионы (налево Вистуль, направо Бют дю-Мессниль); план защиты противника вовсе не был нарушен; фронт не распадался ни справа, ни слева. Напротив, с каждым днем сила германского пехотного и артиллерийского огня росла в направлении от флангов прорыва; продвинувшиеся в глубину мешка (местность Тагюр, Бют де-Тагюр) войска несли очень большие потери.

Число потерь в этом и последующих сражениях, а также потерь в Артуа (считая сентябрьские и октябрьские вместе) доходила до 120.000 убитыми, взятыми в плен, пропавшими без вести и до 260.000 эвакуированными.

Мы не знаем точно число германских потерь убитыми и эвакуированными. Они должны быть очень значительны: одним пленных было взято у них 30.000 чел.

---

[1]) 128 и 272 пехотные полки.

Площадь занятой территории может быть исчислена в 40 кв. кл. или (4,000 гектаров) земли, покрытой глубокими и усовершенствованными укреплениями.

* * *

Из этого первого большого наступления были извлечены следующие полезные выводы для последующих боевых операций.

С момента начала атаки, пехота не может рассчитывать на своевременную и точную поддержку со стороны артиллерии. Она должна приноравливать свое продвижение вперед к возможностям артиллерийского огня.

В своем наступательном движении она должна применяться к ходу заградительного огня, а не требовать обратного.

Продвижение вперед тяжелой артиллерии требует некоторого времени для подготовки к стрельбе.

Нельзя рассчитывать на продвижение вперед и использование траншейных 58-м.м. орудий.

Дивизия должна иметь собственную тяжелую гаубичную артиллерию.

Контр-батареи должны быть организованы при армейских корпусах с централизованной разведкой целей и с авиацией, органически присоединенной к артиллерии армейского корпуса.

Потери от артиллерийского огня даже среди защищенных пехотных резервов [1]) были громадны, если пехота была слишком выдвинута вперед.

Снаряды с удушливыми газами, даже мало ядовитыми, являлись новым артиллерийским средством, очень действительным для обезвреживания батарей и для уменьшения действительности их стрельбы. Если артиллерия обороны уже успели оправиться и получить подкрепления, нечего было рассчитывать больше на успех; при продолжении действий было больше шансов на проигрыш, чем на выигрыш.

* * *

Итак, продвижение было ограничено приблизительно глубиной действительного артиллерийского огня (т. е. разрушительным действием 75-м.м. орудий).

С психологической точки зрения любопытно отметить, что армия была парализована и остановлена созданными ею же самой, не существовавшими фактически, а вымышленными пре-

[1]) В Шампани, в первые дни октября, для вспомогательных и резервных войск практиковались отдельные убежища-норы. Это был лучший способ, однако, он оказался недостаточным, чтобы спасти от огня артиллерии очень крупных калибров—210, 280, 305, может быть, даже и 380-м.м.

градами. Стрелять на расстояние свыше 5000 метров из 75-м.м. единственно многочисленных и хорошо снабженных орудий, для разрушения проволочных заграждений было запрещено. Этим фактом сильно органичивались действия артиллерии в глубину; так как 75-м.м. орудия не могли быть установлены на расстоянии меньше 2—3 тысяч метров от передовых неприятельских линий, Таким образом вследствие собственного ограничения дальности артиллерийского огня, артиллерия не могла стрелять в глубину более, чем на 2—3 тысячи метров (смотря по обстоятельствам).

Такая ошибка в оценке дальнобойности 75-м.м. пушек заставила нас сократить наше продвижение в 1915 г. и даже в 1916 г., на Сомме, как мы это увидим ниже.

Атака на Сомме.

(1-го июля и последующие месяцы.)

Наступление на Сомме, совместно с нашими британскими союзниками, имело в виду прорыв немецких линий, а также освобождение нашей армии, находившейся под Верденом в таком тяжелом положении, что предполагалось даже, как известно, эвакуировать правый берег Мааса.

1-го июля, в 7 часов утра, наши войска, поддержанные и прикрытые с левого фланга англичанами, атаковавшими одновременно почти такой же фронт, начали наступление на всем фронте, протяжением в 16 клм., и всюду достигли намеченных целей. В некоторых местах, увлекаемые пылом сражения, продвинулись даже дальше.

Мы подробно разберем ход этой операции, продолжавшейся несколько месяцев, изучая последовательно, со специальной точки зрения, применение артиллерии, прорыв и использование его.

* * *

Тактика, примененная в битве на Сомме, т.-е. в июле 1916 г., была кодифицирована официальной инструкцией от 26 января 1916 г., озаглавленной „Наставление для наступательного боя крупных войсковых соединений“. Она может быть охарактеризована таким образом.

Подготовка атаки и подготовка прорыва выполняются в течение времени, необходимого для разрушения препятствий и уничтожения батарей. Даже в отношении борьбы с артиллерией противника наша артиллерия остается верной принципам предварительного и методичного разрушения, продолжающегося несколько дней.

Во всем, что касается использования успеха, непосредственно после прорыва, следует отметить присоединение батарей к бригадам и даже к пехотным полкам и использование определенных лиц, посылаемых от артиллерии к пехоте для связи и наблюдения, идущих вместе с пехотой и осведомляющих, насколько возможно, батареи поддержки.

Но, во избежение ошибок в стрельбе, подобно сделанным при наступлении в Шампани, продвижение пехоты вперед было ограничено некоторыми линиями или местными предметами, за которые она не должна была переходить.

Подготовка прорыва германских линий 1 июля 1916 г.

В тылу наступление подготовлялось в продолжение 4-х месяцев. Дороги были расширены, было проведено много новых, были построены железные дороги нормальные и узкоколейные.

Для содержания дорог и путей начали эксплоатировать вновь открытые каменоломни. Были сооружены склады для снарядов, перевязочные пункты, амбулатории; число убежищ было увеличено; построили новые мосты.

Нужно было также не дать возможности противнику увидеть все эти работы; согласно плана, нельзя было пропускать немецкие аппараты за наши линии и не давать возможности змейковым аэростатам наблюдать за нами.

План артиллерийской подготовки разрабатывался долго и серьезно. У нас было довольно значительное количество артиллерии, усиленной многочисленной траншейной артиллерией. Каждая дивизия, оперируя на фронте от 3.000—3.500 мтр., могла располагать следующей траншейной артиллерией: 8-ю батареями 58-м.м. и 2-мя—240-м.м. [1]); на каждые 35 мтр. приходилось одно траншейное орудие; на 18 клм., фронта атаки приходилось 598 тяжелых орудий, т.-е. по одному на 30 мтр. [2]).

---

[1]) В среднем, приблизительно, один средний или тяжелый миномет приходился на каждые 35 мтр., тогда как раньше никогда не переходили предела—1 миномет на 50 мтр.; вообще, было принято такое отношение—1 миномет на каждые 100 метров фронта.

[2]) Следующего состава:

168	орудий	калибра меньшего	155-м.м.
120	„	155-м.м.	гаубиц.
140	„	155 „	пушек.
100	„	220 „	
14	„	240 „	
36	„	270 „	
8	„	280 „	
5	„	293 „	
7	„	370 „	

На 15 клм. приходилось 444 75-м.м. орудия, т.-е. одно орудие на 35 мтр. В общем приходилось на фронте в 16.000 мтр. на каждые 10—12 мтр. по одному траншейному орудию или одной тяжелой или легкой пушке.

По своей силе артиллерийская подготовка превзошла все, что можно было себе представить в это время со стороны французов. В то время, как в начале атаки в Шампани, в 1915 г., выпускалось по 400 кило снарядов на метр, в этой атаке 1 июля на Сомме на каждый метр приходилось по 900 кило.

Только одна тяжелая и траншейная артиллерия выпустила по немецким позициям 11.000 тонн снарядов; 75-м.м. пушки выпустили во время атаки более миллиона гранат, т.-е. около 6.000 тонн гранат, всего же снарядов было выброшено 10.000 тонн.

Большие мортиры ожесточенно стреляли по деревням. По одной местности Домпиера было выпущено 300—200-м.м. снарядов, 100—370-м.м., 400—200-м.м. Все дома были снесены и подвалы разворочены.

Когда 1-го июля, в 7 часов утра, после артиллерийской подготовки, длившейся шесть дней, наша пехота бросилась в атаку, под прикрытием заградительного огня, ей не трудно было преодолеть передовые немецкие линии, представлявшие из себя хаос из развалин деревень, и она быстро и без особых потерь достигла намеченных целей.

3-го июля нами были взяты следующие главные трофеи: 200 немецких батарей и 15.000 пленных, из которых 6.000 было взято англичанами.

Использование успеха после прорыва.

Немедленного и глубокого использования прорыва не последовало, так как предполагалось увеличить прорыв и даже развернуть его края.

Пехота продвинулась под прикрытием заградительного огня [1]) до заранее намеченных целей, за которые в противовес тактике, примененной в Шампани, в принципе, не должна была переходить.

На быстрое установление связи между пехотой и батареями неудавшееся в Шампани, более не рассчитывали; полагали, что пехота, как бы прикрепленная к заградительному огню, будет защищена автоматически, но вследствие этого мы не имели возможности развернуть атаку и не могли достигнуть глубоких успехов.

[1]) „Следом за заградительным огнем“ 75-м.м. орудий. В этом и заключается, как мы видели, ее различие с атаками 1915 г.

„Несмотря на весь интерес, который представляет немедленное наступление вперед, надо иметь в виду, что дивизия после напряжения всех своих сил во время штурма, обладает большей частью очень уменьшенной наступательной способностью".

„Нельзя и думать о слишком большом продвижении вперед войск уже частью дезорганизованных и неспособных к сопротивлению в случае контр-атаки, но не показывая свою робость, нужно пользоваться благоприятными обстоятельствами".

Таким образом был достигнут первый важный, но ограниченный успех и на этом остановились; потом, через некоторое время был подготовлен другой такой же успех и так дальше... Эти комбинированные и постепенные наступления, предшествуемые новыми и методичными подготовками очень характерны для наступления на Сомме. Здесь артиллерии не пришлось играть ни продолжительной роли сопровождения, ни непредвиденной и импровизированной роли, вызываемой требованиями, идущими с передовых линий, так как все наступления были относительно неглубоки.

Кроме того для контроля над сделанными разрушениями и для связи с пехотою чаще, чем прежде, прибегали к помощи авиации. Британский воздушный флот оказал нам действительное, смелое и видимое всеми содействие, которое способствовало поддержанию повсюду бодрого духа.

* * *

Это наступление на Сомме, наступление в несколько актов, хорошо предусмотренное нами и нашими британскими союзниками, и давшее нам в заранее определенные дни верные и значительные успехи, имело первым своим последствием освобождение Вердена [1]) и нанесение неприятелю серьезных потерь, очень его озаботивших и внушивших ему ужас перед союзной пехотой и артиллерией.

Кроме того это наступление привело к значительным результатам морального свойства. Благодаря ведению операций в продолжение долгих месяцев французскими корпусами (1-м, 9-м и 20-м корпусами), в тесном контакте с английскими войсками, развилось доверие и уважение между офицерами.

В тяжелые минуты сражения на Сомме французы смогли оценить всю настойчивость в стрельбе и честность в оказании помощи своих британских союзников.

---

[1]) Где немцы не только не прекращали первое время свои атаки, но наоборот, усилили их, в особенности 23 июня и в последующие дни.

Союзная артиллерия, более сильная в сравнении с артиллерией, действовавшей при наступлении в Шампани, в которую входили траншейная артиллерия, гаубицы и мортиры крупного калибра (именно 100 мортир—220-м.м. калибра), поддерживаемая на этот раз тяжелой артиллерией большой мощности (A. L. G. P.) дала максимум разрушений почвы и оборонительных сооружений.

Во много раз совершеннее, чем во все предшествовавшие операции, она не только разрушила все неприятельские укрепления, но и вообще занялась полным и глубоким разрушением всех дорог и путей подхода, предназначенных для прохода войск, что только затруднило последующее продвижение наших войск.

Мягкая почва в районе Соммы очень благоприятствовала разрушению артиллерией оборонительных сооружений противника, и кроме того, как мы уже указывали выше, число тонн снарядов, доставленных на передовые линии, относилось к числу тонн, доставленных во время сражений в Шампани, как 9 : 4.

Как всякое наступление на ограниченном фронте и длящееся несколько недель, наступление на Сомме должно было привести к постепенному ограничению успеха, к все более и более тяжелым потерям и, наконец, к ухудшению положения осаждающих войск, находящихся в глубине мешка.

* * *

Большая трата снарядов крупных калибров не всегда облегчает наступление; в некоторых местах, как, например, у Сайм-Салисель после взятия деревни, долгое время не представлялось возможным организовать связь и подвоз снабжения, так как почва была приведена бомбардировкой в хаотическое состояние.

Ясно было, что принцип „чем больше артиллерии, тем лучше“ был крайне неправилен для некоторых положений. Обнаружилось изнашивание дорог, средств передвижения, наконец, всякого рода затруднения, доставляемые дивизионной артиллерией (75-м.м. пушек и 155-м.м. гаубиц) и орудиями большого калибра.

Наконец, размещение войск и, в частности, батарей на совершенно разрушенной местности наступления было очень затруднено; особенно же трудно было наладить подвоз снарядов, которые, начиная с сентября, часто доставлялись вьючным способом на мулах или лошадях как французами, так и англичанами.

* * *

Такое продолжительное, заранее обдуманное и с расчетом, так сказать, каждого шага наступление вызвало ответный огонь германской артиллерии, потери быстро увеличивались

вследствие нашего промедления, давшего возможность немецким батареям разместиться так, чтобы всегда находиться вне опасности быть захваченными во время атаки.

Все возрастающее противодействие немецкой артиллерии, по словам артиллеристов, участвовавших в этих двух наиболее серьезных из всей войны и наиболее дорого стоивших для артиллеристов операциях (Сомма и Верден), приняло совсем иные формы, чем под Верденом.

Под Верденом [1]) французские батареи постоянно обстреливались орудиями очень большого калибра, часто встречались даже 210-м.м. орудия. На Сомме 150-м.м. орудия редко применялись и только 77-м.м. пушки и 105-м.м. гаубицы могли иметь серьезное значение благодаря большому запасу снарядов [2]) и большому числу самих орудий.

В виду того, что легкие калибры наносят наибольшие потери, наши батареи, при ответном огне немецкой артиллерии на Сомме, понесли большие потери в людях, чем под Верденом.

Судя по числу потерь, понесенных нашими батареями на Сомме, можно сказать, что в действиях артиллерии против артиллерии наиболее верной тактикой является стрельба малыми калибрами.

* * *

Любопытно отметить, что именно в то время войны, когда вся германская артиллерия и, в частности, контр-батареи, видимо, стали возвращаться к употреблению средней и полутяжелой артиллерии, мы как раз начали применять орудия все больших и больших калибров „тяжелой артиллерии большой мощности" (A. L. G. P.)

Немецкая тяжелая артиллерия большой мощности достигла своего максимума под Верденом, после чего немцы ее больше не пытались применять в таком масштабе.

Мы же именно на Сомме и на Эне имели наиболее могущественную тяжелую артиллерию большой мощности (A. L. G. P.).

Будучи поклонниками и подражателями больших немецких калибров, мы выполнили просто чудеса, чтобы создать внушительную артиллерию крупного калибра, и достигли этого довольно скоро, именно в 2 года. Но в то время, как у французов тяжелая артиллерия находилась в периоде своего расцвета, у

---

[1]) За исключением конца, когда стрельба из орудий малых калибров сильно распространилась в немецкой артиллерии.

[2]) Мы считали, что у немцев было в 4 раза больше 77-м.м., чем 105-м.м. а убиц, и последних—в 4 раза больше, чем 150-м.м.

немцев она постепенно начинала выходить из моды. Они довольно скоро пришли к убеждению, что важнее всего уничтожение живой силы, для достижения чего большие калибры не давали достаточных результатов.

В стрельбе на уничтожение живой силы наибольшие результаты дают легкая и полутяжелая артиллерия.

* * *

Можно возразить, что условия, в которых находились французские войска, крайне отличались от тех, в которых были немецкие войска, и потому естественно было, что артиллерии двух враждебных армий употребляли совершенно различные калибры.

Можно также сказать, что в виду того, что мы наступали, нам необходимы были очень большие калибры так же, как немцам под Верденом.

Им приходилось обороняться и стрелять по наступающим, а потому употреблять малые и средние калибры.

Несмотря на это, немцы даже во время их наступательных операций 1917 и 1918 г. г., ни раза не применили свою могущественную тяжелую артиллерию большой мощности, как ранее под Верденом (в особенности могущественную своими гаубицами и мортирами), и во время всех больших наступлений, даже для достижения прорыва в 1918 г., применяли многочисленную тяжелую артиллерию и мощную траншейную артиллерию, которой не было под Верденом; впоследствии все местные наступления проводились при посредстве легкой и полутяжелой [1]) артиллерии почти исключительно; абсолютно избегалось употребление тяжелой артиллерии большой мощности [2]).

* * *

Сражение на Эне 16 апреля 1917 г. названо „расширенным наступлением с неподвижными целями".

Оно было начато по приказанию и под руководством генерала Нивелль, но, в сущности, здесь выполнялась только официальная инструкция Главной Квартиры (ставки) от 16 декабря 1916 г., и в ней-то и надо искать причину тактических ошибок, если таковые были совершены.

---

[1]) Наши союзники-англичане также провели свои наступления 1917 г. и в особенности 1918 г. при помощи полутяжелой артиллерии (гаубицы в 4 1/2 дм.); их симпатии к этому роду орудий все возрастали и укреплялись до самого конца войны.

[2]) Мы исключаем отсюда их артиллерию сверхдальней стрельбы, использованную для обстрела Парижа. Эта артиллерия, крайне нас удивившая, зародилась из наблюдений, основанных на опыте стрельбы из морских орудий на расстояние 60 клм. при подъеме траектории на 25 клм. над поверхностью земли.

Далее мы разберем все главные вопросы, которых коснулась вышеуказанная инструкция. Здесь пока укажем только для объяснения выражения „расширенное наступление“, что для этого наступления требовалось гораздо больше от артиллерийской подготовки, чем в предыдущем в смысле разрушения и обстрела тыла как по фронту, так и особенно в глубину [1]), обстрела разрушения, большего, чем в операции на Сомме, в частности, потому, что на подготовку были даны более продолжительный срок и более могущественная материальная часть.

Можно только сказать с самого начала, что это наступление, являлось как бы применением, во многих пунктах, инструкции Главной Квартиры (ставки), очень подробно разработанной в смысле употребления артиллерии и находившейся под влиянием изучения двух больших операций 1916 г.—под Верденом и на Сомме.

Прорыв фронта 16 апреля 1917 года.
(Эн или Chemin des Dames.)

Это самое большое французское наступление, предпринятое против укрепленного фронта. Оно велось тремя армиями: VI, V и частью IV.

Атаке предшествовала артиллерийская подготовка, длившаяся 11 дней при неблагоприятной погоде, очень трудная по условиям местности, за исключением участка 5-го корпуса, где она прекрасно и удалась.

Предусмотренное Главной Квартирой и парламентскими комиссиями количество гаубиц не было доставлено для этой атаки. Вообще производство гаубиц не вполне оправдало надежды.

Главные орудия, т.-е. 155-м.м. гаубицы Шнейдера, число которых должно было достичь 900, во время сражения были в количестве 428 шт.

На некоторых участках нехватало снарядов. Их вообще нехватило бы для наступления, длящегося несколько месяцев. Подвоз снарядов был недостаточно организован в некоторых секторах, что очень плохо отозвалось на артиллерийской подготовке.

По числу пушек и количеству снарядов было слишком много целей для обстрела. „Всегда слишком много“,—вот выражение, применявшееся повсюду в артиллерии для охарактеризования поставленных задач.

---

[1]) До 14 клм. в некоторых пунктах...

Думали, что если нужно N тонн снарядов для X целей, то довольно будет 2 N тонн для разрушения 2 X целей, тогда как коэффициент продолжительности разрушений тиранически требовал большего расхода снарядов, чем было положено, исключительно, для продолжения разрушений, сделанных в предыдущие дни.

Находили, что было выгоднее атаковать дивизиями, расположенными в одну линию в армейских корпусах, тогда как на Сомме они (т.-е. дивизии) были расположены в глубину, и каждый армейский корпус атаковывал на расширенном фронте одной только дивизией, при чем артиллерией руководил один из начальников артиллерии дивизии, назначенный командиром армейского корпуса.

Вместо того, чтобы делать то же, что на Сомме, думали, что три начальника артиллерии дивизий хорошо справятся с подготовкой, производимой тремя расположенными в линию дивизиями.

Теорема, имевшая столь важное значение в этой войне, была применена в большом масштабе: „Все средства тому начальнику, который выполняет данную задачу". (L'aptitude est conférée par la fonction).

Для подготовки атаки в дивизии этот принцип является совершенно неправильным: известно, как редко можно найти одного на двух или трех дивизионных артиллеристов, достаточно опытного, чтобы хорошо руководить подготовкой.

Это неудивительно, если принять во внимание, что в подготовке часто участвуют 4 или 5 артиллерийских полков под командой одного из начальников артиллерии дивизии.

Данное положение подтвердилось 16 апреля, когда в некоторых атакующих дивизиях начальники артиллерии впервые руководили важной подготовкой атаки.

Было еще много других ошибок, но эта была главная, и она-то, очевидно, и вменяется в вину плану операций, во время которых дивизии наступали линейным порядком, согласно директивы главной квартиры.

Существовала также ложная оценка дальнобойности 75-м.м. орудий, которые боялись применять на расстояниях в 6.000—7.000 метров (на этих расстояниях они стали употребляться вопреки приказу на следующий год). Но не будем больше возвращаться к трудностям искоренения ошибок во время войны.

Громоздкость была еще одним недостатком наших тяжелых длинных пушек, составлявших к тому же почти всю нашу тяжелую артиллерию; самый же главный недостаток заключался в нехватке гаубиц, необходимых для стрельбы по целям, требовавшим навесного огня.

Наконец, в этой грандиозной атаке не было ни стратегической, ни тактической неожиданности, и даже вследствие общего положения, очень благоприятствовавшего нашим противникам[1]), в день атаки из немецких траншей не только не были выведены войска, но, наоборот, их численность была еще увеличена.

Вот главные причины, по которым прорыв фронта у Chemin des Dames не был выполнен полностью 16 апреля, несмотря на значительный расход снарядов и необыкновенно сильное воодушевление и героизм наших войск.

[1]) В виду русского развала.

ГЛАВА V.

Артиллерия в операции под Верденом.

(Германское наступление в 1916 г.)

Операция под Верденом (21 февраля 1916 г. и последующих месяцев) указывает, по нашему мнению, перелом в эволюции двух противопоставленных артиллерий, вот почему мы обрисуем ее с некоторыми деталями и подчеркнем наиболее характерные пункты роли, сыгранной вообще артиллерией в этой памятной операции.

Большая часть данных о германской артиллерии заимствована из главного артиллерийского полигона (Centre d'études d'artillerie), открытого в Шалоне в 1916 г., несколько месяцев спустя после операции.

I. Артиллерия атаки.

(Германская артиллерия.)

Немцы выбрали Верден, как район атаки, по следующим причинам: 1) Верден выступал из наших линий и создавал выгоды для разворачивания (была возможность сосредоточения огня и обеспечение огнем флангов атаки); 2) густая сеть железных дорог в районе Меца давала немцам могущественные средства транспорта для перебрасывания к месту действия материальной части и снарядов; 3) пересеченная местность облегчала стрельбу немецкой гаубичной артиллерии, которой у них было больше, чем у нас, и затрудняла стрельбу нашей 75-м.м. артиллерии; 4) наконец, потому, что леса, покрывающие край, давали возможность скрытно подготовиться к атаке.

Вероятно, атака Вердена преследовала ограниченную цель (не прорыв): взятие самого Вердена (эффект моральный) и частичный ущерб французской армии перед началом действий союзников (эффект материальный).

С октября месяца 1915 г. немцы оборудовали свои батареи, железные дороги, подземные убежища; зимой они с большой энергией производили эти работы.

Вот чем характеризируется их наступление:

1) Стремлением к достижению внезапности.

2) Употреблением колоссальных артиллерийских средств и стремлением достигнуть сильного превосходства над артиллерией врага.

3) Старанием экономить пехоту.

4) Непрерывностью и упорством в возобновлении натиска.

Чтобы достичь неожиданности, немцы избегали приближаться к нашим первым линиям, не заложили исходных параллелей для первой главной атаки 21 февраля, и артиллерийскую подготовку произвели очень быстро (10 час.).

Для решительных атак, когда более нельзя уже было надеяться на полную неожиданность, они закладывали исходные параллели, но всегда вели артиллерийскую подготовку очень интенсивную и относительно короткую по времени.

Что касается артиллерии, то они сосредоточили все исключительно могущественные средства (1500—2000 орудий больших и средних калибров, 500 орудий малых калибров) и неограниченно снабжали их снарядами. Они принимали все меры для уничтожения нашей артиллерии.

Немцы старались беречь свою пехоту, давая ей цели строго ограниченные возможностью действия артиллерии. Всякому скачку пехоты предшествовал интенсивный обстрел местности; скачок всегда ограничивался границами артиллерийскаго огня, и штурмующая пехота не двигалась на предварительно разрушенную площадь, не убедившись через высланных вперед разведчиков, что артиллерия исполнила свою работу достаточно основательно.

Наконец, они давали очень узкие участки атаки (1000 мтр. на пехотную дивизию для больших атак, т.-е. половину или треть нормального фронта), чтобы сохранить непрерывность командования и осуществить наилучшим образом частую смену частей, дерущихся в первой линии. (Бо́льшая часть этих смен происходила путем переката сменяющих частей через сменяемые).

Артиллерийская подготовка атаки. Предварительные стрельбы.

Вначале—никакого заградительного огня, очень мало стрельб на разрушение батарей и фортов, несколько стрельб для нейтрализации батарей, много осторожных пристрелок орудиями обыкновенных калибров, разрушение колоколен и заметных пунктов местности, которые могли бы служить наблюдательными пунктами. Крупные калибры себя не обнаруживали.

Начало и исполнение артиллерийской подготовки атаки.

21 февраля 1916 г., в 7 ч. 15 м., был открыт огонь всей германской артиллерии и с крайним ожесточением продолжался до 17 часов—часа атаки.

Наши воздушные наблюдатели не были в состоянии сосчитать число действующих батарей, настолько они были многочисленны. Тут были орудия всех калибров:

150-м.м. и 210-м.м. в пропорции $^3/_5$ (общего числа),

105-м.м., 130-м.м., 280-м.м., 305-м.м., 380-м.м., 420-м.м.—все в пропорции почти $^2/_5$ (общего числа).

77-м.м.—небольшое количество.

Резюмируя, можно сказать, что главная часть германской артиллерии больших калибров была двух родов: мортиры в 210-м.м.—100 батарей и гаубицы 305-м.м.—10 батарей.

Никогда немцы не пускали в дело таких больших калибров и никогда с тех пор не видели столь большого количества крупных мортир и гаубиц. У немцев было явное стремление получить в течение нескольких часов огромное превосходство над нашей артиллерией и совершенно разрушить фронт атаки (совершенно срыть окопы, уничтожить укрытия) для того, чтобы оставить пехоте лишь дело вступить на совершенно разрушенную, но свободную от неприятеля местность.

Немцы рассчитывали достичь, в общем, в несколько часов того, чего мы достигли в Артуа и Шампани в слабой мере в несколько дней; отсюда этот непредвиденный тактический сюрприз, достигнутый ими, как нам уже известно.

Исполнение стрельбы.

Все стрельбы были проведены путем последовательной концентрации и по площадям.

а) По узким площадям:

По целям особенно важным и хорошо заметным: окопы первой линии, убежища, наблюдательные пункты, пункты командования. Это было, в общем, разрушение, становившееся все более правилом при всех решительных атаках [1]), „долбежка“ (pilonnage), которая достигла под Верденом ошеломляющих размеров: так, по высоте 304 в мае, против 2-х соседних линий окопов, протяжением в 1200 мтр. по фронту, немцы сосредоточили около 100 тяжелых батарей, сравняв и уничтожив все.

б) По широким площадям:

---

[1]) Мы стремились также практиковаться в этой „долбежке“, но не имели еще ни материальной части, ни необходимых практических инструкций.

На местах, где возможно предполагать пребывание наших батарей и резервов, обстрел широких полос был вынужденным следствием недостаточно надежной пристрелки и желанием достичь внезапности.

Результаты стрельбы по нашим окопам и убежищам.

Результаты были значительны при стрельбе по открытому месту и посредственны при стрельбе по целям, находящимся на обратных скатах.

Разрушение искусственных препятствий не озабочивало немцев. Проволочные заграждения уничтожались этой „долбежкой“ настолько, что не приходилось заботиться о них другим образом. Но этот метод имеет значение лишь при наличии гаубичной артиллерии и возможности широко расходовать снаряды, как это было у наших противников под Верденом.

По пунктам командования.

Пункты командования были буквально срыты орудиями больших калибров (именно 380-м.м.), чем уничтожалась телефонная и всякая другая связь; таким образом немцы парализовали управление в начале артиллерийской подготовки.

По дорогам, тропинкам и т. п.

Эта стрельба давала сильно ощутительные результаты, задерживая и даже останавливая движение наших резервов и обозов, потому что мы сначала не имели укрытых ходов сообщения и так как обстрелянные шоссе и дороги не были защищены от огня. Несколько позже, когда были устроены укрытые ходы сообщений, немцы открыли по ним точную стрельбу и тоже достигли значительных результатов.

2. Артиллерия обороны.

(Французская артиллерия.)

Результаты стрельбы германской тяжелой артиллерии по нашим батареям были довольно слабы в первые дни, потому что немцы вели стрельбу широкими площадями без пристрелки и наши батареи были казематированы, но не так было дальше; мы должны признать значительное превосходство немцев в артиллерийской борьбе во время первых месяцев Вердена по причинам, указанным ниже.

Французская артиллерия в операции под Верденом.

(Соображения о материальной части.)

Атака 21 февраля 1916 г. началась против фронта, где были расположены батареи 75-м.м. и батареи Банжа всех калибров.

Дивизии, вызванные на-спех, чтобы остановить большое наступление, усиливали своей артиллерией атакованный сектор. Очень скоро, понеся потери в пехоте, эти дивизии были заменены другими, но оставили батареи своей дивизионной артиллерии, которые присоединились к дивизиям, вновь вступившим в бой. Таким образом местность в течение нескольких недель покрывалась все бо́льшим и бо́льшим числом 75-м.м. батарей, а также значительным числом орудий Банжа [1]).

О 75-м.м. артиллерии и артиллерии Банжа можно сказать в нескольких строках следующее.

I. 75-м.м. батареи под Верденом.

Снаряды были хороши, орудия больше не рвались.

Изготовлялось по 150 тыс. 75-мм. снарядов в день и по 15 тяж. орудий. Не было еще снарядов для навесной стрельбы (уменьшенными зарядами), и немцы скоро учли это: они были совершенно защищены от выстрелов 75-м.м. орудий на обратных скатах возвышенностей, довольно крутых в этом районе.

Не было еще снарядов к 75-м.м. пушкам для стрельбы на большие дистанции, которые появились только в 1917 г. Снаряды для навесной стрельбы были получены лишь в 1918 г.

Было много шрапнелей с трубками хорошего качества, что давало хорошие результаты при стрельбе по живым целям.

Число взрывателей мгновенного действия и взрывателей с замедлителем значительно возросло.

Не было трубок двойного действия для бризантных гранат, на что жаловались многие артиллерийские офицеры.

2. Батареи Банжа.

Различные батареи тяжелой артиллерии.

Орудия Банжа—90-м.м., 120-м.м., 155-м.м.—и пушки 95-м.м., которые называются „длинными“, были многочисленны; они имели прекрасные снаряды; но у всех у них были старые лафеты, не допускавшие ни навесной стрельбы, ни стрельбы на большие дистанции [2]).

---

[1]) И только несколькими орудиями тяжелой артиллерии большой мощности

[2]) За исключением называемого „движущимся“ лафета к 95-м.м. пушке, которая оказала под Верденом большие услуги.

В общем, дистанции были, однако, увеличены благодаря введению снаряда „Д“ (сталистого чугуна) для большей части калибров.

Между тем, всем пушкам недоставало переменных зарядов для того, чтобы навесной стрельбой нанести поражение противнику, находящемуся за возвышенностями. Пушки 105-м.м. были достаточно многочисленны (группа армейского корпуса), но они употребляются с большой осторожностью, вследствие быстрого изнашивания. Тяжелые гаубицы—все, которые остались от 1914 г. (старые образцы Банжа, Баке или Римальо).

Гаубицы Шнейдера и Сен-Шамон не принимаются еще в расчет.

Итак, немного тяжелой артиллерии, большей частью расстрелянной [1]), полное отсутствие легких гаубиц, так что о них не может быть и речи, не было еще переменных зарядов к 75-м.м. пушкам для навесной стрельбы, почти никаких орудий для навесной стрельбы.

Были артиллерийские орудия для настильной стрельбы—75, 90, 95, 105, 120, 155,—прекрасные пушки, превосходящие такие же пушки противника, особенно своими снарядами, но ни одна из них не могла часто обстреливать первую немецкую линию, за исключением 75-м.м. пушки. Это—пушки обстрела глубокого тыла, борьбы с батареями, углубляющие заградительный огонь и т. д., но они не годились для заградительного огня или бомбардировки первых линий.

Вот картина, которая рисовалась в окопе нашему пехотинцу: германские снаряды всех калибров падают на нашу линию (77-м.м. пушек, 105-м.м. гаубиц, 150-м.м. гаубиц, 210-м.м. морт.), но из наших ни одного, за исключением 75-м.м. и, в редких случаях, 155-м.м. гауб., который падал бы на первую линию немцев.

Для французского пехотинца, который судит только по тому, что видит и совершенно не знает, каких результатов мы достигали в других местах против батарей и тылов противника, это было явным и обидным превосходством немецкой артиллерии над нашей, почему она и не могла служить ему опорой в окопах [2]). Он получает заградительный огонь 75-м.м. пушек только их одних; да еще нужно, чтобы местность позволяла этому огню быть действительным.

---

[1]) Многие гаубицы выпустили более 20 тыс. снарядов и не были изношены тогда как длинные пушки способны выдержать в среднем 10 тыс., а некоторые только 5 тыс. Это показывает, насколько наше производство зависело от того факта, что мы имели артиллерию настильной стрельбы, а не навесной.

[2]) В это время германская артиллерия брала пленных: в мае 1916 года на склонах высоты 304, пехотные части, пользовавшиеся хорошей репутацией

На французского артиллериста, не имевшего еще искусственной маскировки орудий и являвшегося мишенью для стрельбы немецкой артиллерии с помощью воздушных наблюдателей, это производило тягостное впечатление и заставляло французские батареи стремиться к лесам, когда это было возможно.

Кроме того достаточно было начальнику дивизии оставить на совершенно открытой местности свои батареи, не имевшие искусственной маскировки, чтобы убедиться в их исключительной уязвимости.

Оптические и фотографические приборы, карты, планшеты измерительные приборы, инструменты для засечек—все эти технические средства, изготовлявшиеся „Географическим управлением армии", были весьма совершенны и применялись с большой пользой.

Дивизионная артиллерия.

Таково было значение и состояние материальной части нашей артиллерии под Верденом. Теперь остается рассмотреть, ее организацию и тактику.

Артиллерия была отдана почти исключительно в подчинение пехоте, часто независимо от очень большого числа полков 75-м.м. артиллерии, данных дивизии. Было до некоторой степени узаконено участие 75-м.м. артиллерии во фронтальном заградительном огне с „накладыванием" или без „накладывания" огня.

Почти совершенно не было больших концентраций огня, какие мы увидим несколько позже. Кроме того к ним не были подготовлены ни таблицы стрельбы, еще недополненные поправками, ни малые дистанции стрельбы 75-м.м. орудий, столь обычные в то время [1]).

75-м м. пушки не назначали совсем или очень редко для участия в борьбе против батарей; не была уяснена многим идея, что 75-м.м. орудия—лучшие контр-батарейные пушки, если батареи противника не казематированы и не очень глубоко укрыты—случай в то время довольно частый.

Дивизионная артиллерия, может быть, пострадала больше всего под Верденом, за время бессменного нахождения в секторе, хотя тяжелую артиллерию иногда оставляли еще более продол-

---

после сильной и непрерывной бомбардировки переходили из своих окопов в немецкие, куда не попадал ни один снаряд и которые не отделялись ни одной проволокой.

Точно так же поступали немецкие пехотинцы в 1917—1918 г.г., когда их траншеи жестоко бомбардировались нашей артиллерией.

[1]). Чтобы достигнуть значительной концентрации, необходима стрельба на большие дистанции.

жительное время на участке, чем легкую. Такой порядок не давал возможности использовать полностью стрельбу артиллерии, но, конечно, только такая тактика была наилучшей и дала возможность удержать Верден благодаря достаточной густоте расположения 75-м.м. батарей. В частности, очень остро стоял вопрос снабжения многочисленных 75-м.м. батарей достаточным количеством лошадей и ящиков.

Выяснилась крайняя необходимость учреждения штабов артиллерии дивизии, как постоянных органов артиллерийского командования. Эта реформа была проведена лишь в конце сражения у Вердена и на Сомме.

Под Верденом часто можно было наблюдать случаи, когда начальник артиллерии дивизии (полковник или подполковник), управляя непосредственно своим полком 75-м.м. орудий, получал кроме того на усиление несколько групп (иногда даже полков) легкой и различных образцов тяжелой артиллерии.

Вообще, в течение всей войны нехватало командного состава артиллерии [1]); под Верденом же начальники артиллерии дивизий были буквально перегружены работой. Число единиц, состоявших в подчинении одного начальника артиллерии дивизии, достигало иногда до 6—8 полков, что, понятно, не обходилось без серьезных затруднений.

Интересно отметить, что в то же самое время и в том же самом районе командиры пехотных бригад (и даже дивизий) легко и без особого напряжения управляли своими частями.

Это объясняется тем, что управление артиллерией не было изучено и подготовлено в мирное время.

Корпусная артиллерия.

Организация борьбы с батареями противника и обстрел тылов—задача корпусной артиллерии—требовали значительного улучшения.

Служба артиллерийской разведки (S. R. A.) была создана во время верденского сражения и сейчас же дала прекрасные результаты.

Роль начальника артиллерии армейского корпуса, заключавшаяся в управлении всей артиллерией корпуса, в том числе и артиллерией дивизий, находящихся на фронте, хотя и была предусмотрена официальными Наставлениями, но на деле редко проводилась.

---

[1]) Бывали случаи, когда артиллерийский полковник управлял тактически в продолжение нескольких недель восемью или десятью артиллерийскими полками.

В общем, начальники артиллерии армейских корпусов очень редко выполняли существеннейшую часть их обязанностей, заключающихся в согласовании действий артиллерии дивизий, и почти никогда не принимали на себя тактического руководства.

В обязанностях начальника артиллерии армейского корпуса выделялись борьба с батареями противника [1]), обстрел неприятельских тылов тяжелой артиллерией армейского корпуса, часто усиленной несколькими группами 75-м.м. пушек, и кроме того — особенно важная под Верденом — задача снабжения материальной частью и снарядами.

Во всяком случае недостаточное влияние начальника артиллерии армейского корпуса на артиллерию дивизий и соседних армейских корпусов, породило отсутствие важного флангового обстрела 75-м.м. батареями.

Под Верденом это не особенно заметно, так как оборона была преимущественно фронтальной. Но даже, когда расположение двух соседних участков было удобно для взаимного фланкирования, как высота 304 и „Мортом", взаимный фланговый огонь не был организован. Каждый армейский корпус, каждая часть работали в своей полосе.

Конечно, планы взаимной поддержки между соседними дивизиями и корпусами всегда составлялись, но эта поддержка могла осуществляться только в том случае, если атака велась не на оба участка одновременно.

Нужно было предоставить возможность (чего недоставало, говорили мы, для полного использования артиллерии) свободно пользоваться выгодами позиций на соседних участках, располагая батареи, взводы или орудия для флангового обстрела. Известно, что только один взвод наших 75-м.м. пушек, поставленный для флангового обстрела, нанесет больше поражения, чем дивизион, стреляющий фронтально заградительным огнем.

Под Верденом интенсивность огня часто ограничивалась возможностями снабжения. Последнее затруднялось в местах близких к бою в зависимости от состояния местности и постоянного обстрела: редко можно было снабжать артиллерию дивизий более, чем 250 выстрелами 75-м.м. в сутки, тогда как наши пушки, для мощного огня требовали расхода снарядов, в 2 или 3 раза превосходящего эту цифру. Снаряды подвозились всегда ящиками. Чувствовалось (как и на Сомме немного позднее), как трудно снабжать 75-м.м. пушку.

---

[1]) Роль, исполнявшаяся под Верденом, главным образом, германской артиллерией.

ГЛАВА VI.

Артиллерия в германском наступлении весною 1918 г.

Впечатление, создавшееся к концу 1917 года.

В конце 1917 г., после наших наступлений у Мальмезона и во Фландрии, хорошо проведенных, но не давших стратегического и тактического успеха, соответствующего огромному расходу снарядов, стало очевидным, что для успеха большего наступления нужны следующие данные:

1. Достаточно могущественные материальные средства, главным образом, для того, чтобы разрушить в короткое время широкий укрепленный фронт и неожиданным ударом внести расстройство, – вот необходимые условия для глубокого успеха.

2. Значительные артиллерийские и пехотные силы, чтобы использовать успех разрушения, использовать прорыв, сломить встреченное после этого сопротивление и глубоко продвинуться за неприятельские оборонительные линии.

Ни в 1916 г., ни в 1917 г., ни даже, быть может, в 1918 г. мы не имели достаточных материальных средств, чтобы одним коротким ударом добиться прорыва на широком фронте—километров в 100, как это предлагали траншейные артиллеристы, с большею кроме того, чем ранее, глубиною (от 6 до 8 километров) первого удара.

Германцы, уже с 1917 г., обладали необходимыми материальными средствами для производства прорыва и для развития успеха. Они могли бы, без сомнения, и тогда так же хорошо организовать большое наступление, как они сделали это в 1918 г., потому что имели могущественную траншейную артиллерию и обладали множеством легких и тяжелых гаубиц, этим почти незаменимым оружием для быстрых прорывов укрепленных фронтов.

Но, конечно, после прорыва они не могли бы иметь продолжительного успеха, как это было в 1918 г., вследствие недостаточного количества пехоты.

При грандиозных наступлениях германцев весною 1918 г., вследствие выхода русских из войны, были приведены в движение огромные, невиданные дотоле массы пехоты (21 марта—90 дивизий); в несколько часов были проломлены укрепленные фронты в шестьдесят и восемьдесят километров, и за этими прорывами через несколько дней со скоростью, невиданной в этой войне, последовали успехи, причины которых, еще очень мало изученные, мы не имеем намерения здесь излагать.

Мы будем рассматривать это наступление почти исключительно с артиллерийской точки зрения: подготовки артиллерии к большому весеннему германскому наступлению.

Подготовка наступления 21 марта и 27 мая 1918 г. Характер этих наступлений.

В конце 1917 г., когда в германской главной квартире разрабатывался план весеннего наступления 1918 г., там знали, конечно, из нашего официального наставления от 31 декабря 1917 г., предназначенного для крупных войсковых соединений, что французы не склонны к короткой подготовке атаки, наоборот, всякому их наступлению будет предшествовать значительная бомбардировка в течение нескольких дней.

Поэтому германская главная квартира могла подготовить со спокойной уверенностью свое весеннее наступление и произвести сосредоточение большей части сил на данном участке фронта. Сосредоточение было произведено в несколько часов. Не отсутствие специальных знаний, а недостаток соответственных материальных средств делал невозможным для нас подобное наступление в аналогичных условиях времени, и мы это только подтверждаем.

* * *

„Наш план разрабатывался с такой заботливостью,—пишет один германский офицер за два дня до атаки,—что нам почти невозможно потерпеть неудачу; если он не будет выполнен в определенных пунктах, наступление здесь задержится, чтобы развить успех в другом месте, где план удался. Нашей дивизии придана значительная масса артиллерии. Так, для двух полков пехоты в первой линии мы имеем 68 батарей [1]) и несколько сотен траншейных мортир различных калибров. Будут широко применены газы".

Все совершается неторопливо. Интересно представить себе всю эту массу войск, движущуюся этой ночью к западу по всем дорогам этого широкого фронта.

[1]) Цифра, вероятно, преувеличенная.

„Германия идет".

21 марта, в 4 часа 40 м., начинается артиллерийская подготовка весеннего наступления на 80 километрах фронта между Круазиль и Ляфер, с довольно широким применением ядовитых снарядов и особенно фугасных бомб. В 9 часов 40 м.—штурм пехоты. Таким образом за пять часов подготовки укрепленный фронт на протяжении 80 клм. прорван или должен быть прорван. Пехота пускается на штурм и преследование под прикрытием подвижного заградительного огня, искусного и сложного, как это указано в приведенной ниже схеме для 15 июля (глава VII).

* * *

Германская траншейная артиллерия, как мы ее знаем, превосходит все существующие как в смысле численности [1]), относительного совершенства и могущества при разрушении укреплений первых линий, так и в отношении действительности при уничтожении проволочных заграждений, в переброске газов и в моральном воздействии.

С другой стороны, гаубицы (объединяя под этим словом „гаубицы" легкие и тяжелые), которых было более 6.000, превосходны, как орудие для успешной работы по второй и третьей линиям и по второй полосе, как траншейная артиллерия—по первой линии, потому что артиллерия этого рода наиболее приближается по своему действию к траншейной артиллерии.

Кроме того они разрушают плацдармы, командные пункты, центральные телефонные станции, перекрестки дорог, фланкируют подступы и парализуют защитников в зоне, достигающей глубины от 6 до 8 километров.

Речь идет не о том, чтобы разрушить и уничтожить что-либо, а только, чтобы прижать противника к земле и парализовать таким образом его защиту.

Стрельба ведется систематическая и производится неожиданно, без пристрелки.

Далее мы приводим полностью, имея в виду значение подвижного заградительного огня, при объяснении его важности, приказ по армии фон-Гутьера о применении названного заградительного огня в большом наступлении 21 марта.

[1]) Германские легкие минометы 75-м.м. калибра, изобретенные в 1915 г., имевшиеся в количестве 3.000 в начале 1917 г., в 1918 г. достигают огромного числа—15.000, и служат так же хорошо в полевой войне, как и в позиционной.

Приказ по армии о подвижном заградительном огне [1]) для весеннего наступления.

1. Цель подвижного заградительного огня.

Заставить противника укрыться во время штурма и дать возможность нашей пехоте застигнуть его в этом положении.

Подвижной заградительный огонь должен, следовательно, парализовать врага, но он не может его уничтожить.

Пехота будет вознаграждена, если воспользуется этим положением и тесно прижмется к заградительному огню, не боясь нескольких отдельных осколков.

Один единственный пулемет противника, снова открывший огонь, принесет несравненно больше потерь, чем осколки нескольких своих снарядов.

2. Батареи, участвующие в нем.

В подвижном заградительном огне участвуют все батареи, не имеющие во время атаки особых задач, как контр-батареи, батареи, разрушающие опорные пункты и тыловые линии, батареи, сопровождающие пехоту и ведущие обстрел тылов.

При распределении специальных задач надо всегда стремиться получить подвижной заградительный огонь наибольшей плотности. Подвижной заградительный огонь выполняется, собственно говоря, только полевой артиллерией, батареями легких и тяжелых гаубиц и легкими минометами.

Навесная стрельба мортир и тяжелых орудий применяется, главным образом, в виду обратного действия осколков, по целям, еще не поражаемым подвижным заградительным огнем; это будет стрельба скачками с линии на линию, с опорного пункта на опорный пункт и впереди подвижного заградительного огня. Средние и тяжелые минометы не стреляют [2]).

3. Открытие подвижного заградительного огня по пунктам атаки.

В часу X—300 минут [3]).

Подвижной заградительный огонь перемещается вперед по хронометру.

Учитывать время полета снаряда (Flugzeiten). Сверить часы.

4. Продвижение вперед подвижного заградительного огня скачками.

Первый скачок легких батарей (полевых пушек и легких гаубиц) и тяжелых (тяжелых гаубиц)—300 метров.

---

[1]) Этот документ о подвижном заградительном огне—наиболее полный из всех существующих.

[2]) После пятичасовой стрельбы по первым линиям.

[3]) Время X—время открытия огня.

Дальнейшие скачки легкой артиллерии—200 метров, а тяжелой артиллерии, в виду меньшей скорости ее стрельбы,—400 мтр.

5. Интервалы между скачками.

После первого скачка легкая артиллерия стреляет по одному месту в течение 3 минут, артиллерия тяжелая—только 2 минуты; после второго скачка легкая артиллерия—4 минуты, тяжелая артиллерия—8 минут.

Тяжелые батареи делают свои скачки (чтобы не рисковать поранить обратными осколками продвинувшуюся пехоту) всегда одной минутой ранее легкой артиллерии.

6. Подвижной заградительный огонь на месте.

На определенных линиях и, в случае нужды, на местах, расположенных между ними (например, на тыловых линиях первой полосы, на промежуточных полосах, на окраинах деревень, на гребнях, расположенных между промежуточной и 2-й полосой), огонь должен продолжаться дольше, чтобы заставить гарнизон окончательно спрятаться перед вторжением нашей пехоты, чтобы дать последней необходимое время для подхода вплотную к заградительному огню (dicht an die Feuerwalze aufschliessen), или чтобы дать ей возможность передохнуть.

7. Где и сколько времени задерживать огонь на одном месте.

Командиры армейских корпусов дают эти указания в виде кроки [1]).

Они условливаются между собою об организации заградительного огня на границах зон атаки таким образом, чтобы не дать врагу возможности взять во фланг нашу пехоту.

8. Перемещение подвижного заградительного огня после каждой остановки.

Батареи тяжелые—одной минутой ранее легких батарей.

Нужно указывать не длительность остановки, а момент переноса огня.

9. Ускорение темпа продвижения заградительного огня по сигналам.

Установлен один световой сигнал (прибавь—allonger—vorverlegen) для случая, когда хотят вызвать это продвижение огня. Сигнал должен даваться достаточно далеко впереди и только по приказанию командира батальона.

Этот маневр должен просто и немедленно облегчить быстрое продвижение пехоты.

---

[1]) Эти кроки отмечаются всегда номером 5; номер вносится в приказ и таблицу стрельбы. Приказ по армии о заградительном огне получается только командирами армейских корпусов.

Заграждение возвращается к своему прежнему такту, если сигнал не повторяется безостановочно.

Сигнал этот для дня атаки либо а) зеленые ракеты (со снопами или без снопов), либо в) короткое и беспрерывное вертикальное метание пламени легким огнеметом.

По этому сигналу легкие и тяжелые батареи делают скачок в 200 метров.

Подавая этот сигнал, следует всегда помнить, что он нарушает общее распоряжение о подвижном заградительном огне, и этим можно, изменив порядок ведения огня, подвести более быстро продвигающуюся пехоту под фланговый огонь пулеметов.

10. Другой порядок подвижного заградительного огня.

Независимо от установления заградительного огня по часам и сигналам, артиллерийские начальники и вспомогательные наблюдатели, идущие с пехотой, также могут, судя по обстановке и под их личную ответственность, внести изменения, если они признают это необходимым по своим наблюдениям и по наблюдениям подчиненных им органов (самолеты, воздушные шары и т. п.). Может случиться:

а) Подвижной заградительный огонь минует некоторые опорные пункты или пулеметные гнезда, не нейтрализовав их, и пехота не сможет продвинуться; специальные наблюдатели или офицеры артиллерийской связи должны, если батареи сопровождения и минометы не достают, вернуть к этим целям огонь некоторых батарей или групп, участвующих в заградительном огне, предупредив об этом артиллерийское командование.

Если продолжительность такой стрельбы не будет определена точно, артиллерия ведет свой огонь, пока по телефону или оптическим сигналом не последует распоряжение: „прибавь“.

Тогда она нагоняет заграждение, где оно есть.

b) Наша пехота миновала уже цели, которые все же продолжают еще сопротивляться; в этом случае батареи сопровождения и минометы сами вступают в дело.

Никогда не следует отводить назад, за нашу пехоту, огонь батарей, участвующих в подвижном заградительном огне.

11. Длительность подвижного заградительного огня.

Она зависит от досягаемости батарей, принимающих в нем участие. Позиции наших батарей достаточно выдвинуты вперед, чтобы заградительный огонь всюду мог простираться до второй укрепленной полосы.

Когда заградительный огонь минует позиции батарей противника, к нему присоединяется огонь контр-батарей; также, когда заградительный огонь минует 2-ю полосу, к нему присоединяются батареи, разрушавшие ее с начала атаки.

Зато, по мере того, как батареи достигают своего предела дальности, они прекращают огонь, и вместо подвижного заграждения получается тогда только стрельба нескольких батарей.

12. Дальнейшая поддержка артиллерийским огнем.

Тяжелые батареи и батареи большой мощности продолжают стрелять еще довольно долго со своих первоначальных позиций после того, как пехота минует пределы досягаемости подвижного заградительного огня.

Затем нужно наладить дальнейшую огневую подготовку и обеспечение; это—дело частной инициативы тех начальников, которые приказывают артиллерии продвинуться вперед.

Переезд вперед должен быть осуществлен во-время.

Связь выдвинувшейся артиллерии с атакующей пехотой должна быть возможно более тесной.

Подл. подписал командующий XVIII армией. Верно: Начальник штаба, генерального штаба генерал-майор фон-Заубергвейг.

Заимствование наших методов стрельбы.

Германцы научились нашим методам стрельбы; сосредоточение их огня, внезапный заградительный огонь и т. д. не могли быть осуществлены без специально разработанного технического наставления, позволяющего находить точные исходные данные стрельбы à priori, без пристрелки, одними только вычислениями и поправками, с помощью искусно составленных таблиц.

Людендорф в приказе германской Главной квартиры от 20 июля 1917 г. усиленно обращает внимание офицеров артиллерии на бесполезность предварительной пристрелки и на необходимость применения стола атмосферических поправок.

„Кажется, французы, артиллерию которых наши войска неоднократно ставили выше нашей по искусству стрельбы, также обратили на это внимание и стремятся усовершенствовать точность стрельбы". В заключение говорит: „Старшие офицеры германской артиллерии пройдут в Мобеже курсы капитана Пулковского".

В общем, практическое и теоретическое обучение в Мобеже (осень 1917 г.) составляло часть подготовки германцев к весне 1918 г., но методы стрельбы не играли главной роли в этих приготовлениях: их артиллерия имела превосходную материальную

часть для стрельбы навесным огнем (гаубицы и траншейная артиллерия), обладала большой скорострельностью (большое число выстрелов в одну минуту из данного калибра) и снарядами с большим коэффициентом полезного груза превосходного взрывчатого вещества или сильно действующего газа [1]).

Германские снаряды, стоявшие ниже наших в 1914 г., мало-по-малу улучшаются; в это наступление германцы выбросили огромное количество снарядов траншейной артиллерии, коэффициент полезного груза которых достигает значительной величины.

Германцы дали материальный и моральный эффект за определенный промежуток времени в полосе, глубиною в несколько километров, много выше того, что могли бы мы осуществить с нашими орудиями настильной стрельбы и с нашей траншейной артиллерией, очень слабой в 1918 г.

Нужно констатировать, что французское наставление от 31 октября 1917 г., несмотря на малое протяжение фронта наших наступлений и медленность их подготовки (принимая во внимание и лучшее из них, это—21 октября 1917 г. у Мальмезона), продолжает предписывать разрушение оборонительных сооружений [2]) и уничтожение батарей, что в общем потребует целые дни, а иногда целые недели стрельбы; иначе говоря, это Наставление возвращает нас к тезисам Наставления 1916 г. (что пушка—истребительница всего) и, следовательяно, к очень длительной артиллерийской подготовке.

В этом и заключается глубокое различие доктрины и тактики артиллерии двух враждебных армий в начале 1918 г.

Артиллерия использования успеха в германских наступлениях весною 1918 г.

Артиллерия, предназначенная для развития успеха после прорыва фронта, т.-е., главным образом, для непосредственной поддержки пехоты атакующих германских дивизий, будет прежде всего, и это надо подчеркнуть, постоянная артиллерия этих дивизий, не загроможденная слишком тяжелой для этого рода операции материальной частью (как наши 155, т.-е. 155-м.м., гаубицы Шнейдера. *Прим. ред.-пер.*). Дивизии имели в качестве постоянной артиллерии шесть батарей 77-м.м. пушек и 3 батареи легких гаубиц, не считая минометных частей, о которых

[1]) Этот коэффициент в 1914 г., как мы видели в главе I, был значительно ниже нашего.

[2]) Требуемое, правда, пехотой.

будет речь впереди. Это и есть те батареи, которые поддерживают наступление частей, когда открывается возможность движения вперед.

Германские дивизии, брошенные вперед, поддерживает легкая (77-м.м. пушки) и полутяжелая артиллерия (105-м.м. легкие гаубицы); тяжелая артиллерия 15-см. или более крупного калибра никогда не сопровождала (или только в исключительных случаях) германские дивизии в 1918 г.

Последние имели часто несколько облегченных батарей 77-м.м. орудий на низких колесах, часто появлявшихся перед атакованными французскими деревнями, и еще чаще—батареи 7,5-см. легких минометов на специальных лафетах, допускающих настильную стрельбу (особенно против танков); иногда были и средние 17,5-см. минометы, но они редко применялись, вследствие значительных трудностей подвоза тяжелых снарядов в маневренной войне.

* * *

Конечно, роль артиллерии в период развития успеха после прорыва была несколько меньше; пехота часто предпочитала осуществить внезапность, двигаясь в тишине, чем если ее движению будет предшествовать канонада.

Тем не менее приходилось обращаться к помощи артиллерии, когда наталкивались на серьезное сопротивление.

Германские дивизии находили выгодным наступать при поддержке довольно могущественных 105-м.м. гаубиц, имеющих легкие снаряды.

Германская пехота была очень довольна, когда средний миномет выбрасывал несколько мин, производивших всегда сильное впечатление, по упорно защищаемой ферме (напр., у Верт-Фейль 2 июня), по лесу или по деревне.

Что касается легких минометов, то в этот период, т.-е. после трех—четырех дней движения вперед, когда не было больше ни организованных линий сопротивления, ни действующих пулеметных гнезд, их роль была незначительна.

Зато их роль была очень значительной в первые дни, и продвижение без этих маленьких орудий было бы менее уверенным.

Наконец, сообщение кайзера от 24 марта оффициально подтверждает крупную роль, которую легкие минометы сыграли во время весеннего наступления.

* * *

Итак, подвижная и легко снабжаемая артиллерия (самый тяжелый снаряд, мина к 17,5-см. минометы, применяемому очень

редко, весит ок. 50 клгр.) для развития успеха после прорыва оказывает важные услуги; в случае столкновения с последовательными линиями, организованными и прочно удерживаемыми, она становится незаменимой.

Этот случай для нас интересен, так как он представился одной французской армии, сделавшей прорыв; интересен потому, что мы больше нуждались в средствах для развития успеха после прорыва, чем германцы [1]).

Роль французской артиллерии в задержании весеннего германского наступления.

Способы применения.

Когда весною 1918 г. началось большое германское наступление, можно сказать, что французская артиллерия разделялась на две почти равные части (200.000—250.000 чел. в каждой): дивизионную артиллерию, вооруженную 75-м.м. пушками и 155-м.м. гаубицами Шнейдера, и на полки R. G. A. (главного артиллерийского резерва), вооруженные всеми калибрами от 75 м.м. до 400-м.м.

Значительное число тракторных полков „главного артиллерийского резерва“ можно было бросить на помощь отступающим под германским натиском дивизиям как французским, так и английским.

Эти полки орудий малого калибра, 75-м.м., или среднего, 105-мм., и 155-м.м., самое большее, сыграли значительную роль в противодействии триумфальному шествию германской пехоты, потому что, как известно, пушки малого калибра при расходе определенного и очень ограниченного, как было в данном случае, числа снарядов, в конце концов, наносят наибольшие потери.

В порядке значения после 75-м.м. пушек будут итти наши 155-м.м. дальнобойные пушки большой мощности (Filloux) и 105-м.м. пушки.

Эти полки, и особенно 75-м.м., прибывая на помощь, принесли большую пользу, располагаясь на самых путях вторжения, обстреливая дороги орудийным огнем и нанося большие потери германским батальонам как идущим в колоннах, так и развернувшимся на соседних полях.

Во время отхода ввод в бой этой артиллерии—очень тонкий маневр; если это произойдет слишком рано, то не будет возможности обстрелять германскую пехоту действительным огнем с коротких дистанций; если же слишком поздно, придется

[1]) Материальная часть для развития успеха после прорыва должна быть подвижной и с „подвижными“, т.-е. с легкими, снарядами. Это—неоспоримый принцип.

с сожалением оставить позиции, даже не использовав огня наших превосходных 75-м.м. орудий.

Редко ввод их в бой происходил своевременно, в большинстве случаев—или слишком рано, или слишком поздно, так как батареям не предшествовала пехотная разведка и не было никакого пехотного прикрытия.

Очень полезно, очевидно, придавать этим летучим артиллерийским полкам 75-м.м. орудий хотя бы немногочисленное постоянное прикрытие и сводить эти полки в бригады. Этим будет по крайней мере удвоено их сопротивление, и огонь приобретет необходимую надежность и действительность; такая организация позволила бы французским дивизиям, подходившим для контр-удара, развернуться под прикрытием артиллер. полков и спасти, быть может, Мондидие и Шато-Тьерри и уменьшить на четверть или на треть глубину продвижения германцев 21 марта у Мондидие и 27 мая у Шато-Тьерри.

Много раз мы приходили к этой мысли под впечатлением рассказов о действиях наших товарищей, направленных с 75-м.м. орудиями, чтобы задержать наступление 21 марта и на основании личных наблюдений во время прорыва 27 мая, когда летучие 75-м.м. полки, посланные для прикрытия дороги на Париж, ослабевали материально и морально.

Все эти полки в описываемое время не были ориентированы в положении дел и парализованы в своих действиях вследствие отсутствия возле них малейшей пехотной поддержки. Постоянное прикрытие менее необходимо полкам 105-м.м. и 155-м.м. дальнобойных пушек (реже выдвигаемых вперед, хотя все же оно не бесполезно.

В этих операциях снаряды, которыми мы располагали, были использованы наилучшим образом, и именно тогда, в эти тяжелые дни, поняли преимущества принятых образцов снарядов и огромное значение более или менее правильного их подвоза.

Ясно, что грузовики, предоставленные для подвоза к батареям боевых припасов по расчету:

200 выстрелов на 75-м.м. ор.
100 „ „ 105-м.м. „
или 40 „ „ 155-м.м. „ на двухтонный грузовик,

находили лучшее применение, главным образом, в подаче боевых припасов к 75-м.м. и 105-м.м. пушкам, потому что данное число подвод поднимало большее количество этих снарядов, чем снарядов 155-м.м.

С точки зрения действительности огня, раз дело шло о стрельбе по живых целям, колоннам или развернутым линиям,

преимущество оставалось за малыми калибрами [1]). Тогда мы считали счастьем, что, несмотря на необходимое разворачивание тяжелой артиллерии большой мощности, мы сохранили в большом числе артиллерию малого калибра, представленную 100 полками дивизионной артиллерии 75-м.м. и 30—отдельными летучими полками 75-м.м.

Ни одна армия не имела подобного количества легкой артиллерии и, благодаря этому, мы имели возможность оказать максимум огневого могущества при обороне.

* * *

Ясно, что 75-м.м. шрапнель, бывшая тогда почти редкостью, должна была быть во множестве в 1918 году, чтобы возобновить германские гекатомбы 1914 г. Мало-по-малу соотношение шрапнели падало во время войны от 50% в 1914 г. до 10% и даже до 5% к концу войны. К тому же трубки были несовершенны, и командиры батарей отвыкли от точного их корректирования.

Никогда (кроме, быть может, последней немецкой атаки) не приходилось так жалеть, что у нас недостает шрапнелей—снарядов действительно смертоносных—по хорошим целям, какие представляли собою германские войска, во время их наступления в 1918 г.

Наконец, тогда же почувствовали, насколько желательно было бы иметь во главе групп, если не во главе батарей, тех превосходных офицеров, которые были на этих местах в 1914 г.; они работавших бы с 75-м.м. пушкой, с тем же восторгом, как и раньше.

* * *

Много этих замечательных офицеров было убито или лишено возможности продолжать кампанию; другие, большей частью, оставили 75-м.м. полки, уйдя на формирования тяжелой артиллерии большой мощности, и поэтому большинство из них не были использованы при критических обстоятельствах весны 1918 г., так как командовали в это время батареями с громоздкой материальной частью, неприменимой в полевой войне.

---

[1]) Однако, 155-м.м. орудия большой мощности, Филлу, оказывали большие услуги, благодаря их подвижности и большой досягаемости, позволяющей им обстреливать скопления, перекрестки и важные переправы

Никогда, быть может, не чувствовался так серьезно, так остро недостаток организации, привязавшей бессменно [1]) огромные резервы ценного командного и рядового состава к специальным войскам, подготовленным и организованным для большого наступления, но непригодным для обороны, как это было большей частью с крупно-калиберными мортирами и гаубицами артиллерии большой мощности (A. L. G. P.); это чувствовалось тем более остро, что родина требовала напрячь все усилия, использовать все средства, чтобы защитить сердце Франции.

---

[1]) Организация артиллерийских групп, вооруженных смешанной материальной частью двух совершенно различных типов, напр., 155-м.м. длинными и мортирами 220 м.м., часто применялись германцами; она допускает использование групп как при наступлении, так и при обороне и дает экономию личного состава, перемещенного к тому образцу материальной части, который в данный момент наиболее полезен.

ГЛАВА VII.

Победоносное наступление союзников в 1918 году.

Немецкое наступление 15 июля 1918 года.

В Германии много говорили и писали, что генерал Людендорф потерял веру в подвижной заградительный огонь (barrage roulant).

Известно, что при возобновлении операции стараются использовать именно те средства, которые оказались наиболее действительными в предыдущих операциях; так и немецкий генеральный штаб при летнем наступлении употребил те же средства и способы, что и весной, чего, конечно, никто не станет отрицать.

Фронт главного немецкого наступления тянулся от „Месниль—Ле-Зюрлю“ до „Шато-Тьерри“, и наступление, начавшееся 15-го июля, летом, было проведено на тех же основаниях, как и весенняя атака.

Наступление ожидалось нами.

При этом наступлении немцам не оставалась ничего иного (исключая участка IV французской армии, в Шампани), как прорвать и пробуравить сплошной, укрепленный фронт теми же способами, какие были ими употреблены, например, 27-го марта при атаке VI французской армии.

На фронте существуют почти всегда такие участки, которые, будучи недавно отвоеваны, укрепляются на скорую руку. На подобных участках можно было бы избежать обычной продолжительной подготовки атаки и осуществить тактическую внезапность.

Немецкая пехота могла бы поэтому итти следом за подвижным заградительным огнем, за исключением Шампани, где необходима была предварительная подготовка в течение нескольких часов (5 час.). Подвижной заградительный огонь должен быть ужасным, протекать строго определенными взрывами, задерживаясь на тех пунктах и зонах, которые будут признаны тактически важными.

Ниже мы приводим схему заградительного огня, который был действительно проведен в Шампани во время атаки XII немецкого корпуса.

Эту схему можно расчленить на следующие части:

1. По расписанию, огонь, суживаясь и расширяясь, имел наибольшую густоту по длине узкой долины речки Свипп [1]) в частности, на запад и северо-запад от Сент-Илер, в районе расположения батарей и командных пунктов.

2. Заградительный огонь усиливался и задерживался на вершине N главной точке опоры Сент-Илер и в направлении на запад.

3. Огонь быстро проходил Жоншери, но усиливался и задерживался на укрепленной позиции на юг и юго-запад от этого местечка.

4. При достижении этой позиции, находившейся в 6—7 тыс. метров от исходных линий, заградительный огонь терял почти всю свою интенсивность, и атакующая пехота, предоставленная исключительно только своим силам, имела артиллерийскую поддержку лишь в немногих, выдвинутых вперед полевых батареях (в районе западнее и восточнее Эпин-Ламберт) и дальнобойных пушках настильной стрельбы.

Очевидно, это самый удобный момент для того, чтобы дать отпор всеми силами сектора, развернутыми здесь заранее, если только впереди лежащее пространство в 6000—7000 метров настолько малоценно в тактическом отношении, что его можно оставить.

Роль артиллерии атакующего в этих больших наступлениях, раз пехота лишилась своего заградительного огня, раз развитие тактического успеха в полном разгаре, вообще говоря, сводится к нулю.

Только пехота, скажем мы, с ее собственным оружием и несколькими орудиями или батареями сопровождения, плохо снабженными снарядами, ведет бой при дополнительной поддержке малого числа дальнобойных орудий.

Аналогичный заградительный огонь практиковался и ранее, в частности, для прохождения от Марны к югу до Дорман, где он был очень густым. Хотя, в общем, ничто не могло устоять в сфере этого огня (6—8 кил. по данному направлению), однако, немецкая пехота, предоставленная самой себе, захваченная нашим заградительным огнем на многих пунктах, быстро контр-атакован-

[1]) Летом германские артиллеристы практиковали стрельбу до последнего предела дальности, уменьшая табличные данные только на одну двадцатую.

ная в других местах и не имея уже, без сомнения, того боевого порыва, какой был у ней во время весенних атак, не могла, конечно, повторить больших продвижений прежних месяцев [1]).

15-го июля немецкие начальники сами, потеряли веру в свои успехи, веру, являющуюся главным залогом всякой победы.

Участие американцев в отбитии немецкого наступления 15-го июля.

Более 300.000 тысяч американских солдат, молодых, сильных, хорошо экипированных, прошли через наши порты, города, села и деревни под радостные крики „ура" и рассеяли народное беспокойство, правда, немое, но действительно существовавшее и вызванное нашим весенним отступлением. Это было большим утешением в недели испытаний.

Несмотря на то, что у немцев успехи продолжались беспрерывно до июля 1918 г., их армия и страна были, быть может, еще более обеспокоены. Две могущественные коалиции мира, одинаково задыхающиеся, одинаково настойчивые, стояли друг против друга в конце четвертого года борьбы, перед неизвестным исходом, хотя он и чувствовался, был близок и должен был быть решительным и окончательным.

В Германии знали, что вступление Америки в войну не фикция, а действительность, полная угроз в ближайшем будущем.

Несомненно, что германскому генеральному штабу это было хорошо известно. Кроме того он знал по тем многочисленным боевым схваткам, в которых принимала участие американская пехота, в особенности у Кантиньи, в районе Мондидье, в лесу Белло при Шато-Тьерри, что она существует и что она обладает высокими боевыми качествами.

Американские войска, многочисленные, хорошо экипированные и всем снабженные, с высокими боевыми качествами, храбрые, быстро пополняемые, были темным пятном в германской действительности.

В немецкой прессе писалось, что присутствие многих американских дивизий в июне и в июле месяце на западе и к югу от Шато-Тьерри, готовых выдвинуться между Парижем и Шато-Тьерри, было главной побудительной причиной, что генерал Людендорф отказался от своей первой идеи итти прямо на Париж, непосредственно через Шато-Тьерри. Это вполне вероятно. Дивизии, сформированные из молодых, сильных солдат, спо-

[1]) Крестьяне из окрестностей Обиньи-о-Бак сообщают, что уже 21 и 22 марта немецкие раненые, во множестве возвращавшиеся с британского фронта, заявляли, что победа к ним больше уже не вернется; настолько были велики у них потери в этом наступлении, которое, думали они, будет, наконец, последним.

собных к контр-атакам, что они не раз уже доказали, будучи в состоянии оказать более сильное и длительное сопротивление, чем наши войска на тех же участках фронта [1]): представляли из себя новый тактический и стратегический фактор. Вполне возможно и даже наверное можно сказать, что присутствие американских дивизий по 30.000 чел. в каждой, между Мо и Шато-Тьерри до 15 июля предохранило нас от прямого наступления на Париж, тем более, что сами мы не были достаточно подготовлены, чтобы остановить наступление на новой линии обороны, выдвинутой впереди Парижа [2]).

Это вторая заслуга американских армий, после того морального удовлетворения, которое она доставила французскому народу, после ее прибытия. Они отвратили опасность, которая угрожала Парижу в июльские дни 1918 г.

Удачные стратегические и фактические решения высшего французского командования во время кампании 1918 года.

В течение этих недель исключительной важности для судьбы нашей родины, высшее командование пришло к талантливым стратегическим и тактическим решениям, главные из которых мы здесь приводим.

Решение отвести нашу четвертую армию в Шампани перед большим наступлением немцев была одной из этих счастливых идей. Конечно, подобный тактический прием нельзя было обобщать и употреблять на всех театрах военных действий. Но в данном случае главная заслуга нашего высшего командования и заключалась именно в том, чтобы, разобравшись в обстановке, отдать дивизиям, защищавшим Марну, приказ защищаться на занимаемых позициях во чтобы то ни стало.

Победа в Шампани, заранее превозглашенная нашими противниками, и на которую был приглашен сам кайзер, в исторический день 15-го июля, превратилась в жестокое и громадное поражение, парализовавшее грандиозный немецкий маневр, задуманный ими для последующих дней. Мысль о контр-наступлении 18 июля, 6-й и 10-й армией, и использование леса Вилле-Коттре в качестве обширной и укрытой базы для начала атаки, была второй счастливой идеей...

[1]) Этого нельзя ставить в упрек нашим героическим дивизиям на тех же участках фронта, именно 51-й, 8-й, 125-й. Дивизии эти, малого боевого состава, изнуренные в жестоких боях в предшествующие недели, могли, конечно, оказать меньшую сопротивляемость, чем американские дивизии, укомплектованные полностью.

[2]) Линия, быстро организованная и устроенная под руководством и наблюдением генерал-губернатора и смешанного Комитета защиты Парижа.

Наконец, с точки зрения тактики, директива главной квартиры (ставки) № 5, от 12 июля 1918 г., рекомендовавшая внезапные атаки, была не только самой смелой, но и наиболее соответствующей обстоятельствам момента. Теперь не было уже грозного препятствия окопов, запутанных и усеянных проволочными заграждениями, как в предшествующие годы; не существовало более и немецких защитников, с их ранее непоколебимой стойкостью и высокой военной доблестью. Основания сопротивляемости уменьшились, а факторы наступления возросли как числом, так и силой. Поэтому можно было надеяться теперь, что при более простой и быстрой подготовке атака удастся; тем более, что, пользуясь этим методом, атакующий получал все преимущества внезапного нападения.

В 1918 году тяжелая артиллерия, старая и новейшая, — средних калибров, применяется исключительно для поддержки и обеспечения атак, но не для их подготовки; неожиданно обрушивая свой могущественный огонь, она давала возможность осуществить в то же время неожиданный удар пехоты.

Формы войны и способы поддержки пехотной атаки.

Это уже не позиционная, но и не маневренная война, например, 1870 г. или даже кампании 1914 г.

С точки зрения тактики, позиционная война должна вновь появиться, сравниваемая часто с войнами XVIII века, но в формах особенных и не предусмотренных наукой.

Фронт остался прежний—от Швейцарии до Северного моря.

На главном военном театре развернулось беспримерное в истории грандиозное отступательное сражение, фронтом в 300 километров, с лозунгом—до конца.

Оборона немецкого фронта была поручена лучшим войсковым частям, в зависимости от важности направления, но высшее командование союзников, угрожая повсюду, принудило держать противника лучшие, перволинейные войска и на второстепенных участках фронта; результатом этого были значительные успехи в местных наступлениях, направление и время для начала которых было выбрано нашим командованием.

У высшего французского командования оказалось большое преимущество: оно в состоянии было 18 июля 1918 г. навязать свою волю противнику и имело возможность выбрать час и место для нанесения удара; тому, кто сумеет вырвать и удержать эту инициативу, стратегическое наступление принесет громадный успех.

Генерал Людендорф сообщал в сводках в конце июля месяца, что французское наступление 18 июля задержано уже

20-го июля, но тем не менее известно, что оно возобновилось и что союзное командование повторными наступлениями—англо-французов 8-го августа, американцев от Сент-Миель 12 сентября и общим наступлением 26 сентября—сохранило инициативу, захваченную 18 июля, и оказывало постоянное стратегическое давление на армии противника, вплоть до его капитуляции.

С точки зрения тактики, немецкие дивизии, как и всегда, использовали, надо в этом признаться, с большим искусством местность и в полной мере—огонь.

Они останавливали часто наши войска, имея несколько пулеметов на позициях, быстро выбранных и рационально использованных, принуждая наши части прерывать движение иногда на целые недели, и снова начинать длительную процедуру артиллерийской подготовки.

Особенность этой войны, этого грандиозного отступательного сражения заключалась в том, что оно было проведено немцами элементами сопротивления первой линии, стойкими и почти невидимыми, снабженными, главным образом, одними пулеметами, никогда не занимавшими классических военных гребней, легко обстреливаемых нашим артиллерийским огнем; они занимали естественные капониры, защищенные от прямого наблюдения и уязвимые только орудиями навесной стрельбы. Эти вспомогательные пункты, эти естественные, часто двойные, капониры [1]) отлично выбранные и оборудованные, занятые несколькими пулеметами и минометами [2]) были главным препятствием для движения наступающих дивизий союзников, лишавших их возможности быстро наступать. Против подобных гнезд сопротивления, хорошо расположенных, трудно занимаемых без больших потерь и упорно защищаемых, пехота часто бывала бессильна; если бы они были возведены в систему, то она не могла бы их пройти. Дни и недели пехота союзников должна была останавливаться перед подобными, хорошо организованными позициями, несмотря на то, что они занимались незначительными частями.

Против новых препятствий настоящей войны, как бы второй кампании 1914 г., но с более совершенным вооружением, тактика состояла, в случае невозможности маневра, в том, что приноравливала употребление орудий и новых средств для сохранения, по возможности, человеческих жизней; здесь уже не было надоб-

[1]) Которым генерал Руффей пророчески предсказывал большое значение (равно как и навесной стрельбе) при обороне (лекции в воен. академ. лет двадцать тому назад.)

[2]) Снарядов к которым нашли столь значительное количество при наступлении, главным образом, в районе Мец и севернее.

ности в орудиях крупного калибра, так как даже эта полуманевренная война требовала скорее гибкости и подвижности, чем могущества [1]).

В полевой войне мало целей заслуживают снаряда—в 43 килогр. 155-м.м. гауб., или же в 40 клгр.,—150-м.м. германской или 6-дм. английской гаубицы.

Наиболее применимый в этой войне род артиллерии был у нас калибром 75-м.м., 105-м.м. также, как у немцев легкая 75-м.м. мортира, 77-м.м. полевая пушка и 105-м.м. легкая гаубица [2]).

Идеальным средством был танк—наиболее могущественное орудие непосредственной выдержки, столь любимое пехотой. Танк шел вместе или даже впереди пехоты, расчищая ей путь.

Орудия сопровождения пехоты системы Стокс или Жуандо недостаточно еще организованные и без механических средств передвижения, плохо прививались в войсках первой линии вследствие больших усилий, которые они требовали для их установки и для подноски к ним снарядов.

Наконец, третье—старое средство, местный заградительный огонь, бомбардировка и концентрация огня дивизионных орудий — 75-м.м. пушек и 155-м.м. французских гаубиц [3]) на узлах сопротивления, промежуточных пунктах и на пулеметных гнездах, часто мешавших продвижению. Такой огонь часто употреблялся, и он был единственным во многих дивизиях, так как, если этот способ и не был лучшим, то по крайней мере более общим вследствие того, что не во всех дивизиях были танки и орудия сопровождения Стокс или Жуандо [4]).

* * *

В общем, во время этой маневренной кампании 1918 г. можно было бы уменьшить артиллерию и заменить ее в значительной степени в роли так называемой артиллерии непосредственной поддержки, танками и орудиями сопровождения, если бы их можно было бы организовать в больших размерах и если бы пехота привыкла ими пользоваться.

---

[1]) Мы знаем некоторые дивизии, где в начале наступления употреблялись калибры 220 и 280, от которых пришлось отказаться, так как получавшиеся от разрыва снарядов воронки быстро занимались и служили убежищем для немецких пулеметов.

[2]) У наших союзников—англичан орудием, которое принесло им большую пользу, было 18 фунтовое и легкая $4^1/_2$-дм. гауб. (113-м.м.); последнее орудие было самое практичное из всех существовавших типов и принято почти во всех армиях.

[3]) 18-фунтовые пушки и $4^1/_2$-дм. гаубицы у англичан.

[4]) Все дивизии получили мортиры сопровождения Стокс или Жуандо в первые месяцы 1918 г., но они их не использовали и не возили даже, так как не освоились с употреблением их в бою.

В результате было бы значительное улучшение этой „непосредственной поддержки", которая была, как мы видели, весьма ненадежной с орудиями, обслуживающими пехоту стрельбой со слишком больших дистанций (4000—5000 мтр. и более).

На самом же деле было не так: танк, орудие, прекрасно действующее на противника, ни в коем случае не может служить для частого употребления, потому что быстро портится, очень дорог, и не может применяться на всякой местности. Орудия сопровождения—превосходны и могли бы иметь более широкое применение, будь они хорошо организованы и снабжены механической тягой; однако, в 1918 г. они не могли конкурировать в работе непосредственной поддержки пехоты с полевыми 75-м.м. пушками и 155-м.м. гаубицами, несмотря на несовершенство и неудобство последних для наступательных операций этого рода маневренной войне.

Несовершенство связи между пехотой и артиллерией в наступательных операциях 1918 года.

Слабые результаты артиллерийского огня

Если бы хорошая связь между двумя главными родами оружия могла бы вытекать только из хороших отношений, царивших между ними, то в таком случае в 1918 г. она должна была бы быть совершенной и тесной.

Командование сумело это осуществить, особенно в последний год войны. Никогда раньше духовная связь между пехотой и артиллерией в одной и той же дивизии не была так хороша.

Никогда личный состав батарей и рот не узнавали так хорошо друг друга, как только к концу продолжительных серий боев, проведенных вместе.

Простое предварительное соглашение, может быть, достаточно для операций, которые предусматривают начало сражения, но для продолжения и развития боя, в особенности при наступлении, надо быть в состоянии создать эти новые соглашения, по крайней мере уменьем передавать вперед и назад донесения, указания и приказы.

* * *

Поэтому необходимы средства связи: сигналы, телефон, телеграф, радио и авиация.

Кроме всего этого, необходим отряд связи, сформированный из небольшого числа опытных артиллеристов, которые следуют вместе с пехотой. Эти отряды были предусмотрены еще до войны, применялись во время войны с 1915 г. и надо сознаться, что в 1918 г. они не увеличились численно в сравнении с 1915 годом[1]).

[1]) Этот факт был констатирован во многих дивизиях.

Эти отряды, в большинстве случаев почти совершенно лишенные всяких средств, не могли сообщать ценных данных своим батареям, находившимся большей частью слишком далеко в тылу.

Повторяем, что средства связи были более совершенными, более полными и единение более осуществимым между двумя родами оружия, но громадные дистанции между батареями и передовыми пехотными линиями были больше, чем в какой-либо другой момент этой войны, в особенности же маневренной войны 1914 г., достигая часто 5—6 километров, усложняли, а иногда даже мешали установлению всякой прочной связи.

Тирания дистанций в бою, о которой говорилось в курсах тактики перед войной, осталась в целом, несмотря на телефон; она стала даже в тягость после того, как перешли к маневренной войне; на полях сражения более пространных, чем когда бы то ни было, установился новый порядок; связь была еще более трудной, чем во времена Империи или в 1870 г.

Увеличение дальности стрельбы в 1918 году.

Можно сколько угодно обсуждать преимущества и недостатки, происшедшие в результате полученной в 1918 г. возможности стрелять на дальние дистанции из тех же 75-м.м. пушек и 155-м.м. гаубиц, состоявших на вооружении наших дивизий.

Известно, что увеличение дальности 75-м.м. орудий в последнее время было достигнуто как применением новой дальнобойной бризантной гранаты [1]), так и увеличением дальности этих орудий, при стрельбе обыкновенной гранатой, до 7000 и 7500 м. Это увеличение в дальности часто позволяло доставать цели наиболее удаленные, более глубоко обстреливать позиции, занятые немцами, производить действительное смятение и тревогу, возможную только орудиями небольших калибров, снабженных громадным количеством снарядов. Но, к сожалению, новая возможность стрелять „дальше“, часто превращалась в стрельбу „издалека“, т.-е. позиции относились более назад, удаляясь от действовавшей пехоты. В зависимости от местности и позиций расстояние между первой линией пехоты и батареями должно быть не более 2000—3000—4000 мтр., иначе невозможно осуществить хорошую связь между пехотными частями и поддерживающей ее артиллерией. Если позиции выбирались часто для 75-м.м. орудий в главных операциях 1918 г. в расстоянии 5000 — 6000 мтр., то это было, по

[1]) Образец 1917 г.—результат изысканий, главным образом, Андре Лефевра.

нашему мнению, и по мнению многих наших товарищей, одной из причин, которая ослабляла работу нашей артиллерии в наступательных операциях 1918 г.

* * *

Не надо забывать, что на больших дистанциях 75-м.м. граната не имеет „убойности", если она не снабжена трубкой мгновенного действия.

К концу войны фабричная программа по их изготовлению была доведена только до того, что 30% всех батарей были снабжены этой трубкой [1]) (значит 70% бризантных гранат не имели его и давали очень слабую убойность при стрельбе на большие дистанции).

Мы видим, что такой простой вопрос, как снабжение гранат трубками мгновенного действия, не говоря уже о самих снарядах, поставленный не совсем удовлетворительно, уменьшал почти на половину действительность нашей стрельбы.

Ежедневно выпускалось таким образом 100.000 гранат на большие дистанции (из 200.000 гранат, выпускаемых всего за день) с обыкновенными трубками, которые могли давать лишь слабую убойность. Итак, удаленные позиции батарей, были вторым неудобством при осуществлении непосредственной поддержки пехоты [2]) для установления надежной связи, и служили причиной слабой действительности разрывного действия гранат [3]).

---

[1]) 30% взрывателей мгновенного действия, 30% взрывателей с замедлением, 40% взрывателей так называемых „без замедления", но на самом деле с малым замедлением. Самое правильное было бы иметь взрыватель с переменным, по желанию, замедлением, но нельзя было создать удовлетворительный образец во время войны.

[2]) Серьезные неудобства были и у контр-батарей и у батарей, обстреливающих тылы, но их можно было уменьшить, с одной стороны, введением дальнобойной гранаты обр. 1917 г. и с другой, как мы уже сказали, приучившись стрелять на большие дистанции обыкновенной гранатой. Наконец, тяжелые дальнобойные пушки 105-м.м. и новейшая, очень удобная, 155-м.м. Филлу, компенсировали даже и этот недостаток.

[3]) Стали эшелонировать в глубину не батареи в группах, а группы в полках. Снабжая впереди расположенные группы взрывателями с замедлителем и группы, расположенные глубже, взрывателями мгновенного действия, получали наибольшее действие по передовым линиям. Кроме того, снабжая дальнобойными гранатами отдельные выдвинутые вперед группы, обеспечивали таким образом глубокое действие по расположению противника.

Результаты стрельбы артиллерии в 1918 году.

Вероятные потери, нанесенные стрельбой артиллерии, при наступлении союзников в 1918 году.

Нам известны как наши потери, так и потери врагов в течение наступления 1918 г. [1]).

1. Для нас эти потери выражаются следующими цифрами: в период последних операций от 18 июля до конца—90.000 убитыми, ранеными, пропавшими без вести или взятыми в плен [2]) и 20.000 умерших в санитарных учреждениях.

Таким образом общее число убитых и умерших от ран как от ружейного, пулеметного и орудийного огня—сто десять тысяч.

Мы не знаем точно, каково отношение числа убитых от ружейного и пулеметного огня, сравнительно с теми же цифрами от артиллерийского, но мы можем заключить, без боязни ошибиться, что оно было больше 10.000 из числа 100.000; таким образом во всех боях, взятых вместе, за период 1918 года, число наших убитых и умерших от германского артиллерийского огня было ниже 100.000 человек.

2. С другой стороны, мы можем определить потери врагов от французского орудийного огня. Можно предположить, что они были почти равны тем, которые противник определяет у нас [3]), т.-е. ниже 100.000 человек, или 1.000 человек в день, в круглых цифрах (в течение 100 дней).

Это число скорее минимум, но не максимум для германцев, так как известно, что они потеряли всего 1.500.000 человек убитыми, т. е. по 1000 в день, в среднем, в течение всей войны; нельзя представить, чтобы они теряли меньше в течение тяжелого отступления 1918 г., чем в обыкновенных боях в течение предшествующих операций.

Мы предполагаем, что ежедневные потери немцев в день превосходили 1.000 человек; вероятно, что они доходили в день даже до 2.000 чел. [4]).

Попробуем найти истинную цифру между 1.000 чел. и 2.000 челов.

Предположим, что ежедневный расход средств в артиллерии в эти 100 дней не превосходил 4.000—5.000 тонн.

[1]) Германская статистика не вполне соответствует нашим сведениям.

[2]) В незначительном количестве за этот период.

[3]) Противник меньше стрелял из орудий, и, быть может, дистанции у него были больше, но цели, которые мы представляли, приближаясь, были более уязвимы, чем у него.

[4]) Число, из которого нужно вычесть убитых перед британским фронтом.

Если мы возьмем первую цифру убитых за день—1.000 чел. и 5.000 израсходованных тонн, то для того, чтобы убить одного врага требовалось 5 тонн.

Если же мы возьмем цифру 2.000 человек и 4.000 тысячи тонн, то получится на каждаго убитаго—2 тонны. Среднее, следовательно, будет находиться между этими двумя гипотезами, т. е. между 2 и 5 тоннами.

Число это не точное, но чтобы быть ближе к истине, мы полагаем, что для того, чтобы убить одного немца, нужно было 4—5 тонн.

* * *

Если сравнить этот результат с тем, который был в 1914 г. в августе месяце, где было убито почти столько же немцев, сколько было выпущено снарядов, а в среднем за первые месяцы на каждую тонну приходилось по 4—5 чел. убитых [1]), то можно считать, что к концу войны, артилерийская тактика пришла в упадок.

Действительно, главные причины уменьшения убитых в 1918 г. очень сложные; главные из них следующие:

1. Значительное уменьшение процента выпущенных шрапнелей до 10% в 1918 г., тогда как в 1914 г. их было выпущено 50% всех снарядов [2]).

2. Ухудшение качества взрывчатого вещества и внутреннего устройства самого сняряда.

3. Недостаток трубок, употребляемых при стрельбе на дальние дистанции.

4. Значительное уменьшение немецких войск и, в особенности, старание избежать густых построений перед огнем французской артиллерии 1918 г.

5. Отсутствие у большинства офицеров в 1918 г. „Наставления по стрельбе".

Единственная причина уменьшения действительности огня, которая может быть отнесена к тактике французской артиллерии, это большие дистанции, с которых стреляла артиллерия.

* * *

Слишком большая дистанция огня артиллерии в 1918 г. была главной причиной уменьшения его действительности. Оборонительное положение оправдывает, конечно, в некоторых случаях стрельбы на большие дистанции, но тем не менее, нужно сказать и про немецкую артиллерию, что она также

---

1) Можно предполагать, что в начале войны на 75-м.м. орудия было от 40.000 – 50.000 тонн снарядов.

2) Немцы сами заметили, что шрапнели, которые так хорошо действовали против их пулеметов, к концу войны были очень редки.

имела тяготение к стрельбам на большие дистанции, отчего страдала, конечно, пехота, лишенная непосредственной поддержки своей артиллерии [1]).

Но что следует особенно подчеркнуть в эту кампанию 1918 г.—это моральное ослабление, охватившее немецкую артиллерию, следствием чего её легко можно было нейтрализовать, заставляя часто менять позиции и приводя к молчанию. Этим же объясняется легкость, с которой она бросала свои снаряды при отступлении.

В этот период войны германская артиллерия не была на высоте своего положения по сравнению с пехотой, обнаружившей столько стойкости.

Вероятно, недостаток кадрового элемента служил главной причиной ослабления ее артиллерийской тактики [2]).

Как бы то ни было, но чтобы вывести человека из строя, в эту кампанию 1918 г. был необходим больший расход снарядов в сравнении со всеми войнами прошлого.

* * *

Главная ошибка артиллеристов заключалась в том предположении, что для полного успеха [3]) достаточно развернуть в большом масштабе фабричное производство. Не нужно забывать, что чем больше выбрасывается фабрикатов в виде снарядов, пушек, тем лучший должен быть транспорт, чтобы доставить все это на позиции, а исход войны, как известно, тесно связан с вопросами транспорта.

Вместо того, чтобы изыскивать способы увеличения количества производимых ежедневно снарядов, было бы много лучше, по нашему мнению, улучшать их образцы, выделявшиеся своими качествами и до войны.

Выгоднее увеличивать число поражающих осколков на килограмм и число выстрелов на тонну (что сказывается более всего на транспорте).

---

[1]) Большое количество 77-м.м. гранат, найденных на полях сражения подтверждает эту точку зрения.

[2]) Французские артиллеристы, участники кампании 1914 г., свидетельствуют значительное ухудшение наблюдения за полем сражения у германцев в 1918 г. Часто колонны французов, англичан и американцев, находясь на виду, не обстреливались артиллерийским огнем. В 1914 г. наблюдение за полем было поставлено образцово.

[3]) Критика не распространяется на производство снарядов, как таковое и на комиссии, напрягавшие все усилия, чтобы удовлетворить, насколько возможно лучше, желание фронта. Эти тыловые организации ставили наилучшие металлы и материалы, насколько было возможно при существующем оборудовании.

Все это позволит увеличить количество снарядов, улучшить действительность стрельбы, разгрузить транспорт и облегчить войска для маневренной войны.

Ничто так не мешало развитию маневренных действий, ничто так не связывало войска, как исключительная трудность снабжения снарядами [1]).

---

[1]) Мы были свидетелями задержки американских дивизий в районе Вердена (28 сентября) после их успехов; приписывали это недостаточной слаженности штабов у наших союзников. Нам известно, что задержка в значительной степени зависела от большого количества повозок со снарядами, необходимыми для многочисленных батарей 75-м.м. и 155-м.м. орудий, выдвинутых вперед, чтобы поддержать наступление американских дивизий на север.

Мы знаем также, что если бы у наших союзников были легкие гаубицы, как, напр., английские $4^1/_2$-дм. вместо 155-м.м., то они испытывали бы меньшие затруднения при развитии успеха и во время дальнейшего наступления.

ГЛАВА VIII.

Выводы относительно эволюции идей в артиллерии.

Эволюция идей в артиллерии во время последней войны приводит к следующим выводам:

1. Эволюция идей относительно стрельбы и эволюция идей относительно материальной части.

Артиллерия начала войну в 1914 г., имея значительное количество личного состава, замечательного, как по своему образованию (напр., инженеры d'Ecole Centrale), так и по подготовке в отношении стрельбы, особенно на ближних и средних дистанциях.

Считалось, что обычные дистанции для стрельбы артиллерии в бою должны быть меньше 4.500 или 5.000 метров и поэтому занимались стрельбой исключительно на ближние дистанции подобно тому, как в 1869 и 1870 г.г. готовились стрелять на средние дистанции, меньшие 2.000 метров.

Это исходное заблуждение принесло много пользы в сражении на Марне и Лотарингии в августе 1914 г. Благодаря этому заблуждению, с одной стороны, высоким качествам 75-м.м. снарядов—с другой стороны, легкие орудия давали нам беспримерный, производивший сильное впечатление, перевес над германской пехотой, а иногда и над артиллерией.

* * *

Война была начата с наличием в 4 тысячи 75-м.м. пушек, почти совсем без тяжелой артиллерии, но с запасом от 5 до 6 тысяч превосходных пушек Банжа [1]), находившихся неподалеку от восточнаго и с.-вост. театра военных действий, где их и начали применять в конце августа 1914 г.

Эта могучая артиллерия (Банжа) настильной стрельбы предназначалась в свое время для стрельбы преимущественно шрапнелью и картечью.

---

[1]) Или аналогичных им, как 95-м.м., системы Лаитголь (Lahitole).

Девять десятых этих пушек официально назывались длинными пушками. В действительности же по длине в калибрах [1]) это были пушки-гаубицы или длинные гаубицы.

Тем не менее настолько велика сила названия, что эта артиллерия во время всей войны применялась, как длинные пушки, т.-е. для настильной стрельбы, главным образом, под углом от 10 до 25 градусов. В силу той же причины не позаботились об изменении уже существующих лафетов или о замене их другими, чтобы дать возможность стрелять под большими углами возвышения, как производится стрельба из гаубиц. И, наконец, в 1917 г. начали испытывать и изучать, но еще только в качестве образцов, другие лафеты (Мурсе и Жуандо), применение которых в большом масштабе еще в 1915 г. позволило бы нам иметь настоящую гаубичную артиллерию как легкую, так и тяжелую.

Вопрос о материальной части настолько серьезен, что если бы эти лафеты были одобрены и изготовлены еще в 1914 г. [2]), то они быть может, предотвратили бы или же отдалили войну, как мы уже говорили, потому что они сразу давали тысячи гаубиц, снабженных лучшими для своего времени снарядами, и потому еще, что высшее германское командование, хорошо осведомленное о нашем вооружении, всегда придавало большое значение достоинству материальной части [3]), состоящей на вооружении.

* * *

В сентябре 1914 г. французская армия, против своей воли, вступила в период позиционной войны, к которой она совершенно не была подготовлена. Целых четыре года ее начальники, зарывшись под землю, старались, во время длинных бессонных ночей, изобрести способы для такого, неожиданного для них, рода борьбы.

75-м.м. пушки совершенствовались в течение месяцев и годов в стрельбе для фронтального заградительного огня.

Накануне атак и во время их подготовки эти пушки почти исключительно применялись для тонкой стрельбы дорого стою-

[1]) 20 калибр. длины для двух главных пушек 120 и 155-м.м. (германцы в конце войны стали употреблять 150-м.м. гаубицы в 20 калибр., которые они называли длинными гаубицами). Следовало бы и нам принять это наименование или же наименование пушка-гаубица, принятое в нашей старой артиллерии. Это простое изменение названия имело бы то важное преимущество, что мы были бы избавлены от необходимости ожидать появления гаубиц в течение нескольких лет.

[2]) Лафеты Мурсе были испытаны Бурже за несколько лет до войны.

[3]) „Наша тяжелая артиллерия—главный фактор нашего успеха“ (см. главу I-ю).

идей, в смысле расхода снарядов, стрельбы для разрушения проволочных заграждений. Вот два главных способа действий этих пушек в течение месяцев и годов.

Во время подготовки атаки тяжелая артиллерия, состоявшая почти исключительно из пушек Банжа, обыкновенно, применялась для стрельбы длинными пушками по батареям противника, (контр-батареи) и короткими орудиями (гаубицами и мортирами) для разрушения укреплений.

Операции 1915 г., включая и сражение в Шампани, были подготовлены пушками Банжа. Этими же пушками защищался Верден в 1916 г. (так как было очень мало 105-м.м. пушек и нехватало к ним снарядов и совсем не было новых 155-м.м. гаубиц). Те же пушки применялись на Сомме летом и осенью 1916 г., усиленные небольшим количеством крупных и очень крупных новых или переделанных орудий.

Если моральный успех нашей артиллерии большой мощности уже чувствовался с 1916 г., то масса снарядов, выпускаемая этими новыми крупнокалиберными пушками, по сравнению с массой снарядов, выпускаемых орудиями других калибров, была еще ничтожна в этом году. Эта масса также незначительна в начале 1917 г. до и во время боев на Эне. И только выход на фронт целыми сотнями 155-м.м. новых гаубиц, в конце 1917 г., дал нашему вооружению необходимую мощность огня и разрушительную силу.

Все это доказывает, насколько медленно подвигалось усовершенствование материальной части нашей артиллерии. Несмотря на все наши стремления и объединенные усилия целого народа и союзников, с их могучей промышленностью, мы все же в течение нескольких лет оставались рабами той системы артиллерии, с которой начали войну.

Единственное улучшение, которое могло было бы быть быстро и легко проведено в жизнь, это—улучшение снабжения боевыми припасами уже имеющихся орудий и усовершенствование их лафетов.

В общем, во время войны, менее убыточно, в большинстве случаев, надежнее и вернее усовершенствовать то, что уже имеется, чем создавать новое.

* * *

В эту войну французские артиллеристы сделали большие успехи в искусстве стрельбы и в засечках неприятельских батарей, но не так далеко ушли вперед в достижении действительности огня, в особенности при условии минимального расхода снарядов во время стрельбы по живым целям и при стрельбе на разрушение.

В течение целых годов во время этой войны большинство офицеров было лишено возможности видеть падение своих снарядов и наблюдать производимое ими действие; несмотря на это, на артиллерийских полигонах [1]) не были организованы практические показные стрельбы, на которых офицеры могли бы методически наблюдать действие их снарядов и влияние взрывателей—с замедлителями или без замедлителей—на производство того или иного разрушения.

Они не знали также, какое огромное значение имеет дистанция для действительности огня (что доказала кампания 1918 г.), так как до этого времени считалось, что дистанция влияет исключительно на рассеивание.

Одним словом, в течение всей войны, которую, без сомнения, никто не предполагал столь продолжительной, артиллеристы испытывали недостаток в практических показных стрельбах [2]), которые могли бы воочию показать действие, производимое их пушками.

* * *

Впрочем, по той же причине и генеральный штаб немногому научился в вопросах действительности артиллерийского огня. Кроме того в генеральном штабе ощущался недостаток в опытных и технически-образованных офицерах.

Не были в достатойной мере освещены исследования и заключения 1-го и 3-го бюро главного управления генерального штаба, на обязанности которых лежало решение текущих вопросов службы, а также и важных вопросов о материальной части и применение ее в бою.

В течение всей войны чувствовался недостаток в особых, прикомандированных к Ставке, опытных комиссиях bureau d'études) подобных тем, которые существуют при больших химических и металлургических заводах, и которые состоят исключительно из людей, безусловно компетентных: инженеров-конструкторов и изобретателей; был также недостаток и в практических показательных курсах, связанных с этими комиссиями.

---

[1]) Офицерам читалось много весьма полезных лекций, но это были лекции по теории стрельбы, а не показательные, в большом масштабе стрельбы, на разные дистанции, с различными взрывателями, на разной почве с тем, чтобы результаты огня могли быть проверены.

[2]) В эту войну, начиная с 1916 г., изготовлялось каждый день 150 тыс., а в последние годы более 200 тыс. снарядов к 75-м.м. орудиям; из этого числа можно было бы без особого ущерба уделять по крайней мере 2.000 снарядов ежедневно на показательные и опытные стрельбы, на которые по очереди командировать всех офицеров-артиллеристов. Незнание степени действительности стрельбы в течение всей войны было причиной многих неудач, а в конце войны—одной из причин недостаточного поражения целей.

Поразительно, что в эту войну бо́льшая часть знающих и опытных артиллеристов находилась в тыловых комиссиях (занятых исключительно изобретениями, заказами и заготовками), при чем с мнением их почти не признали нужным считаться; в то же самое время фронтовые комиссии были переполнены людьми менее компетентными, которые и решали вопросы артиллерии и вообще военного вооружения.

И только в конце 1917 г. между передовыми и тыловыми комиссиями почти прекратилась, или по крайней мере сгладилась неприязнь и несогласованность взаимоотношений.

* * *

С самого начала этой войны в Ставке дошли до того, что стали страшиться появления новых мыслей, что, впрочем, совершенно естественно в начале всякой войны, когда появляется изобилие новых мыслей и нехватает людей для их осуществления.

В 1915 г. на некоторое время было даже запрещено фронтовым офицерам заниматься чем-либо другим, кроме специальных, касающихся их повседневной работы, вопросов.

Между тем высшее командование не должно было осуждать эти новые мысли, а наоборот, скорее благословлять появление их: привлекать, а не отталкивать их, отдав на рассмотрение и изучение людей знающих и просвещенных, провести в жизнь, если эти мысли заслуживают этого [1]).

* * *

Из письма владельцев железоделательных заводов к кайзеру в 1917 г. видно, что у высшего немецкого командования недоставало технических советников, как это иногда обнаруживалось и у нас. В этом письме затронут вопрос о более научном использовании металлургических богатств „в будущую войну", когда армия не будет „скопищем людей". Эту фразу следует запомнить на будущее время.

Генерал Ноги, еще в 1904 г., несмотря на свои блестящие успехи под Порт-Артуром, сознал, что его собственное командование не было достаточно научным, в чем и принес извинение перед микадо в своем знаменитом письме.

Можно, в общем, сказать, что ведение войны большими армиями, во всех ближайших по времени кампаниях, не было согласовано, с точки зрения вооружения, с теми успехами, которые были достигнуты в области науки и промышленности.

[1]) В вопросах вооружения нельзя основываться единственно на том, принимается или не принимается я высшим командованием то или иное. Осуществление мыслей относительно вооружения происходит всегда настолько медленно, что высшее командование всегда успеет внести те или иные изменения.

Можно было бы привести много примеров и доказательств в подтверждение высказанного мнения, но здесь не место для рассмотрения технических вопросов.

* * *

Принципы, с которыми артиллерия начала войну, изложены в главе I.

„Артиллерия не подготавливает атаки, она ее поддерживает“ (вступление к уставу 2 декабря 1913 г.).

Это положение устава, однако, не запрещало артиллерии уничтожать препятствия... и „она (артиллерия) будет у н и ч т о ж а т ь все, что мешает успешному продвижению пехоты“ (§ 98).

Тогда были действительно уверены (такой иллюзией и объясняется, что быстрая подготовка атаки смешивается с поддержкой) в том, что препятствия, мешающие продвижению атакующей пехоты, вполне „доступны“ действию огня 75-м.м. орудий и „могут быть быстро ими уничтожены“; поэтому, конечно, и не видели особой нужды в предварительной подготовке.

„Артиллерия должна быть готова поддержать пехоту, как только она начнет продвигаться“ (§ 108).

Авторы Наставления полагали, очевидно, что они назначали более, чем достаточный срок для подготовки, предоставляя артиллерии возможность вмешаться только тогда, когда пехота начнет сближение с противником, т.-е. за несколько минут или часов до атаки.

Итак, вот что гласит основное положение устава: полное отсутствие предварительных [1]) и подготовительных действий артиллерии; взаимодействие и связь двух родов оружия.

* * *

Рассмотрим теперь тактику конца войны (директива № 5 от 12 июля 1918 г.).

„Командный состав должен применять в атаке приемы п р о с т ы е, с м е л ы е и б ы с т р ы е. Войска должны быть обучены в том же духе, с одним стремлением к наступательным действиям, доведенным до максимума“.

(Вступление к директиве № 5 от 12 июля 1918 г.).

„Тактическая внезапность требует быстрой и неожиданной атаки.

„Или при посредстве артиллерийской и авиационной п о д г о т о в к и, насколько возможно к о р о т к о й и с и л ь н о й.

[1]) По всей вероятности, немецкий генеральный штаб, ознакомившись с наставлением по выходе его из печати в декабре 1913 г., воспользовался им для того, чтобы ввести у себя проволочные заграждения, которые употреблялись немцами до позиционной войны (в августе 1914 г.). Немцы отлично знали, что проволоку нельзя уничтожить пушкой без соответствующей подготовки или без значительного расхода снарядов.

„Или без подготовки, но при посредстве прорыва, произведенного танками".

(Та же директива).

И далее:

„Артиллерийская подготовка должна быть, насколько возможно, короткой и сильной".

И, наконец:

„Пехота должна быть уверена, что она в достаточной степени снабжена вооружением [1]), которое дало бы ей возможность использовать свои первые успехи и продолжать продвижение, уничтожая местное сопротивление противника своими силами, без помощи артиллерии".

* * *

Итак, в июле 1918 г. [2]) было решено, что подготовки не будет, а если и будет, то достаточно короткая и сильная, чтобы обеспечить тактическую внезапность.

Сходство между первоначальным наставлением и наставлением в конце войны заключается в том, что как в начале, так и в конце войны больше всего стремились осуществить внезапность; но существует и глубокое различие, а именно: вооружение пехоты усовершенствовано, артиллерия во всех дивизиях снабжена 155-м.м. гаубицами Шнейдера, дающими возможность производить относительно быстрое разрушение.

На самом деле, в 1918 г., после этой директивы, не было случая, чтобы подготовка заняла более 2 — 3 часов времени, даже перед наиболее сильно укрепленными участками (атака американцев 26 сентября 1918 г. в районе Верден). Известны даже случаи, когда внезапные атаки на таких фронтах [3]) производившиеся без участия танков, все же были успешны: восточный сектор Вердена—франко-американская атака 8-го октября 1918 г.

* * *

Между этими двумя тактиками конца и начала войны, из которых первая появилась вследствие основного заблуждения что 75-м.м. орудия способны уничтожить все, встречающееся на их пути, а вторая родилась [4]) из чрезмерной, быть может, уверенности в силе вооружения артиллерии и, особенно, пехоты, „которая должна самостоятельно сломить местное сопротивление".

[1]) Пулеметы, ружья-пулеметы, ручные гранаты и орудия сопровождения Стокс'а или Жуандо-Деландр, наконец, имевшиеся в 1918 г. во многих дивизиях танки.

[2]) После внезапного наступления немцев на Ригу и англичан в районе Камбрэ.

[3]) Но все-таки после прорыва, произведенного за несколько дней до атаки.

[4]) События показали, что иногда для атаки местных препятствий надо прибегать к помощи артиллерийской подготовки.

За время войны появляется целый ряд официальных инструкций для боя; эти инструкции все подробнее изучают и развивают во всех деталях вопрос о свойствах артиллерийской подготовки и закончились самой обширной из всех инструкций, которая применялась в 1918 г. до выхода директивы № 5 (октябрьское наставление 1917 г., о наступлении).

Вот перечень этих наставлений.

1. Наставление ставки 1915 г. о подготовке наступления в Шампани.

2. Инструкция 1916 г. (16 января), которой руководствовались в сражении на Сомме.

3. Декабрьская инструкция 1916 г., которой пользовались в битве на Эне, 16 апреля 1917 г.

4. Наставление о наступательных действиях, вышедшее в октябре 1917 г., разосланное в начале 1918 г., укрепило пользовавшуюся уже известностью в конце 1917 г. доктрину, но мало способствовало успеху наступления в 1918 г.

Наконец, вышеупомянутая директива № 5.

Таковы главные инструкции и директивы, определявшие и направлявшие тактику артиллерии в течение войны.

* * *

В 1915 г. официальная доктрина предписывала артиллерии разрушение проволочных заграждений, поражение защитников окопов, по возможности, уничтожение батарей противника и, наконец, случайные стрельбы по разным целям по указанию пехоты.

В противоположность предшествующей, которая давала пехоте слишком большую свободу действий, новая доктрина 1916 г. уже предписывала ограничивать разрушение и заградительный огонь вполне определенными полосами, не глубокими, но законченными, и, разрушая их во всю глубину участка, сравнивать артиллерийским огнем все до основания.

Это—время все более и более растущего доверия к орудиям очень крупного калибра и к большим разрушениям. Подготовка атаки предполагалась постепенная с эшелонированием в глубину, чтобы получить возможность снять и уничтожить врага и „долбить“ его (pilonner) тяжелой артиллерией, которой необходимо дать время для перемены позиции между двумя подготовками [1]). Это самая интенсивная „долбежка“ (pilonnage). Возможно, что это и есть период наивысшего напряжения артиллерийского огня.

В 1917 г. наступил период „расширения“ подготовки, являясь как бы реакцией после предыдущей тактики в операции на Сомме, которая хотя и дала некоторые результаты, но недостаточно

[1]) В противоположность тому, что произошло в Шампани.

быстрые, без решительного прорыва и без последующего продвижения в глубину.

Теперь выступила на очередь „глубокая“ подготовка, которая одним ударом должна была дать материальные и моральные результаты, превосходящие все достигнутое атакой на Сомме, так как эта подготовка должна быть быстрой и непродолжительной. Известно, что это „расширенное и быстрое“ наступление закончилось в апреле 1917 г. неуспешной подготовкой, вследствие слишком слабой и недостаточной плотности артиллерийского огня на атакуемом участке.

Наконец, в октябре 1917 г., последнее наставление все еще остается верным доктрине полного или почти полного разрушения проволочных заграждений, сооружений и батарей, — эта медленная и методичная тактика характеризуется наступлением у Мальмезона, 24-го октября 1917 г. [1]).

Мы не хотели бы высказывать наше мнение об этих способах применения артиллерии, так как близость пережитых боев мешает правильно судить. Но мы смело утверждаем, что стремление увеличивать плотность артиллерийского огня и положение о полном разрушении при посредстве нашей тяжелой артиллерии привели к чересчур (от 5 до 8 дней) затяжным подготовкам, что, без сомнения, будущему поколению покажется невероятным, точно так же, как и расход боевых припасов, который часто превышал солидную цифру в 500 тысяч снарядов в день на незначительном фронте.

Было две тактики на выбор в годы позиционной войны (обнимающей всей войны): прорыв (percée) и война на истощение (l'usure).

В этой гигантской борьбе принцип истребления живой силы сменился тактикой атаки длительного напряжения (attaque à jet continu). В общем расход живой силы материальной части и продовольствия увеличился для Германии еще моральным упадком духа как в армии, так и в народе, когда в 1918 г. она столкнулась с силой американских и английских подкреплений, и, в результате, вся война приняла скорее вид войны на истощение, чем маневренной войны, потому что все время шла борьба на сомкнутом фронте и, в силу этого, никогда не было окружения.

Война, приняв такой оборот и закончившись войной на истощение, доказала, что правы были те, которые восставали против тактики прорыва и восхваляли организацию истребле-

[1]) Точно также и во Фландрии, при совместном наступлении англичан с бельгийцами.

ния, так как это, во-первых, уменьшало наши ежедневные потери, а, во-вторых, увеличивало потери противника, благодаря стрельбе на уничтожение живой силы.

Эта идея развита в главе III-й о позиционной войне и в главе IV-й о прорывах [1]).

Мы настаиваем именно на том, что самый факт нашего успеха в 1918 г. по директиве № 5 с ее тактикой внезапных атак в связи с некоторыми новыми моральными и материальными факторами, ни в коем случае не доказывает, что в 1916 г. или даже в 1917 г., мог удаться не прорыв, а удар (poussée), подобный тому, который был нанесен в 1918 г.

Влияние морального фактора на использование артиллерии.

Преувеличенная забота о сбережении морального равновесия солдата зачастую была причиной слабого использования нашей артиллерии.

Этот моральный фактор толкнул нас на поиски крупных и еще более крупных калибров, которые, как известно, не выводят много людей из строя и которые пришлось сейчас же оставить, как только началась маневренная война.

Это желание сохранить моральное равновесие солдата несовместимо с мыслью о войне, будь то война на истощение, или маневренная война.

* * *

Моральный же фактор заставил нас применять бомбы, снаряженные мелинитом, рвущиеся с большим треском и потому производящие, как считали в то время, большее впечатление на противника, чем бомбы с замедлителями и некоторые специального назначения бомбы, разрывавшиеся почти без шума.

Эта критика способов применения артиллерии, которые, не будучи основаны на точно проверенных опытных данных, превращалась часто в тактику чувства.

В общем мы руководствовались тем же моральным фактором при выборе вооружения, употребляя бомбу, которая не столько убивает, сколько оглушает.

Снова тот же моральный фактор заставил нас, если не признать официально, то по крайней мере сохранить и применять настильную стрельбу 75 и 105-м.м. орудий, из которых состояла бо́льшая часть нашей артиллерии.

Непроизводительный расход снаряженных взрывчатым веществом бомб, выбрасываемых с большой начальной скоростью и рвущихся с оглушительным треском, может произвести мораль-

[1]) У нас не было артиллерии, необходимой как для производства прорыва, так и для его использования.

ное впечатление, но не дает действительных результатов, что, конечно, совершенно не рационально.

Таким образом преувеличенная забота о моральном впечатлении вынудила нас изготовлять в огромном количестве [1]) боевые припасы с сильными зарядами, что еще более истощило промышленность страны, вследствие чрезмерного расхода стали, угля, алкоголя и сахара, принося в действительности, как мы уже об этом много раз говорили, относительно мало пользы.

Заметки о тактике великой войны и ее зависимости от техники.

В истории часто бывает, что лучшая тактика оказывается не чем иным, как систематическим использованием некоторого временного технического, материального или морального превосходства над противником.

Наполеон после стольких побед мог иногда использовать необычайное моральное превосходство своих войск, решаясь на безумно смелые атаки, потому что в то время сила огня противника не была такой, чтобы в известный момент боя чрезмерно приподнятый дух войск мог быть сломлен громадными потерями, как бывает с воодушевленной частью, брошенной на приступ, когда укрепления еще не уничтожены.

Позднее это сказалась, когда Наполеон захотел повторить ту же тактику перед укрепленными линиями Веллингтона. Моральное превосходство повлекло за собой опасности, потери и, наконец, поражение.

Однако, Бонапарт, будучи артиллерийским офицером и техником, особенно заботился о приведении в систему технического превосходства в материальной части артиллерии, унаследованной от Грибоваля и замечательной для той эпохи.

Наполеон создал тактику артиллерийских масс и умея широко использовать техническое и материальное превосходство.

Точно также и германцы, в эту последнюю войну, постоянно применяли тактику, которая возводила в систему то или иное временное материальное или техническое превосходство, как, напр., широкое применение полевой фортификации в начале войны, бомбы с удушливыми газами в Шампани, артиллерия большой мощности под Верденом, траншейные орудия в 1917 г. и т. д.

[1]) Без сомнения, такие снаряды было легче готовить, но если бы верхи решили, что продуктивнее было производить шрапнель, то и за этим не было бы остановки.

И, наконец, как уже было указано, осуществленное Людендорфом весной необычайно быстрое для того времени наступление было не чем иным, как систематическим использованием известного превосходства навесного огня скорострельной артиллерии—тысяч гаубиц и тысяч траншейных орудий.

А кто будет отрицать, что Людендорф едва не имел успеха?

В настоящее время тактика должна вытекать не из имеющейся материальной части, как некогда говорили, но из определенного материального и технического превосходства.

Начиная с простой проволоки и кончая танками (рассматривая все переходные стадии), благодаря внезапному развитию мощности огня, материальная часть и ее применение приобрели значение, о котором ранее даже не подозревали.

Материальная часть и техника, которая предначертала ее план, осуществила, усовершенствовала и применила ее, приобрели в эту войну исключительное значение.

И если эта война закончилась победой, то только благодаря неисчислимым промышленным и материальным рессурсам наших союзников, а не вследствие образцового использования нашего вооружения и системы нашей артиллерии.

* * *

Имея в начале войны даже такого полководца, как Наполеон, который мог навязать свою волю противнику, нельзя было бы предугадать, какова будет первоначальная тактика, и, что еще труднее, каково будет ее постепенное изменение.

Неизвестность условий ведения войны и изменений тактики надо считать правилом.

Пока не будет восстановлено между нациями известное равновесие, пока новые границы родины не будут защищены поясом из новейших пассивных и активных укреплений, до тех пор нам необходима тщательно продуманная и испытанная на деле система артиллерии, способная дать на этот раз максимум использования, какой бы ни был род будущей войны, не только в смысле стрельбы, но и в смысле транспорта и полезной производительности (puissance de débit).

* * *

Сравнивая в общих чертах требования, предъявляемые новейшей артиллерии, с теми требованиями, которые предъявлялись в маневренную войну прежней артиллерии, т. е. подвижность и могущество, приходится сделать вывод, что в наше время необходимо еще одно добавочное качество,

именно полезную производительность орудий, стрельба из которых продолжается целыми часами как при наступлении, так равно и при обороне.

Никогда это качество не считалось обязательным; впрочем, оно было не особенно применимо в виду недостаточного снабжения боевыми припасами; в данный же момент это качество считается необходимым, потому что бои выигрываются миллионами выпускаемых снарядов.

Естественно, эта полезная производительность требует небольшого давления в канале орудия, малого заряда и легкого снаряда.

Многие неудачи и потери, даже в 1918 г. и, быть может, больше всего именно в этом году, объясняются малой полезной производительностью 75-м.м. орудий. Таких примеров можно было бы привести очень много.

* * *

Многочисленные умствования этой войны, в виде непоследовательного пристрастия и чрезмерного увлечения, отдалили час нашей решительной победы.

Пристрастие к настильной стрельбе и к излюбленному 75-м.м. орудию.

Потом увлечение тяжелой и очень тяжелой артиллерией.

Пристрастие к „долбежке" (pilonnage) и к полному разрушению.

Пристрастие к огромному расходу снарядов.

Увлечение стрельбой на большие дистанции и по площадям.

Постепенное игнорирование самых близких целей, которые являются объектом действий пехоты.

Все это большей частью грешит отсутствием основательного и точного знания материальных средств, имевшихся налицо и тех, которыми можно было бы легко располагать, а также и незнанием боевых нужд пехоты.

Во время войны история эволюции артиллерии почти смешивается с постепенными увлечениями тем или иным родом материальной части или же тем или иным приемом ее употребления.

* * *

Чтобы армия не отставала от народа, необходимо, чтобы в военных школах доказали значение промышленных и научных знаний и боролись бы против недооценки техники.

Необходимо создать образцовую прикладную военную школу, общую для всех родов оружия и, если возможно, то и для всех офицеров армии, которая была бы проникнута нашим промышленным духом.

Такая школа принесла бы гораздо больше пользы, чем военная академия, даже расширенная и более доступная для всех, чем это было до сих пор.

* * *

Результаты преподавания в школах скажутся впоследствии.

А пока, чтобы иметь возможность защитить границы с небольшим количеством войск, необходимо в артиллерии и в армии применить систему Тэйлора.

Цель этой системы — обеспечить сильным огневым могуществом как на ближних, так равно и на дальних дистанциях большое число немногочисленных, но прекрасно вооруженных войсковых частей.

Мы не будем указывать здесь, каково должно быть это вооружение. Гений наших изобретателей только и ждет, чтобы им воспользовались.

Кроме того следовало бы внушить большинству французов мысль о необходимости пренебречь той славной материальной частью, которая в конечном результате, принося посредственную пользу, поглощает в огромном количестве материалы и требует громадных средств передвижения.

Вот и все, на что мы хотели обратить внимание в настоящей работе.

Конец.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие . . . . . .

ГЛАВА I. Артиллерия перед началом кампании (материальная часть, личный состав, обучение) 9

ГЛАВА II. Артиллерия во время первых операций (включая операцию на Марне) 34

ГЛАВА III. Артиллерия в течение четырех лет позиционной войны. 51

ГЛАВА IV. Артиллерия во время попыток прорыва 68

ГЛАВА V. Артиллерия во время верденской операции (германское наступление 1916 г.) 91

ГЛАВА VI. Артиллерия во время германских атак весной 1918 г.). 109

ГЛАВА VII. Артиллерия в победоносном наступлении союзников 113

ГЛАВА VIII. Выводы относительно эволюции идей в артиллерии . . 127

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

Москва, ул. Крапоткина, Мертвый пер., д. № 10.

Вышли из печати за 1921 год.

Стратегия, тактика и обучение войск.

Морской устав караульной службы.
Морской дисциплинарный устав.
Наставление для ведения занятий с гренадерами.
Н. Зигель.—Совместная работа артиллерии с воздухоплаванием и авиацией.
А. Львов.—Обучение стрелка и подготовка мелких частей к бою.
Радус Зенкович.—Очерк встречного боя.
С. Шейдеман.—Стратегическая деятельность конницы на театре военных действий.
Черемисов.—Прикладная тактика. Выпуск 1-й.
Его же „ „ „ 2-й.
„ „ „ „ 4-й.
Н. В. Анисимов.—Элементарная тактика. Отдел II-й. Конница.
Милаш.—Опыты и руководства для использования действий войсковой конницы.
Белелипецкий.—Практические приемы к обучению караульной службе.
Беседы с пехотинцами о друг. родах войск и технических средствах борьбы современной войны.
Н. Афачасьев.—Практические указания по оборудованию ящика с песком.
Инструкция и программа для ведения занятий с инструкторами спорта и допризывной подготовки.
Убйт.—Боевое наставление для речных флотилий.
Белелипецкий.—Руководство по полевому и строевому уставам.
Свенцицкий.—Что такое перспективная съемка и как она производится.
Свенцицкий.—Военно-глазомерная съемка, ее необходимость и способы производства.

Артиллерия.

Ведомость артимущества, положенного содержать в высшей воздухоплав. школе.
„ „ „ „ „ „ в роте связи бригады В. Ч. К.
Ф. Лендер.—Краткое теоретическое основание стрельбы зенитной артиллерии.
М. Лисовский.—Действие артиллерии в связи с пехотой.
Сирябин.—Краткое руководство для изучения материальной части 3-х дм. полевой пушки.
Цитович.—Сведения об организации боевого употребления тяжелой артиллерии.
Башмери.—О стойкости нитроклетчатки в связи со способом ее промывки.
Указания для выбраковки и разделения на категории каналов орудий стволов по степени их разгорания.
Как артиллерия наблюдает.
Н. Н. Никифоров.—Памятка орудийному начальнику.
Таблица. Снаряды для 6-дм. гаубицы полевого образца 1910 г. и кр. образца 1910 г.
Таблица. 42-х лин. полевая скорострельная пушка образца 1910 г. (Общий вид).
Таблица. Снаряды с 42-х лин. скорострельн. пушки образца 1910 г.
Пособие для обучения военнослужащих, поступающих в части легкой артиллерии.
Батинский.—Необходимые сведения по стрельбе и пособие к польз. таблиц. стрельбы из 76,2-м.м. пуш.

Стрелковое и пулеметное дело

К. Ростовский.—Что такое пулемет и как стрелять из него.
Пособие при обучении красноармейцев, призванных в полки стрелковых дивизий.
Таблица. „Винтовка образца 1891 г.“
„ 3-х лин. пехотная.
„ Прицелочная мишень.
Семенов.—Подготовка самостоятельного стрелка к бою.
Игнатович.—Боевая памятка мл. командного состава пехоты.
А. Гусев.—Программы и руков. для специальн. занятий командного состава телеф.-телеграф. дивизиона, ч. III.

II

Служба связи.

К. Осипов.—Служба связи на войне.
Муравьев Курс радиотелеграфа [illegible], ч. II.
Былим-Колосовский.—Ламповые усилители и применение их в радиотелеграфе.

Военно-Инженерное дело.

В. В. Яковлев.—Программа и руководство по военному и минному делу, ч. I и II.
Его же Руководство по военному и минному делу, ч. III.
Его же Краткий очерк взрывчатых веществ.
Г. Невский.—Руководство по фортификации.
Муратов.—Бронепоезда.
Пособие при обучении кр-цев, поступающих в саперные и дорожно-мостовые роты.

Военно-морское дело.

Уайт.—Боевое использование для речных флотилий
Война на море, том I.
Вожеро.—Значение морской силы для господства.
Крылов.—Основные сведения по теории корабля.
Болецкий.—Проверка линий валов.
Шиманский.—О выборе правила для руководства при проектировании стандартых типов коммерческих пароходов.
Записки по гидрографии.

Авиация.

Рынин.—Техническое описание аэроплана Бреге.
Кулебакин.—Авиационное магнето высокого напряжения.
Фомин.—Правила хранения и содержания воздухоплавательн. имущества.
Яцун.—Помощь авиации действиям наземных.
Приборы для обучения бомбометанию.

Справочная литература.

Систематизированный сборник приказов и распоряжений, Центральн. учреждений воен. ведомства.

Вып. IV с 16—29 фев. 1920 г.
То же „ V с 1 по 15 мар. 1920 г.
„ „ VI с 15 по 31 „ „
„ „ VII с 1 по 15 апр. „
„ „ XIV с 15 по 21 июля „
„ „ XV с 1 по 15 авг. „
„ „ XVI с 15 по 31 „ „

И. Морозов.—Довольствие Красной армии. Вып. 2-й.

Разные.

Снесарев. Авиационный.
Бони.—Быстрота и выносливость кавалерии.
И. Смилга.—Очередные вопросы строительства Красной армии,
М. Тухачевский.—Война классов.
Сборник:—Два года Красной Академии Генерального Штаба 1918 г. Сентябрь 1920.
Описание конской амуниции французского образца.
Дополнения и изменения к руководству Бабинского по полевому телефонному делу.
Программа дополнительного учебного сбора Всеобуч.
В. Маяковский.—Рассказ о дезертире.
Азбука Красноармейца (с рисунками в красках).
Врангель разбит, но могущество Антанты еще не сломлено.
Доблестная защита Петрограда в Октябре 1919 г.
Памятка красноармейцу, выходящему в отпуск.

Что должен помнить каждый красноармеец.
С. И. Гусев.—Уроки гражданской войны.
Костяев.—Военная география.
Наставление для ухода за лошадью.
В. Павлов.—Справочник по вещевому довольствию.
Памятка красноармейцу в „Неделю достояния Красной армии".
Плакат. Красноармеец, береги народное добро.
Плакат.—Неделя достояния Красной армии.
Плакат.—Рождество.
Плакат.—С новым годом.
Плакат.—Будь на страже.
Плакат.—Приемы правильной ковки лошадей.
Сборник.—Связь Красной армии, вып. 1.
Верховский.—Очерк по истории военного искусства в России.
Бернгарди.—О войне будущего.
Фрунзе.—Единая военная доктрина и Красная армия.
Верховский.—Задачи военно-учебных заведений в свете опыта войны.
Златоминский.—Методы и приемы выполнения Военно статистич. работ.
Современная Польша.
Сборник трудов военно-научного об-ва по изучению опыта классовой войны.
Троцкий.—Военная доктрина или мнимое военное доктринерство.

Физ. № 2405. В. В. Р. С. № 334 Тир. 3.500.
Р. В. Ц. № 43. 27-я типография М. Г. С. Н. Х. Москва.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Схема подвижного заградительного огня на фронте XII германского корпуса.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — 1921